

**ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**ИРАНИСТИКА НА СЕВЕРНОМ
КАВКАЗЕ**

**Материалы Международной научной
конференции**

Махачкала
2009

УДК
ББК
ISBN

نشر این کتاب با پشتیبانی رایزنی فرهنگی جمهوری اسلامی ایران در روسیه انجام
گردیده است

Редакционная коллегия:

*А. Эбрахими Торкаман, М.М. Гасанов, А.Р.Магомедов, М.-Н.О.
Османов, А.Р. Шихсаидов, Р.С. Кадыров, Н.Г.-А. Мамед-заде
(ответственный редактор)*

Иранистика на Северном Кавказе. Сборник статей.
Махачкала: Центр иранистики факультета востоковедения ДГУ,
2009.

В сборник вошли статьи докладов участников международной
научной конференции: **Иранистика на Северном Кавказе.**

*Издается по решению ученого Совета факультет
востоковедения ДГУ*

© Центр иранистики
факультета востоковедения ДГУ

Оглавление

<i>Гаджиев М.С.</i> , Исследования сасанидского городища Торпах-Кала.....	6
<i>Оразаев Г. М.-Р.</i> , Занятия Абусуфьяна Акаева персидской филологией и его контакты с представителями иранской диаспоры в Дагестане	25
<i>Айтберов Т.М., Халлаев З.</i> , Шафиитский орден сухравардия и распространение ислама в Кубачинской зоне (к вопросу о вероятности иранского культурного и религиозного влияния на Северо-восточном Кавказе эпохи средневековья).....	29
<i>Далгат Э.М.</i> , О средневековом искусстве Ирана	51
<i>Акимущкин О.Ф.</i> , Художник Касим ибн ‘Али и рукопись РНБ «Ахсан ал-кибар» (Dorn 312)	59
<i>Исмаилов Г.И.</i> , К вопросу о некоторых символах древнеиранской религии зороастризм, отразившихся в татуировках женщин Дагестана.....	70
<i>Маммаев М.М.</i> , Освещение вопросов художественных традиций Сасанидского Ирана в средневековом искусстве сел. Кубачи в трудах исследователей XIX-XX вв.	75
<i>Наврузов А.Р.</i> , Зикр и его этика в накшбандийском тарикате в Дагестане.....	86
<i>Айтберов Т.М.</i> , Древнейший дагестанский персоязычный документ (послание Газисултан-шамхала Казикумухского элите и общинникам Цахура, начало XVI в.).....	97
<i>Кадыров Р.С.</i> , Иранский компонент в диалектах азербайджанского языка.....	105
<i>Мамед-заде Н.Г.-А., Исмаилова Д.Г.</i> , К вопросу о предметно-тематической классификации иранизмов в даргинском языке.....	111

<i>Каражаев Ю.Д.</i> , Осетинские языки в контексте когнитивной лингвистики: проблема реконструкции концептов-архетипов.....	116
<i>Сеидова Г.Н.</i> , Персидский язык как звено в историко-культурных и духовных связях Ирана и Дагестана	127
<i>Омаров А.А.</i> , К вопросу об употреблении персидских лексических единиц в даргинском языке.....	132
<i>Асадулаева П.Г.</i> , Типология развития аварских наречий в сопоставлении с иранскими языками	137
<i>Миргамидова Н.Р.</i> , Лексико-семантические особенности антропонимов и прозвищ азербайджанского языка иранского происхождения	143
<i>Айвазова Э.Б.</i> , Структура звукоподражаний азербайджанского и персидского языков	148
<i>Гереева А.И.</i> , Типологическое развитие причастия в кумыкском языке в сопоставлении с древнеиранскими языками	152
<i>Левицкая Л.И.</i> , Адвербиальная детерминация русского и английского языков с иранскими и тюркскими типологиями.....	156
<i>Рамазанов М.Т.</i> , Типологическое развитие атрибутивных словосочетаний в персидском и азербайджанском языках	161
<i>Алиева Р.Ю.</i> , Иранский компонент в азербайджанской ономастике	166
<i>Тарамова А.С.</i> , Типологическое развитие падежной системы тюркских языков в сопоставлении с иранскими	169
<i>Гасанов М.А.</i> , Место Кавказа в политике мировых держав в XVIII-XIX вв.	173
<i>حسن حضرتي، نقشبنديان در عرصه سياست ورزي</i>	181

ИССЛЕДОВАНИЯ САСАНИДСКОГО ГОРОДИЩА ТОРПАХ-КАЛА

Городище Торпах-кала (рис. 1) расположено в 20 км к югу от Дербента, у северной окраины пос. Белиджи, в междуречье Рубаса и Гюльгеры-чая (р. Гюрген) и представляет собой один из крупнейших археологических объектов Восточного Кавказа. Первое упоминание об этом памятнике встречается у Джона Кука (Cook J. 1770. Vol. I, p. 375. Vol. II, p. 363, 364) и Иоганна Лерха (Lerche J.J. 1791. S. 304-305), которые пересекли Приморский Дагестан в 1747 г. в составе посольства князя Голицына в Персию. Д. Кук именует городище *Turrosala* (тюрк.-араб. Торпах-кала «Глиняная (земляная) крепость»), а И. Лерх – *Toprak Kale* и *Scheherge* (перс. Шехер-гах «Место города»). Оба автора дают сходные сведения, согласно которым городище предстает «царской резиденцией». Очевидно, именно этот памятник фигурирует в «Истории албан» Мовсеса Каланкатвази (VII в.): в главе II,39 албанский историк сообщает, в частности, о том, что посольство епископа Израела, направленное зимой 681-682 гг. князем Албании Вараз-Трдатом к предводителю гуннов Алп-Илитверу, не доходя Дербента, прибыло в «древнюю царскую резиденцию, в то место, где Григорис, католикос Албании, был удостоен венца мученика» (Dasxuranci. 1961. P. 154-155). Именно рядом с городищем Торпах-кала, в 4,5 км к юго-востоку от него, возле сел. Нюнди, была построена, по преданию, на месте гибели Просветителя Албании св. Григориса, и ныне возвышается величественная часовня, которая еще в конце XIX – начале XX в. являлась христианской святыней Восточного Кавказа (Комаров А.В. 1882. С.438-439). Имя погибшего здесь миссионера отложилось и в ином названии рядом расположенной р. Гюльгеры-чай (Гюрген), которую раньше жители Нюнди именовали также Григорин-чай «река Григора».

Городище Торпах-кала неоднократно привлекало внимание специалистов. В 1923 г. оно было осмотрено А.С. Башкировым, который отметил его сходство в планировке с северо-персидскими и юго-западными туркменистанскими укреплениями (Башкиров А.С. 1927. С.235-236). В 1937 г. городище посетил Е.А. Пахомов (Пахомов Е.А. 1938. С.34), а в 1941 г. – М.И. Исаков (Исаков М.И. 1941. С.156-157). В их публикациях была приведена самая общая, очень краткая характеристика этого неординарного памятника.

В начале 1950-х гг. территория городища была передана в ведомство Министерства обороны СССР и закрыта для посещения. В 1957 г. В.Г. Котович осмотрел небольшой участок в западной части памятника (Котович В.Г. 1957. С.97-101). На основании подъемного керамического материала исследователь датировал памятник V-VIII вв., а также выделил среди полученных с территории городища фрагментов «лепную керамику архаического облика, которая сближается с керамикой поселений конца энеолита – начала ранней бронзы» (Котович В.Г. 1957. С.97-99). М.И. Исаков же сначала предположительно датировал городище последними веками до н.э. – первыми веками н.э. и отнес его гибель к IV-V вв. н.э. (Исаков М.И. 1941. С. 156-157), затем ограничил время его существования первыми веками н.э. (Исаков М.И. 1959. С. 204), а позже – второй половиной I тыс. н.э. (Исаков М.И. 1966. С. 15).

Он также полагал, что здесь находился город Албана, упомянутый Клавдием Птолемеем в списке населенных пунктов Кавказской Албании (Исаков М.И. 1941. С. 156-157). С.Т. Еремян идентифицировал это городище с раннесредневековым городом Чор, который, по его мнению, являлся столицей царства Маскутских Аршакидов (Очерки истории СССР. 1958. С. 304, 316). В.Г. Котович локализовал на месте Торпах-калы город Беленджер – одну из ранних хазарских столиц, которую, как и С.Т. Еремян, отождествлял с городом Чор (Котович В.Г. 1974. С.199). Позднее М.С. Гаджиевым была предложена идентификация городища с сасанидским городом Шахристан-и Йездигерд (Гаджиев М.С. 1980), возведенным, согласно сирийской хронике города Карка де бет Селох (кон.V-VI в.), шаханшахом Йездигердом (438-457) в области Чол (Hoffmann G. 1880. S.50). Такой разброс мнений в датировке и интерпретации городища Торпах-кала был обусловлен

как самой археологической неизученностью объекта, так и шире – слабой разработкой многих вопросов исторической географии Восточного Кавказа I тыс. н.э.

В настоящее время памятник расположен на территории Учебного центра Дербентского погранотряда Управления федеральной пограничной службы ФСБ РФ и доступ на него ограничен. Городище имеет трапецевидную форму и занимает площадь свыше 100 га (рис. 1). Длина его валов – от 950 м до 1150 м, высота – 7-8 м, ширина – 30-39 м. Общая протяженность их составляет 4400 м. Следует отметить, что в отдельных местах на вершине валов наблюдаются провалы грунта, очевидно, фиксирующие наличие внутренних пустот, по всей видимости, коридоров в местах ныне не видимых входов и внутренних лестниц для подъема на стены. Толщина стен городища позволяла сооружать подобные внутренние коридоры и лестницы в теле куртин.

С внешней стороны валы имеют 144 полукруглых выступа, расположенных через каждые 28-30 м и фиксирующих местонахождение башен. В каждом валу имеются разрывы, указывающие в ряде случаев на расположение в этих местах городских ворот, фланкированных башнями. Городище по периметру было защищено рвом (ширина 20-25 м), ныне залпывшим аллювиальными отложениями (за исключением рва вдоль юго-восточного вала, заполненного проточной водой). На сооружение городских стен шла материковая глина, добываемая непосредственно на месте – из создаваемого рва, и, очевидно, что первоначальный объем рва был близок объему укреплений городища.

В 1999 г. Дербентская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН с разрешения командования Особого Кавказского пограничного округа (ныне УФСБ ФСБ РФ) провела рекогносцировочные работы на городище Торпах-кала, а в 2000 г. – начала на нем раскопки¹. В результате проведенных работ на памятнике были исследованы его

¹ Исследования на городище проводились по грантам РГНФ (проекты №№ 99-01-18080, 00-01-18084е, 01-01-18023е, 03-01-18030е, 04-01-18067е, 05-01-18035е, 06-01-18072е; руководитель проектов М.С. Гаджиев).

стратиграфия, оборонительные сооружения, позволившие датировать городище V-VI вв. н.э. (Гаджиев М.С. 2001. С. 32-40; Гаджиев М.С., Бакушев М.А. 2005. С. 66-67). Большое значение имело обнаружение и исследование на территории городища поселения эпохи ранней бронзы, расположенного в восточном углу городища (Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г. 2002. С.31-33; 2002а. С.52-54).

Имеющиеся в отдельных местах обнажения вала, окружающего городище, фиксируют скрытые в них некогда мощные стены, сложенные из сырцового кирпича на глиняном растворе. Одно из таких обнажений расположено в центральной части юго-западного вала – между башнями 51 и 52, где его прорезала грунтовая дорога. Произведенный здесь разрез (разрез I) позволил исследовать структуру вала и скрытую в нем оборонительную стену.

В результате проведенных работ был получен поперечный профиль сохранившейся центральной части вала шириной 17,5 м. Первоначальная ширина по основанию вала на данном участке составляла, судя по направлению склонов и линии подошвы вала, ок.30 м. Края полы вала с обеих сторон были разрушены земляными работами, что, однако, не изменило общую стратиграфическую картину.

Вал был перекрыт слоем гумуса и ниже – слоем 1, представлявшим плотную, светло-коричневую глинобитную массу, которая образовалась в результате полного постепенного и естественного разрушения сырцовых кирпичей верхних рядов кладки, из которых была сложена выявленная в валу оборонительная стена.

Оборонительная стена, перекрытая слоем 1, занимает центральную часть вала и представляет собой сплошную кладку из квадратных сырцовых кирпичей 38-42х38-42х10-12 см различных оттенков коричневого, бежевого цвета. Кирпичи уложены плашмя цепным способом на плотном глиняном желтовато-бежевом растворе. Толщина горизонтальных швов между рядами кирпичей составляет 1-4 см, обычно – 2-3 см. Толщина вертикальных швов колеблется от 1,5 см до 4 см, при норме 2,0-2,5 см. В разрезе зафиксировано на уровне от полотна дороги до верхних отметок

стены 25-27 рядов сырцовых кирпичей на высоту 2,75-2,90 м. Это зафиксированная разрезом сохранившаяся высота стены. Но необходимо иметь в виду, что нижние ряды кладки стены уходят в толщу полотна дороги, и общая сохранившаяся высота стены на данном участке, как показали дальнейшие исследования, составляет около 4,5 м. Ширина стены у ее основания составляет 10,20-10,25 м. Наружный фас стены имеет наклон 12^0 , что позволяло ликвидировать пристенное «мертвое пространство», а внутренняя грань ее вертикальна.

С обеих сторон к остаткам сырцовой стены примыкал располагавшийся ниже слоя 1 слой 2, представляющий собой плотную, светло-коричневую, сырцово-суглинистую комковатую массу полностью разрушившихся и сильно фрагментированных сырцовых кирпичей толщиной 10-12 см. Этот слой, образовавшийся в результате разрушения стены, наклонной лентой следует от фасов стены вниз к краям вала.

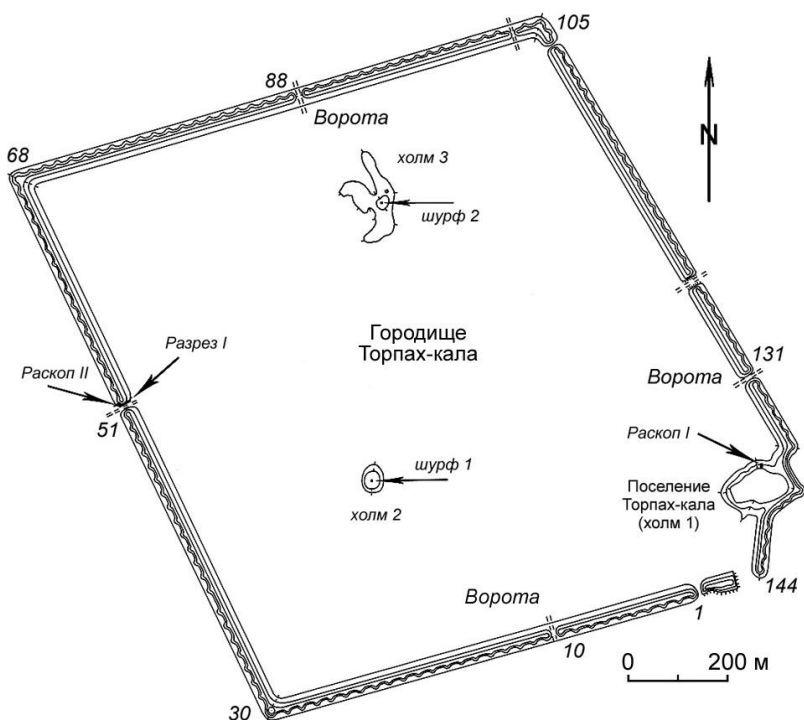

Рис. 1. План городища Торпах-кала

Вплотную к основанию наружного фаса сырцової стены под слоем 2 примыкает слой 3, представляющий собой очень рыхлый, светло-коричневого цвета, пылевидный грунт. Судя по структуре слоя, его стратиграфическому положению, конфигурации, можно считать, что он образовался после завершения функционирования стены, но до процесса ее активного разрушения и со временем накапливался у ее основания.

В месте расположения прилегающей к разрезу башни 52 вал имеет высоту от подошвы до вершины башни 7,0 м. Башня фиксируется по крупному полуовальной формы выступу в средней и верхней части вала, ширина которого здесь составляет около 37 м. Диаметр выступа по его основанию около 24 м, вынос – 11,5 м. С

целью определения параметров данной башни и ее конструкции, здесь рядом с разрезом I был заложен раскоп II (рис. 1). Заметим, что данная башня является типичной по своим внешним признакам (и, очевидно, параметрам) среди башен городища, на котором более крупными размерами выделяются угловые башни, особенно южная угловая башня, представляющая собой своего рода крупный округлый бастион.

Стратиграфия вала в месте расположения выступа башни, на участке его изучения, аналогична в целом стратиграфии его, полученной при исследовании вала на прилегающем разрезе. Остатки башни перекрыты плотным, светло-коричневым однородным грунтом, представляющий глинобитную (сырцово-суглинистую) массу (слой 1), образовавшейся в результате постепенного природного разрушения сырцовых кирпичей верхних рядов кладки башни. Но в стратиграфии наблюдаются и отличия. Так, если в восточной части раскопа, ближе к стыку с куртиной ниже слоя 1 следовал описанный выше слой 2 (масса разрушившихся и сильно фрагментированных сырцовых кирпичей), то в западной части раскопа, у внешнего края башни, их разделяет тонкая прослойка золы и обожженной земли (слой 3), плавно опускающаяся согласно конфигурации вала в юго-западном направлении и выходящая за пределы раскопа. Она не доходит до наружной грани башни 0,80-0,85 м. Очевидно, что прослойка свидетельствует о каком-то пожаре на данном участке до образования слоя 1, фиксирующего окончательное разрушение укреплений и прекращение их функционирования, но после возникновения слоя 2, отмечающего частичное разрушение башни и оборонительной стены.

Эту прослойку подстилает прослойка глинобита (слой 4) светло-коричневого цвета, близкая по структуре, цвету, плотности сырцовым кирпичам. В ней наблюдаются и отдельные линзы комковатого, плотного, коричнево-серого грунта с фрагментами черного аллювиального ила. Продолжением этой прослойки является примыкающий к ней с юго-западной стороны (со стороны рва) темно-серый, местами почти черный слой (слой 5) плотного аллювиального ила, выходящий за пределы раскопа. Этот слой фиксирует высокое стояние воды в расположенном рядом рву,

находящемся в нескольких метрах от подошвы вала. Относительная хронология этого явления соответствует времени до образования слоя 3 (слой пожара) и слоя 1 (прекращение функционирования городища) и после образования слоя 2 (частичное разрушение укреплений) и, очевидно, оно связано с какими-то военными событиями, вызвавшими данные коллизии.

Возможно, эти слои регистрируют два этапа функционирования укреплений, и было бы заманчиво связывать образование слоя 2 и последующих вышележащих аллювиального и зольного слоев с событиями сер. V в., когда городище, как полагаю, было подвергнуто разрушению во время антииранского восстания под руководством Вардана Мамиконяна. Не исключено, что именно об этом городе-крепости «на границе албанов и хонов» писал древнеармянский автор V в. Егишэ, разрушением которого повстанцами во время восстания 450-451 гг. «был крайне удручен» шаханшах Йездигерд II, т.к. «начав издавна, только-только смогли построить» (Егишэ, 1971. С.118).

Слои 4 и 5 в западной части раскопа подстилает слой 6, представляющий собой светло-коричневый, рыхлый, комковатый грунт с мелкими обломками сырцовых кирпичей, весьма близкий по своей структуре слою 2, но отличающийся от него слабой плотностью, рыхлостью, что, возможно, связано с былым воздействием на него перекрывавшей водной массы (слой 5 – осадочно-наносная аллювиальная глиняная почва). Ниже его следует описанный выше слой 2, который на этом же участке, но ближе к грани башни лежит непосредственно под слоем 1 и примыкает к наружной оштукатуренной грани башни.

Ниже слоя 2 на данном участке следует материковая почва, представляющая собой плотный светлый коричнево-серый суглинок с известковыми вкраплениями (каштановая карбонатная почва) без каких-либо артефактов. Она имеет ровную горизонтальную поверхность и, очевидно, была нивелирована при возведении оборонительных сооружений городища.

Следует отметить, что к наружной грани башни, как и к грани куртины, примыкает прослойка (слой 7) рыхлого, пылевидного светло-коричневого грунта, которая узким клином резко опускается по направлению от башни в юго-западную и южную стороны. Слой

следует вниз лентой вдоль наружной грани стены и башни и выходит за пределы раскопа, где, очевидно, постепенно сходит на нет. Ниже его следует материковый грунт. Судя по структуре слоя, его стратиграфическому положению, конфигурации, можно считать, что он имеет натечно-надувной характер и образовался у основания укреплений городища в период их функционирования.

В результате произведенных работ было установлено, что башня 52 сложена в той же технике, что и прилегающая куртина, т.е. сплошь из сырцовых квадратных кирпичей со стороной 38-42 см и толщиной 10-12 см, уложенных цепной кладкой, при той же толщине вертикальных и горизонтальных швов. Зафиксировано 24-28 верхних сохранившихся рядов кирпичей на максимальную высоту 3,00-3,16 м. Нижние ряды кирпичной кладки, которые не вскрывались, с наружной стороны скрыты за облицовочной оштукатуренной поверхностью. Сохранившаяся максимальная высота башни составляет около 5,7 м.

В результате вскрытия описанных выше напластований были частично зачищена с наружной стороны южная часть башни 52 и ее стык с куртиной между ней и башней 51. В ходе вскрытия части наружного фаса башни были определены ее контур и абрис прилегающей не вскрывавшейся части ее, скрытой в выступе вала, фиксирующие форму и размеры башни: она имела полуовальную форму, близкую в плане к трапеции с сильно закругленными углами, длина башни составляет 16-17 м, вынос за линию оборонительной стены около 7,5 м. Наружная грань башни имеет небольшой наклон (5^0 - 6^0), позволявший устранить пристенное «мертвое» пространство.

В нижней части башни, как и на прилегающем исследованном участке оборонительной стены, сохранилась наружная известково-глиняная саманная штукатурка с обильной примесью рубленной соломы. Она имеет общую толщину 7-10 см, выделяются до 3-4 ее слоев. На исследованном участке оборонительной стены у ее стыка с башней, она сохранилась в высоту на 82-115 см.

Такой же слой штукатурки зафиксирован и по всей длине вскрытого участка башни 52. Сохранившаяся высота ее от 40 см до 120 см. Толстый слой штукатурки, покрывающий поверхность укреплений, в определенной степени предохранял сырцовую

кладку от ее разрушения под воздействием влаги, осадков. На южном участке башни был обнаружен *in situ* воткнутый в слой штукатурки железный наконечник стрелы – черешковый трехлопастной (сохранились фрагмент одной лопасти и основания остальных, острие не сохранилось). Снаружи он был закрыт примыкающим к башне массивом слоя 2 (слой разрушения стены).

Ниже данной оштукатуренной поверхности башня и оборонительная стена на высоту 60-68 см имеют грубую глинобитно-саманную обмазку, представляющую наружное покрытие цокольной части укреплений. В южной части башни он был частично снят на небольшом участке. В итоге за этим слоем вскрылись продолжающиеся ряда кладки сырцовых кирпичей башни. На вскрытом участке башня по ее периметру у самого основания имеет выступающий за ее грань мощный слой такого же грубого глинобита, замазавший стык с нивелированной материковой поверхностью. В этом слое глинобита были зафиксированы остатки 3-4 рядов кладки сырцовых кирпичей, выступающих на 40-45 см от грани башни. Эта глинобитная обмазка, очевидно, также предохраняла основание башни от ее разрушения под действием влаги и осадков. Особенно массивен слой обмазки в углу стыка башни и куртины.

Башня и прилегающая куртина установлены непосредственно на нивелированной материковой поверхности. Очевидно, что при возведении укреплений городища на данном участке и в данных условиях не было необходимости сооружать глинобитную платформу под стены и башни с целью увеличения их высоты, повышения устойчивости и предохранения от размыва и разрушения, т.к. их подстилала плотная материковая суглинистая почва, выполнявшая роль такой субструкции, а наличие рядом широкого и глубокого рва, грунт из которого шел на изготовление сырцовых кирпичей, дополнительно усиливало оборону.

Определенные в ходе работ особенности конструкции укреплений городища Торпах-кала находят широкие параллели среди памятников оборонного зодчества Переднего и Среднего Востока, где использовалась сырцовая архитектура. Ближайшими хронологическими и этнокультурными аналогами по строительным методам и материалам являются сырцовые укрепления Дербента,

возведенные, как и укрепления Торпах-калы, в 440-х гг. в правление шаханшаха Йездигерда II (439-457) (Кудрявцев А.А. 1978. С.243-257; 1979. С.31-43; Гаджиев М.С. 1989. С.61-76), и укрепления 15-километровой равнинно-предгорной части Гильгильчайской стены в Северо-восточном Азербайджане, сооруженной при шаханшахе Каваде (488-531) в нач. VI в. (Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. 2004. С.441-465; Aliev A.A., Aliev I.N., Gadjiev M.S., Gaither M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.M. 2006. P. 143-177). Данные параллели с учетом местоположения памятника, его датировки на основе полученного керамического комплекса и индивидуальных находок (см. ниже), а также военно-политической ситуации в регионе, подтверждают предложенную версию идентификации сасанидского («царского») города Шахристан-и Йездигерд с городищем Торпах-кала, просуществовавшим весьма недолго и потерявшим свое стратегическое значение после возведения каменного Дербентского оборонительного комплекса в сер. VI в.

Выясненные структура вала, параметры и конструктивные особенности стен и башен, учитывая, что на месте разрушенных укреплений не велось последующего строительства и связанных с ним перепланировок и т.п., в дальнейшем позволят на основе разработанной методики определить объем сырцово-суглинистой массы вала и высоту оборонительных стен городища, а затем провести расчеты по определению количества и объема привлеченных ресурсов, строительных материалов, затрат труда, рабочей силы, времени, т.е. решить вопросы палеоэкономики, связанные со строительством этого крупного фортификационного памятника.

На территории городища были заложены два стратиграфических раскопа (шурфа) (рис. 1), выявивших на отдельных всхолмлениях культурные напластования толщиной свыше 2 м. Характер культурных слоев на холме 2 (шурф 1), их характер и конфигурация, наличие значительного количества органических остатков, костей животных, отсутствие каких-либо строительных остатков, специфическая особенность керамического комплекса, не только характеризующегося своей однородностью на протяжении всей свиты напластований, но и представленного в

абсолютном большинстве образцами сасанидской посуды при незначительном присутствии керамики местного происхождения (несколько фрагментов коричневоолощенной и коричневоглиняной каннелюрованной посуды IV-VI вв.), позволяют считать, что данный небольшой холм (30x50 м) представляет собой мусорную свалку времени существования городища. Расположение свалки в черте города находит объяснение как в огромных размерах самого городища, так и в значительной незастроенной и необживавшейся территории этого города, который просуществовал относительно недолго и потерял свое военно-стратегическое значение после возведения Дербентского оборонительного комплекса в сер. VI в.

Так называемая сасанидская керамика из раскопок Торпах-калы резко отличается от местной (восточно-кавказской) керамики как по своим формам, так и технологическим характеристикам. Аналоги ей представлены в слоях сасанидского времени (V-нач. VII в.) Дербенга (Гаджиев М.С. 1989. С.68-71. Рис.4,5; Гаджиев М.С., Магомедов А.Р. 2000. С.235. Рис. 5), на других позднесасанидских памятниках Восточного Кавказа (Беш-Бармак, Гаджмитепеляри, Сандыктепе и др.) (Ахундов Т.И. 1987. Табл. XL, XLI; Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б. 1991. С.56-58,105-106. Табл. XXI, XXIIIa, XLII), в том числе среди материалов Гильгильчайской длинной стены (Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. 2004. С.461. Рис. 18; Aliev A.A., Aliev I.N., Gadjiev M.S., Gaither M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.M. 2006. Fig. 19), а также на памятниках сасанидского времени на территории Ирана (см., напр.: Keal E.J and Keal M.J. 1981. Fig. 7-19) и юго-западного Туркменистана (Губаев А. 1968. Рис. 19,1-3,6, 20,2,5; Губаев А., Кошеленко Г.А. 1970. С. 98, 102. Рис. 34,10,19,21, 37,10,12,14).

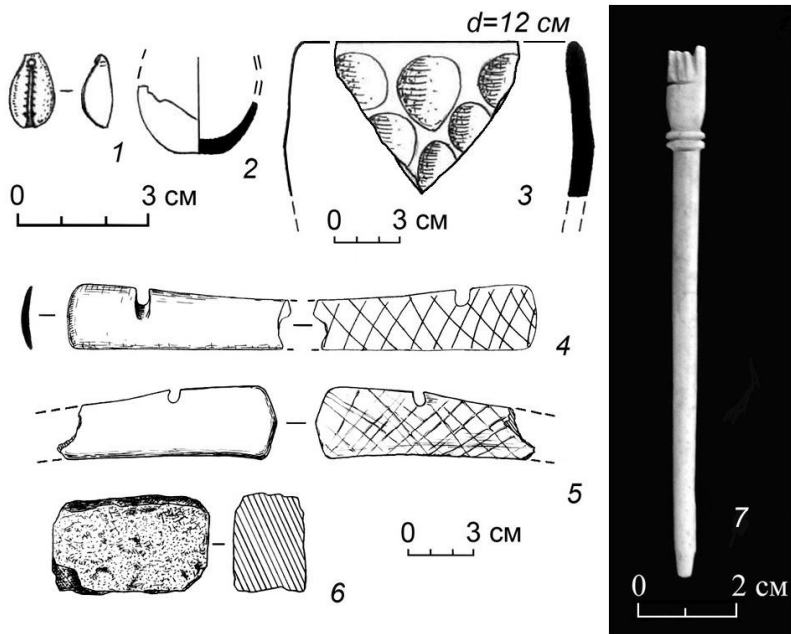

Рис. 3. Городище Торпах-кала. Индивидуальные находки:
1- каури, 2,3- стекло, 4,6,7- кость, 5- камень (абразив).

Среди индивидуальных находок выделим хронологически показательные костяные концевые, с пазом для крепления тетивы, накладки лука (рис. 2,4,5) и фрагмент верхней части светло-зеленого стеклянного сосуда (стакан, бокал) с орнаментом в виде сот, образованным овальными шлифами (рис. 2,3). Аналогичные накладки сложного лука известны в Дагестане на ряде памятников IV-VI вв. (Круглов А.П. 1940. С. 67; Смирнов К.Ф. 1951. Рис. 43; Гмыря Л.Б. 1988. С. 42, 43. Рис. 4,4-6). А представленный стеклянный сосуд с орнаментом в виде сот, образованным овальными шлифами, имеет многочисленные аналоги IV-VI вв. на памятниках Ирана, Кавказа и других регионов (Вайдов Г.М. 1954. С. 130. Рис. 59, 5; Сорокина Н.П. 1973. С. 187. Рис. 2,10-13; 1979. С. 61. Рис. 1,6-8,25-29,46,47,49,50; Джанполадян Р.М., Калантарян А.А. 1988. С. 18. Табл. II,1, XIV,1,2; Калантарян А.А. 1980. С. 87-

89. Табл. I; Рамишвили Р.М. 2003. Табл. 116,29; Аракелян Б.Н. 2003. С. 332, 333. Табл. 148,3-6,16,20; Халилов Дж. 2003. Табл. 174,6; Камелина Г.А. 2006. С. 74-76. Рис. 1). Большинство исследователей считает местом их производства Иран и Месопотамию.

Укажем также на случайную находку на территории городища в одном из мест скопления обломков сасанидской керамической посуды и обнажения культурного слоя стиля (или булавки) из слоновой кости с навершием в виде кисти правой руки, сжатой в кулак и с поднятым указательным пальцем (рис. 2,7). Костяные и бронзовые булавки с подобным навершием в виде кисти руки и в том числе с поднятым указательным пальцем известны из раскопок памятников I-V вв. Средней Азии (Толстов С.П. 1948. С. 111. Табл. 27,1; Археология. 1999. С. 259. Табл. 15,8; Массон В.М. 1985. С. 256, 397, 400. Табл. СІХ,27, СХІІ,8) и памятников V-VII вв. Кавказа (Ваидов Р.М. 1954. С. 139. Рис. 59,3; Рамишвили Р.М. 2003. С. 289, 397. Табл. 111,29,31,32. Халилов Дж. 2003. С. 457. Табл. 171,39). В качестве параллели приведем и изображения верховного жреца Ирана магупата Картира на скальных рельефах в Накш-и Рустаме и Накш-и Раджабе, где он показан с приподнятой правой рукой, с сжатым в кулак кистью и поднятым указательным пальцем. И можно полагать, что в противовес христианскому и буддийскому мануальным символам, этот – «указующий перст» – выступал зороастрийским знаком.

Керамический комплекс памятника, а также названные индивидуальные находки позволяют датировать городище Торпах-кала позднесасанидским временем (V-VI вв.), что подтверждает предложенную идентификацию его с «царским» городом Шахристан-и Йездигерд. Согласно сирийской хронике, поход Йездигерда II в область Чор и сооружение здесь города, названного в его честь, приходится на время после восьмого года его царствования, т.е. конец 440-х гг. Этим годом (т.е. 446/447 г.) датируется в хронике убийство им дочери, бывшей, согласно зороастрийским семейно-брачным нормам, его женой, и большого числа знатных и богатых из его подданных (Пигулевская Н. 1944. С. 44). Сооружение этого городища, расположенного южнее Дербентского дефиле, было целесообразно и стратегически

осмысленно только с возведением укреплений и в Дербенте (Чоре). Городище Торпах-кала могло играть стратегическую роль в обороне кавказской границы Ираншахра только вместе с сырцовыми укреплениями Дербента, сооруженными в правление Йездигерда II и перегородившими 3,5-километровый проход между морем и горами. Без последних мощные укрепления города можно было легко обойти – ширина приморской равнины в зоне Торпах-калы составляет свыше 10 км.

Возведение городища Торпах-кала было обусловлено военной активизацией гуннов, а именно предпринятым ими в 441 г. крупным разорительным нашествием на закавказские и малоазиатские провинции Ирана и Византии (Семенов И.Г. 2002. С.15-17) и подготавливавшимся Аттілой в 448 г. новым вторжением в пределы Ираншахра (Prisc. Fr. 8).

Вторжение 441 года было одной из причин заключения между Ктесифоном и Константинополем годичного перемирия, а затем и подписания в 442 г. долгосрочного мирного договора, который подтверждал обязательство Византии по выплате Ирану ежегодных партий золота на охрану кавказских проходов в объемах, оговоренных договором 424 г. (Marc. Comit. Chron., II, 80) и составлявших, очевидно, 500 литр (160 кг) золота ежегодно (Theoph. Chron. 245, 13-26). Эти суммы пошли и на создание эшелонированной системы обороны на Восточном Кавказе – на сооружение длинной сырцовой стены и крепости в Дербентском проходе и расположенного южнее крупного опорного города-крепости Шахристан-и Йездигерд (Торпах-кала). Важная роль в обороне отводилась не только персидским гарнизонам, расквартированным в Дербенте и Торпах-кале, дружинам албанских и армянских князей, но и, как представляется, ираноязычным маскутам, обитавшим в этой зоне и с которыми исследователями связывается крупный Паласа-сыртский курганный могильник IV-V вв., расположенный вблизи (в 6 км к западу) городища Торпах-кала.

ЛИТЕРАТУРА

Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г. 2004. Новые исследования Гильгильчайской

оборонительной стены // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.–Магнитогорск.

Аракелян Б.Н. 2003. Армения. Раннее средневековье (IV-VIII вв.). // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М.

Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999.

Ахундов Т.И. 1987. Историческая топография поселений и система расселения в Северо-Восточном Азербайджане (середина III тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.). Кандидатская диссертация. Л.

Вайдов Г.М. 1954. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур) // КСИИМК. Вып. 54.

Гаджиев М.С. 1980. К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-и Йездигерд // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.С. 1989. Исследования сырцовой фортификации цитадели Дербента сасанидского времени (по материалам раскопок Р-XI и Р-XIII) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.С. 2001. Городище Торпах-кала // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности евразийских степей. Воронеж.

Гаджиев М.С., Бакушев М.А. 2005. Исследования Белиджинского городища Торпах-кала // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Материалы конференции. Баку.

Гаджиев М.С., Магомедов А.Р. 2000. Раскопки форта Горной стены (сезоны 1996, 1998 гг.) // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Материалы международной научной конференции. Махачкала.

Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г. 2002. Торпах-кала – поселение куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ессентуки – Кисловодск.

Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г. 2002а. Раскопки поселения Торпах-кала эпохи ранней бронзы // Международная научная

конференция «Археология и этнология Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси.

Гмыря Л.Б. 1988. Изделия из кости и рога Паласа-сыртского поселения (IV-VI вв.) // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.

Губаев А. 1968. Изучение раннесредневековых памятников в районе Артыка // Каракумские древности. Вып. II. Ашхабад.

Губаев А., Кошеленко Г.А. 1970. Исследование парфянского святилища Мансур-депе и раннесредневекового замка Ак-депе // Каракумские древности. Вып. III. Ашхабад.

Джанполадян Р.М., Калантарян А.А. 1988. Торговые связи средневековой Армении в VI-XIII вв. (по данным стеклоделия) // Археологические памятники Армении. Вып. 14. Ереван.

Египшэ. 1971. О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеарм. акад. И.А. Орбели. Подгот. к изд., предисл. и примеч. К.Н. Юзбашяна. Ереван.

Исаков М.И. 1941. Исчезнувший город в Дагестане // Исторический журнал. № 6. М.

Исаков М.И. 1959. Археологические памятники Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала.

Исаков М.И. 1966. Археологические памятники Дагестана. Махачкала.

Калантарян А.А. 1980. Стеклоделие в Армении в V-VIII вв. // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. № 7.

Камелина Г.А. 2006. Два стеклянных сосуда из коллекции Государственного исторического музея // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931-2000). Тез. докл. М.

Комаров А.В. 1882. Пещеры и древние могилы в Дагестане // V Археологический съезд. Труды предварительных комитетов. Т. I. М.

Котович В.Г. 1974. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала.

Котович В.Г. 1957. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1583.

Круглов А.П. 1940. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции в 1939 г. // КСИИМК. Вып. V.

Кудрявцев А.А. 1978. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. № 3.

Кудрявцев А.А. 1979. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // ВИ. № 11.

Массон В.М. 1985. Северная Бактрия // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.

Очерки истории СССР, III-IX вв. Ответственный редактор Б.А. Рыбаков. М., 1958.

Пигулевская Н. 1944. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л.

Рашишвили Р.М. 2003. Грузия в эпоху раннего средневековья (IV-VIII вв.). Материальная культура // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М.

Семенов И.Г. 2002. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III-VI вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала.

Смирнов К.Ф. 1951. Отчет за 1951 г. // Архив ДГОИАМ. Д.15398.

Сорокина Н.П. 1973. Стекланные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Сорокина Н.П. 1979. Стекланные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. Вып. 158. М.

Толстов С.П. 1948. Древний Хорезм. М.

Халилов Дж. 2003. Раннесредневековая Албания в IV-VII веках. Материальная культура // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М.

Aliev A.A., Aliev I.N., Gadjeiev M.S., Gaither M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.M. 2006. The Ghilghilchay Long Defensive Wall: New Investigations // Ancient East and West. Vol. 5. No. 1-2.

Cook J. 1770. Voyages and Travels through The Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia. Edinburgh, MDCCLXX. Vol. I-II.

Dasxuranci, 1961. The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. Transl. by C.J.F. Dowsett. London.

Hoffmann G. 1880. Auszüge aus syrischen Akten Persischer Martyrer // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Excurse. Bd. VII. No. 3. Leipzig.

Lerche J.J. 1791. Lebens- und Reise-Geschichte. Halle.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	– Вопросы истории
ДГОИАМ	– Дагестанский государственный объединенный историко-архитектурный музей
ИА РАН	– Институт археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
СА	– Советская археология

Оразиев Г. М.-Р.

ЗАНЯТИЯ АБУСУФЬЯНА АКАЕВА ПЕРСИДСКОЙ ФИЛОЛОГИЕЙ И ЕГО КОНТАКТЫ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИРАНСКОЙ ДИАСПОРЫ В ДАГЕСТАНЕ

Культурные и политические контакты народов Дагестана с Ираном прослеживаются с древнейших времен вплоть до установления Советской власти. Одним из ярких представителей культурных взаимосвязей по праву считают Аликулихана Валехи Дагестани (нач. XVIII в.).

В автобиографии известного дагестанского просветителя, педагога-джадидиста и писателя Абусуфьяна Акаева из Нижнего Казанища (Абусуфьян б. ал-хаджжи ал-кади Акай ал-Газаниши ас-Суфла ад-Дагестани, 1872-1931 гг.), сохранившейся в одном из рукописехранилищ г.Баку в Азербайджане, конкретно указываются на непосредственные связи его с именитыми представителями иранской диаспоры в Дагестане – моджахедами - на рубеже XIX-XX вв., а также приводятся сведения о его занятиях персидским языком. (1, с.126-127, 131).

Известны имена ряда лиц дагестанцев - современников Абусуфьяна, которые владели персидским языком: это Нухай Батырмурзаев из Яхсая (1865-1919), Абдул-Гусейн Ибрагимов из Кизляра (1890-1962), Камиль Эльдаров из Кудали (1886-1973), Сулейман Стальский (1869-1937), Магомед-эфенди Османов из Яхсая (1840-1904), Сайфулла Башларов из Нишовкра (1853-1920), Гасан-эфенди Алкадари (1834-1910), Абдурахман Казиев из Нижнего Дженгутая (1900-1942), Юсуп Муркелинский (1864-1918), Али Каяев из Казикумуха (1878-1943), Рафиь-эфенди Шамгодинский, Саид Абдуллаев из Муги, Абдулла-хаджи из Эндирея (1814-1920) и многие другие. Последний из вышеперечисленных лиц преподавал арабский и персидский языки в стамбульском медресе Ая-София. Али Каяев подчеркивал, что его

современник Абусуфьян-эфенди из Казанища владеет персидским языком «в совершенстве».

Во 2-й половине XIX – нач. XX в. существовали так называемые «русско-персидские школы» - в Темирханшуре (ныне г.Буйнакск РД), Хасавюрте, Порт-Петровске (ныне Махачкала), Дербенте, Кизляре.

Сохранились произведения А.Акаева, созданные им на кумыкском, арабском, тюркском (на языке «тюрки»), азербайджанском, персидском языках.

Имя Абдурахима Талибова (Мирза Хаджи Абдуррахим б. Абуталиб Табризи, 1831-1911 гг.) – известного иранского общественного деятеля, писателя и ученого – неразрывно связано с событиями первой иранской буржуазной революции 1905-1911 гг. (3; 4; 7). С конца 1860-х годов он долгое время проживал в административном центре Дагестанской области – Темирханшуре, где и похоронен. Его деятельность в немалой степени повлияла для развития образования и культурного меценатства в Дагестане.

Так, в архивных документах сохранились сведения о том, что «персидско-подданный Мулла Абдул Рагим Талибов» состоял действительным членом Дагестанского областного статистического комитета. (8, д.63-а, лл.1-4). В 1900 году поступили пожертвования на библиотеку Даг. обл. статистического комитета и проектированный музей. «Больше всех внес господин А.Р.Талибов».

«Из пожертвований госп. Талибова, согласно его желанию, израсходовано на приобретение книг – 100 рублей, остальные деньги хранились в государственной сберегательной кассе при казначействе», - отмечается в архивном деле. (8, д.60-к, л.9).

Судьбою была уготована встреча А.Акаева с этим великим человеком. Нередко он посещал дом А.Талибова, будучи еще молодым парнем, пользовался его богатой библиотекой. А. Талибов разрешал «взять для чтения любую понравившуюся книгу из своей библиотеки». Так он «прочел множество книг» на персидском языке, таких как «Шахнаме» Фирдоуси и другие. (1, с.127).

Также весьма полезным оказалось его знакомство с «искусным поэтом, автором дивана «Андалиб» («Соловей»)

Сеййидом Таги Кашани, который проживал в Темирханшуре, поселившись здесь» и имел свой небольшой магазин. К нему А.Акаев наведывался «с целью посоветоваться по поводу некоторых трудностей, встречающихся в (освоении) персидского и турецкого языков».

Когда бывал в Темирханшуре, молодой Абусуфьян внимательно прочитал все попадавшие ему в руки экземпляры газеты «Эхтер» («Звезда»), издающейся в Турции на персидском языке. (1, с.127).

Появление интереса к изучению персидского языка он сам объясняет тем, что «в трактатах и книгах, написанных на тюркском языке (А.Акаев учил в то время самостоятельно азербайджанский, турецкий и татарский), часто встречается персидская лексика. Первоначально он учил персидский «у двух ученых мужей из Кюринского округа, по имени Мухаммед и Ибрахим», которые преподавали в Нижнем Дженгутае. Вместе с хаджием Абдуллатипом-эфенди из аварского аула Гоцо (братом Нажмудина Гоцинского), в 1880-х годах Абусуфьян учился у них персидскому языку по книге «Голестан». Интересен и следующий факт. Был поставлен вопрос об отправлении молодого Абусуфьяна на учебу в Иран. (1, с.127). Однако в тот период, когда там господствовало революционное брожение, поездка в Иран не удалась.

Не менее полезным оказалось его сотрудничество с известным деятелем книгоиздательского движения в Дагестане Мухаммед-Хусейном Асадовым, персом по происхождению, но проживавшим в Темирханшуре. На средства последнего была издана в Стамбуле в 1902 г. одна из первых книг Абусуфьяна – «Китаб фи илм ал-калам мухтасар мин ал-кутуб ли аджли Хидайат ал-авам», на кумыкском языке. (1, с.131, 139; 2, с.300-308; 5, с.69).

Из персоязычного творчества А.Акаева наиболее известно произведение «Дер марсийе-и Мохаммед Алихан сакен Кафкай» («Элегия на смерть Мохаммеда Алихана – жителя Владикавказа»). (1, с.140, 160). Оно переведено на русский язык канд. филол. наук П.М. Алибековой и опубликовано ею же.

В большом лексикографическом труде А.Акаева «Ал-хидмат ул-машкура фи-л-лугат ил-машхура», объемом 200 страниц

(Буйнакск, 1925 г.), содержатся переводы на кумыкский язык или объяснения 14 тысяч слов, встречающихся в текстах тюркоязычной периодики тогдашнего Дагестана. В этом оригинальном издании имеются указания на язык, с какого происходит каждое из представленных лексических единиц, в том числе им отмечены слова персидского происхождения. (1, с.132; 6, с.84-85).

Использованная литература:

1 «Автобиография» Абусуфьяна Акаева / Предисловие, перевод текста с азербайджанского языка и комментарии Г.М.-Р.Оразаева // Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева / Отв.ред.:Шихсаидов А.Р., Оразаев Г.М.-Р. Махачкала, 1992. С.124-140.

2 Акаев А. Тропую пророка / Сост. Г.Оразаев. Махачкала, 1992. (На кумык.яз.).

3 Алибекова П.М. «Масалек ал-мохсенин» Абдурахима Талибова как памятник книжной культуры на персидском языке // Рукописная и печатная книга в Дагестане / Сост. А.А.Исаев. Махачкала, 1991. С.109-115.

4 Гаджиев А.-Г.С. «Эджтимаийюн-е-амиюн» - революционно-демократическая партия иранских азербайджанцев в Дагестане в 1905-1911 годах. Махачкала, 2003.

5 Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период) / Сост. А.А.Исаев. Махачкала, 1989.

6 Оразаев Г.М.-Р. Лексикографические работы А.Акаева // Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева. Махачкала, 1992.

7 Талипов И.А. Общественная мысль Ирана конца XIX – начала XX вв. М., 1988.

8 Центральный госархив Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 2.

*Айтберов Т.М.,
Халлаев З.*

**ШАФИИТСКИЙ ОРДЕН СУХРАВАРДИЯ И
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА В КУБАЧИНСКОЙ ЗОНЕ (К
ВОПРОСУ
О ВЕРОЯТНОСТИ ИРАНСКОГО КУЛЬТУРНОГО
И РЕЛИГИОЗНОГО ВЛИЯНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ
КАВКАЗЕ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)**

I. Сухраверд // Сухраварди – старинный город, расположенный в северо-западном Иране, в регионе, который имеет многочисленное курдское население¹, то есть входит в ираноязычную зону. Кубачи же – издавна крупное даргинское поселение, стоящее в Дахадаевском районе Дагестана, высоко в горах. На Востоке его жителей, кубачинцев – носителей особого наречия, называли зирихгеран (от перс. зэрэхгяран «бронники» – перс.), а в Дагестане сефевидской эпохи и более поздних времен – заргеран (от перс. Зяргяр «ювелиры» – перс.), хотя знали и первую форму этнонима, то есть зиригаран. Касается казанное в полной мере, кстати, и аштынцев (сел. Ашты), которые живут – в территориальном аспекте - обособленно, но говорят, при этом, по-кубачински. Местоположение Кубачи, Ашты, а также следующих селений: Амузги Сулевкент и Шири, и названы здесь Кубачинской зоной – по языковому, в первую очередь, принципу.

Во второй половине XII – начале XIV вв. было на мусульманском Востоке было несколько заметных личностей, связывавших себя с г. Сухравердом и носивших поэтому нисбу («привязка») Сухраварди. Самым известным из них был, думается, «великий шейх» Умар Сухраварди (умер в 1234/35 г.), которого

¹ Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана // Он же. Сочинения. М., 1971. Т. VII. С. 198.

титоловали Шихаб ад-Дин («Метеор религии»). Определенной фигурой в мире мусульманских мистиков XIII в. являлся, при этом – следует особо отметить – и сын последнего, шейх ордена сухравардия носивший имя «Мухаммад».¹

Касательно Кубачи, а также других населенных пунктов (Дахадаевский район), в которых говорили на кубачинском наречии, сказать следует, первым делом, то, что арабские и персидские тексты классической эпохи связывали далекое прошлое с Сасанидами. Последние же представляли собой династию зороастрийцев, которая управляла Ираном и прилегающими территориями на протяжении порядка четырех столетий.

Обращаясь к эпохе Халифата, необходимо напомнить, первым делом, то, что согласно материалам, которые находились в распоряжении араба ал-Масуди (1-я половина X в., когда халифы из династии Аббасидов утратили политическую власть), средневековые поселения даргиноязычных «бронников» Северо-восточного Кавказа, состояли, если считать их за единицу, из трех религиозных общин. Были это, в годы активной жизни географа ал-Масуди: иудеи, христиане и мусульмане. Тексты же более позднего времени, относящиеся к эпохам существования империй Сельджукидов и Чингизидов, которые связаны, при этом, в конечном счете, с записями арабоязычного испанца ал-Гарнати, дают совершенно иную информацию. Они не оставляют сомнений в том, что общины «бронников», обитавших в дагестанских горах, состояли 1-й половины XII в. почти исключительно из язычников. Точнее, северо-восточнокавказские «бронники» являлись тогда приверженцами маздаизма.²

Эти люди дагестанских гор, говорившие на одном из даргинских наречий, но бывшие, «может быть иранского

¹ Тримингэм Дж. С. Суфийские ордена в исламе / Под ред. О.Ф. Акимушкина. М., 1989. С. 25, 31, 39-41.

² Об этом см. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане: VII-XV вв. С. 191; Бартольд В.В. Еще о самаркандских оссуариях//Он же. Соч. М., 1966. Т. IV. С. 119, 120; Он же. К вопросу об оссуариях Туркестанского края// Он же. Соч., т. IV. С. 165-168.

О мадаизме см. Гладкий В.Д. Древний мир. М., 1997. Т. I. С. 389; Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 307, 311, 321 – 323.

происхождения»¹, которые обитали (обитают и ныне) к северо-западу от г. Дербента, придерживались в домонгольскую эпоху, таким образом, древних иранских верований. Речь идет здесь, причем, о тех из числа последних, для которых канонизированной, строго формализованной формой является, как известно, сасанидский зороастризм.

По обозначенной причине, соответственно, зирихгараны, то есть «бронники» Северо-восточного Кавказа, оказались, в XII-XIII вв., жертвами «священных» войн, Организовывали против них последние газии, то есть мусульмане объявляемые борцами «за веру». Предводителями их бывали, при этом, в обозначенные выше столетия Средневековья, те мусульманские князья, которые правили в Дербенте и Ширване.² Относительно двух этих мусульманских государств Восточного Кавказа сказать можно, кстати то, что значительная часть населения принадлежала в их пределах к числу иранцев и арабов. Среди военного элемента имелись там тюрки, а дагестаноязычная группа представлена была носителями лезгинского языка и родственных ему наречий.

II. Опираясь на одну из арабоязычных местных записей, известный ученый Шихсаидов А.Р. чей труд (от 1969 г.) представляет собой веку – в деле изучения дагестанского средневековья, написал, что значительная часть жителей Кубачи

¹ Бартольд В.В. Еще о самаркандских ассуариях. С. 120.

Еврейский ученый Семенов И., разрабатывая хазарскую проблему высказал особую, но «хрупкую», как сам пишет, «гипотизу» о происхождении дагестанских зирихгеранов, имевших своим центром сел. Кубачи. Он предложил выводить их корень от общины гунских-тюркских кузнецов, которая обитала в III-IV вв. в гунском г. Варачан, стоявшем неподалеку от современного Избербаша (см. Семенов И. История стран и народов Западного Прикаспия: 1-е тысячелетие новой эры. Казань, 1994. С. 13, 149-152). Данная «гипотеза» вызвала интерес, например, у Магомедова М.Г. – руководителя основной массы дагестановедов ДГУ, но все же тот оценит его как «несколько надуманную», построенной на «догадках», а не «на фактах» (см. Магомедов М. Древние государственные образования Дагестана. Махачкала, 2006. С. 294).

² Шихсаидов А. Р. Ислам ... Махачкала, 1969. С. 34, 35; Бунятов З.М. Государство атабеков Азербайджана (1136-1225 годы). Баку, 1978. С. 139 (он первым информировал кавказоведение об *исламском* (неудачном) походе на зириггаранов, который предпринял ширваншах Ахсартан, убитый монголами в 1260 г.).

приняла ислам примерно в 1285/86 г.¹ В его монографии отмечается, при этом, что отдельные кубачинские предания, которые были, кстати, зафиксированы в начале 2-й половины XIX в. (они, следовательно, не являются, в конечном счете, порождением текста Истории Дагестана Магомедова Р.М., в отличие от большинства исторических преданий, записанных в 70-90-е года XX в.), относили принятие ислама жителями Кубачи к несколько более раннему времени. Речь идет о середине – примерно, – XIV в.² В данной связи следует, наверное, отметить и то, что в 30-е годы XX в. советская этнографическая наука – в лице москвича Е.М. Шиллинга – записала в горной части бассейна р. Уллучай, где стоит Кубачи, любопытную легенду. Согласно последней, в давние времена некий шейх, пришедший из сел. Шири, где говорят, кстати, на кубачинском наречии, занимался распространением – мечем и огнем – мусульманства на указанной выше части дагестанской территории, в первую очередь на кубачинских землях.³

Шихсаидов А.Р., опираясь на верное чтение Л.И. Лавровым одной старинной арабской надписи, обнаруженной еще в XIX в. в сел. Кубачи⁴, справедливо опровергает – вслед за названным ленинградским кавказоведом – мнения своих предшественников Ю. фон-Клапрота и акад. Б. Дорна. Имеется в виду тех их научные положения, которые доказывают относительно позднее, произошедшее якобы в XV в., принятие ислама кубачинцами. Наиболее приемлемой датой видится Шихсаидову А.Р., вопреки позиции указанных ориенталистов (1459 г., 1404/405 г.), конец XIII в., Это при том, что «окончательное принятие ислама жителями Кубачи связано», по мнению Шихсаидова А.Р., с походом эмира Тимура Самарканского, предпринятым в 1395/96 г.⁵

¹ Шихсаидов А.Р. Ислам... С. 191.

² Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 193 (материал акад. Б. Дорна).

³ Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура // Труды Института этнографии. М.-Л., 1949. Т. 8. С. 10, 11.

⁴ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. С. 129, 200.

⁵ Шихсаидов А.Р. Ислам... С. 193, 198.

Первым из двух авторов этих строк обнаружена была – в результате просмотра нескольких сотен страниц рукописных арабских (различного содержания) текстов – памятная запись о принятии мусульманства кубачинцами. Она гласит: «Исламизация Кубачи и убийство Хасана Правдивого, произошедшее в Шири, имели место в семьсот пятом (1305/306) году», а ниже написано, причем на том же листе: «Между исламизацией Дагестана и исламизацией Кубачи – промежуток времени в пятьсот шестьдесят лет».¹

Встает, первым делом, вопрос о достоверности, хотя бы частичной, того, что указано в приведенной выше записи. В данной связи следует сообщить, что было проведено этнографическое – по характеру – расследование о шейхе Хасане Правдивом. Оно – отмечаем здесь – показало, что в даргинском сел. Шири (Дахадаевский район РД) стоит домик, который считает население Кубачинской зоны местом упокоения Шайх-Хасана, убитого в далеком прошлом кубачинцами, являвшимися в то время «неверными».²

Впоследствии получилось так, что первый из авторов этих строк, Айтберов Т.М., и санкт - петербуржец Иванов А.А. (крупный иранист из Государственного Эрмитажа) нашли конкретное место погребения упомянутого выше шейха по имени. Находится оно вблизи от одной из сторон основания (условного) той обширной - по своей верхней части - горы, на которой стоит сел. Кубачи, метров на 100-150 ниже последнего, и причем, высится между Шири и Кубачи как бы стена из практически отвесных скал.

¹ Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 117, 119.

Вторая памятная запись была известна А.Р. Шихсаидову: промежуток времени в 570 лет.

См. также Айтберов Т.М., Шихсаидов А.Р. История Каракайтага // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаева Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 151: промежуток в 590 лет.

² Это, если брать в общих чертах, то самое историческое предание, которое было записано в довоенные годы Е.М. Шиллингом (шейха можно было убить только лишь ударом топора по его шее, враги узнали об этом через жену шейха, которая являлась кубачинской, отрубленную голову похоронили в сел. Шири, а тело – в сел. Каракорейш), но привязывалось к шейху по имени Али (см. Шиллинг Е.М. Кубачинцы... С. 10., 11).

Отметить следует здесь также и то, что в сел. Шири сохранилось значительное количество арабских эпиграфических памятников XIV-XV вв. Надписи большей части их вырезаны, при этом, в подражание тому весьма своеобразному шрифту (разновидность куфи), который имеется на эпитафии Хасана.

III. В домике, который возведен в сел. Шири над местом захоронения шайх-Хасана, стоят на могиле – в головах и в ногах – две каменные плиты изготовленные из местного глинистого сланца.¹ Обе они имеют закругленную верхнюю часть и заметное сужение, причем, идущее в направлении сверху вниз. Примерные размеры этих плит таковы: высота 70 см., а ширина 52 см. (сверху) на 42 см. снизу. Текст, имеющийся на плитах, вырезан двумя разными почерками – крайне сложной для чтения разновидностью куфи и самым обычным насхом.

На одной из сторон надгробной плиты, стоящей в ногах, вырезан круг с остроконечным выступом, сделанным сверху. Внутри этого круга имеется надпись насхом, а вокруг него вырезан орнамент типа ислими – волнистая арабская.

Составителем эпитафии, фиксируемой в Шири – на надгробной плите шейха Хасана, был человек, который учился, несомненно, в центрах мусульманской культуры, расположенных на Востоке. Являлся он (по имени Хафиз), скорее всего, иранцем или, может быть, этническим дагестанцем, но, по всей видимости, не арабом.

Текст № 1

(в головах у покойного, почерк куфи)

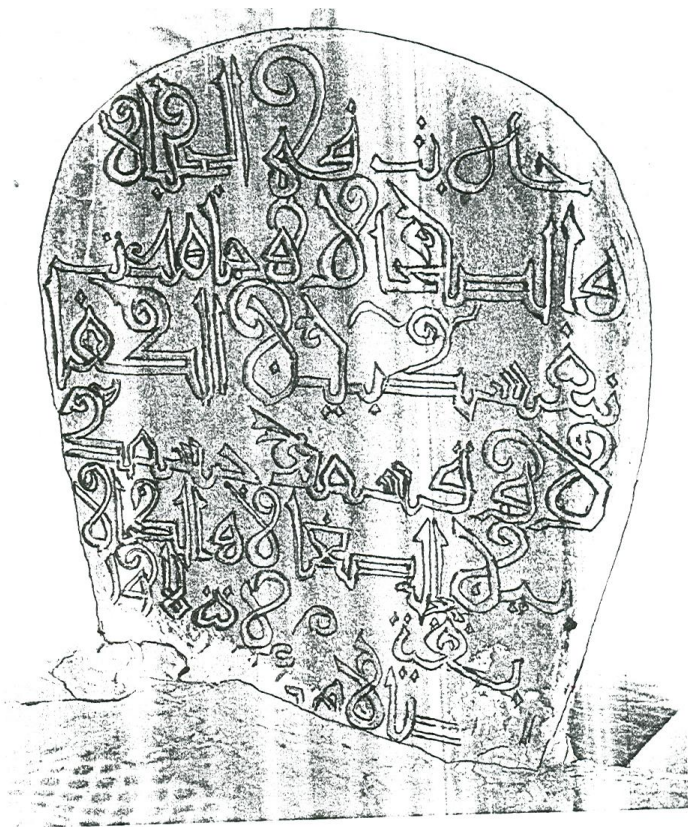
«Это – могила Шайх-Хасана, который был сыном Мухаммада Ткача (Каззаз-?)², сына шейха Шихаб ад-Дина Сухраверди».

Текст №2

(в ногах, куфи)

¹ Имеется публикация: Айтберов Т.М., Иванов А.А. Новые арабские надписи XIII-XIV вв. из Дагестана // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1981. Т. XV, ч. II. С. 41-44.

² Здесь чтение (арабского-?) слова неуверенное. У Шихаб ад-Дина Сухраверди действительно был сын по имени «Мухаммад» (см. Тримингэм Дж. С. Ук. Соч. С. 40).

Tombs of Sheikh Hasan and Sheikh Ahmad, in the village of Sheikh Hasan, near the city of Shiraz, Iran. (1961) [100]

«В этих горах и скалах имел ты сражения. Душа твоя вступила, таким образом, в священную войну с неверными.

Тело твое было разделено, в конце концов, на куски – малые и большие¹, но осталось, при всем этом, примером для ближайшего из [твоих] сподвижников.

Таковой бывает праведность борцов за веру!»

Текст № 3

(в ногах, насх)

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

¹ Можно иначе: между малыми и большими.

Это – могила счастливого мученика [за веру], помилованного Аллахом воителя, человека убитого за Его дело, человека, того, кто душу отдал свою ради этого. Он предпочел для себя, таким образом, загробную жизнь – жизни в мире этом.

Это – могила человека, который пошел по пути пророков и святых.

Милость Аллаха проявляется по отношению к человеку через сострадание, милосердие и удовлетворенность, а также – через достижение садов рая и избавление, соответственно, от огней ада.

Шайх-Хасан был убит в субботу месяца раби ал-аввал семьсот шестого (1306) года от хиджры Пророка – да приветствует его Аллах!

Написал этот текст Хафиз, – слабый раб Аллаха, нуждающийся в милости Его, - являвшийся сыном Мухаммада.¹ Да простит Аллах этого Хафиза, его родителей и всех мусульман!».

Нельзя, наверное, умолчать здесь о том, что о содержании вышеуказанной эпиграфии, кстати, очень трудной для прочтения, не знали кавказоведы раньше ничего. Как результат, не имели они даже представления о Шайх-Хасане Сухраверди и о его месте в истории мусульманизации Дагестана. Вместе с этим, однако, некоторые из «держателей пера» - ознакомившись, несомненно, с публикацией от 1981 г. (авторы Айтберов Т.М. и Иванов А.А.), - начали затем разрабатывать вопрос о Шайх-Хасане не делая тут каких-либо ссылок. Это обстоятельство, в свою очередь, дает основание относить таких нахалов – лиц, которые пытаются выдавать все в науке за свое открытие, пользуясь тут неосведомленностью части людей и скромностью первооткрывателей, к числу воришек от науки.

IV. Говоря о вопросе исламизации кубачинцев, чье искусство входит практически – по мнению особо авторитетных искусствоведов – в иранский культурный круг², следует отметить определенные небезынтересные положения. Прежде всего это то

¹ Чтение отмеченного имени неуверенное, можно и иначе: *Хумад*?

² См., однако, Маммаев М.М. Зирихгаран – Кубачи: очерки по истории и культуре. Махачкала, 2005. С. 107-113, 129; Курбанов Г.М. Зороастризм в Дагестане // Дагестанская правда. 1995. 21. X. С. 3; Курбанов М.Р., Курбанов Г.М. Религии народов Дагестана. Махачкала. 2001. С. 42.

обстоятельство, что в пределах Дахадаевского района РД не видно убедительных свидетельств функционирования там маздаизма, христианства, иудаизма и зороастризма. Речь идет тут о памятниках искусства и материальной культуры.¹

В то же время, однако, в нескольких километрах от сел. Кубачи найдены арабские надписи XI–XIII вв., и это имеет место на территории, на которой правители, носившие иранский титул марзпан, были мусульманами уже в 1-й половине X в. Находятся эти надписи в селении уркарахских даргинцев, которые приняли ислам в 995 г. – в эпоху политического распада мусульманской империи Аббасидов, а также в близлежащем даргинском сел. Каракорейш (Урц|муц|и)².

Процесс исламизации «страны» зирихгаранов Северовосточного Кавказа, соответствующей части территории «Кубачино-даргинского нагорья»,³ видится нам, в свете всех наличных источников, – среди них есть и такие, которые остались неизвестными Ю. Фон-Клапроту, Б. Дорну, В.В. Бартольду, В.Ф. Минорскому и А.Р. Шихсаидову – в следующем виде:

«Страна» зирихгаранов, лежавшая на Кубачинской «горе», ознакомилась с исламом еще в 1-й половине VIII в. Возможно, что среди обитателей данной дагестанской территории (является она местоположением селений Кубачи и Ашты), где традиции государственности были связаны с зороастрийским Ираном Сасанидов, появились первые мусульмане уже в VIII в. Произойти это могло, как видится, во время арабо-мусульманского завоевания горного Дагестана, имевшего место при Омеядах, а также в последующие десятилетия VIII – IX вв. Имеется в виду здесь то время, когда власть последних Омеядов и первых Аббасидов была

¹ Это – мнение А.А. Иванова (см. Иванов А.А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи. Ленинград, 1976. С. 180; Айтберов Т.М., Иванов А.А. Новые арабские надписи... С. 43), опиравшегося, по-видимому, на размышления А.А. Уварова, но с этим не все соглашаются (см. Маммаев М.М. Зирихгаран... С. 113).

² Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв., как исторический источник. Махачкала, 1984. С. 127, 128, 132–135.

³ Об этом термине, практически тождественном, по своему содержанию: понятию современная административная единица Дахадаевский район РД см. Маммаев М.М. Зирихгаран... с. 11.

реалией жизни дагестанских горцев, плативших подати (хлебом и людьми) в казну Халифата. Тогда являлись дагестанцы, как известно, частью населения халифатской провинции «Арминия», а местом сбора податей, причитающихся с этих горцев, был прикаспийский г. Дербент, который стоит недалеко от Кубачи.¹

Эпоха экономического и технолого-культурного превосходства мусульман в мире, что имело место – как ни странно – в эпоху реального исчезновения политической власти халифов за пределами их дворца, имела на Кавказе свои любопытные проявления. Дело в том, что в это время образовалась среди зирихгаранцев мусульманская община, что произошло благодаря торговым контактам с приверженцами ислама, среди которых стояли на первом месте, по-видимому, бакинцы.

Подавляющая часть вышеназванных даргинцев, употреблявших кубачинское наречие, являлась к началу X в., при всем этом, как представляется, маздаистами. Означало же это, в первую очередь, приверженность средневековых зирихгаранцев известному кавказоведам обряду прощания с покойником (скармливание его мяса хищным птицам), который обрисован несколькими античными авторами. Среди них можно назвать тут, к примеру, Страбона (маги, то есть члены жреческой касты, отдавали своих покойников «на съедение птицам»), Цицерона (маги отдавали своих покойников «на растерзание зверям»), Помпея Трога (ираноязычные парфяне I в.н.э. выставляют трупы своих покойников, которые разрываются затем «на куски птицами и собаками»), Юстина (у парфян погребение «заменяется растерзанием трупов птицами или собаками») и других.² Проникновение же маздаизма в верховья р. Уллучай – в искони даргиноязычную зону Дагестана – связывать следует, наверное, прежде всего, с мидийским этносом.³ Правда были это, скорее

¹ Шихсаидов А.Р. Ислам... С. 34, 35.

² См. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура... С. 321; Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. М., 1988. С. 111, 112. Бартольд В.В. Еще о самаркандских оссуриях. С. 119, 120; Он же. К вопросу об оссуриях... С. 165, 166.

³ Об этом см. Алиев И. Очерк истории Атропатены. Баку, 1989. С. 116; Иманпур М. Исторические связи Ирана и Дагестана и перспективы их развития //

всего, мидийцы эпохи Аршакидов, те люди, которые принесли на Кавказ иранский эпос, в разновидности последнего близкой весьма к Шах-наме Фирдоуси.

Среди зирихгаранцев средневековья имелись, однако и монотеисты - как следствие контактов с окружающими державами. Были это: христиане, иудаисты (переселенцы-?) и мусульмане. Мало того – среди части зирихгаранского этноса, обитавшего в дахадаевских горах, были, в XI – первой трети XII вв., люди, которые посвящали себя изучению шариата, в его шафиитской версии.¹

V. В зоне исторического функционирования кубачинского наречия древнейшая арабская надпись датируется 774/1372-73 г., а стоит она в упоминавшемся уже при-уллучайском сел. Ашты.² В данной связи нельзя никак не отметить того, что в стену аштынской мечети вставлена старинная надпись, выбитая на огромном речном бульжнике, сообщающая об исламизации местного населения – ценнейший исторический источник, о существовании которого узнала наука благодаря, кстати, Л.И. Лаврову и А.Р. Шихсаидову.³ Из надписи этой следует: зирихгеранцы (риджал зирихгерани), которые были раньше «неверными» - людьми платившими (поземельную-?) подать шамхалам и, одновременно, поставлявшими им шлемы, - приняли ислам, после чего кумухская знать освободила их от названных повинностей, а шамхал того времени (2-я половина XIII в. - ?) построил «мечеть» в сел. Ашты.⁴

Дагестанские исторические источники делают, таким образом, первую свою привязку этно-топонима зирихгеран не к сел. Кубачи (Угъбаге), а к сел. Ашты, где говорят, правда, на кубачинском наречии. Отметить следует в данной связи, что и позднее – до середины XVII в., как минимум, – толкуется термин зирихгнран

Ирано-дагестанские культурно-исторические связи: сборник докладов международной научной конференции. Махачкала. 2006. С. 5.

¹ Шихсаидов А.Р. Ислам... С. 192; Маммаев М.М. Зирихгаран... С. 142, 143.

² Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники... С. 90, 91

³ Лавров Л.И. Новое и Зерегхгеране и казикумухских шамхалах // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 217; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники... С. 374-376.

⁴ Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 374-376.

//заргеран в указанном здесь смысле,¹ то есть в значении «аштынцы».

Знаменитая в истории Дагестана Худуцкая надпись от 1318/19 г., введенная в научный оборот А.Р. Шихсаидовым, ясно свидетельствует, что в отмеченное ее текстом время существовала на Кавказе горская община именуемая «Анчибачи» (Анчибек1). Члены ее говорили на кубачинском – по устному преданию – наречии даргинского языка и являлись мусульманами. Кумухцы, которых дагестанская традиция характеризовала как ведущих борцов за «веру», считали причем, что анчибачинцы являются людьми равными им – в правовом отношении. Это объявили они это в присутствии шамхала – своего правителя - и глав ведущих родов Кумуха. Мало того, кумухцы передали названным здесь представителям кубачинского племени даргинское селение, именуемое Худуц, стоящее рядом с Ашгы.² Получается, соответственно, что под анчибачинцами подразумевает эпиграфический текст от 1318/19 г., скорее всего, аштынцев. Можно сделать тут, однако, и совершенно иное предположение: анчибачинцы были переселенцами из окрестностей современного Кубачи,³ которые, приняв ислам в конце XIII в. (?), покинули родину, населенную тогда язычниками (маздаисты - ?), переселились в аштынскую зону, где официальной религией был уже ислам (совершили, таким образом, хиджру, что одобряется шариатом), и заняли там почетное – в иерархическом аспекте – место.

Как бы там ни было в конкретике, но несомненно одно: часть кубачинского племени - обитатели сел. Ашгы, которое стоит в Кубачинской зоне, перешли в ислам во 2-й половине XIII в. Называли же их тогда - цивилизованные соседи – персидским термином зирихгеран, то есть «бронники», причем известно, что

¹ Об этом см. Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. Махачкала, 2006. С. 54, 55; Маммаев М.М. Зирихгеран... С. 147, 148.

² Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники... С. 82-88.

³ Стояло Анчибачи, - поселок одного рода, - по преданиям жителей сел. Кубачи, в нескольких километрах от последнего (см. Маммаев М.М. Указ. соч. С. 50).

эти люди, даргиноязычные аштынцы, делали такую сложную часть средневекового вооружения, как шлемы; об изготовлении шлемов зирихгеранцами, правда в 1-й половине XII в., пишет и ал-Гарнати.

VI. С рубежа XI – XII вв. община горцев известная как Кумух, в пределах которой заметно преобладал лакский язык, превращается в главный исламский центр Сулакского бассейна. В число земель, которые, так или иначе, оказываются в сфере влияния кумухских мусульман, папали, при этом, - с течением времени - верховья Уллучая (юго-западный Зирихгеран, где стоит Ашты, и располагаются такие даргинские селения, как – Худуц, Кунки), а также земли, что расположены в бассейне Акушинской речки. Касается сказанное и юго-восточного ответвления его, то есть ущелья именуемого «Дарголакотта», которое образует восточный приток указанной выше речки.

В верхней части ущелья Дарголакотта стоит даргинское сел. Бутри, связанное горными дорогами с Кубачинской зоной Дагестана. Согласно преданиям и старинным песням, указанный пункт Бутри – выступал, при этом, в давние времена, в качестве «признанного лидера» среди обитателей Акушинской зоны и части прилегающих земель.¹ Патриарх дагестанской историографии Р.М. Магомедов считает возможным писать даже о «Бутринском периоде в истории Даргинии».² Рассматривать же указанный период в жизни даргинцев невозможно, думается, без увязки его с вопросом кумухской гегемонии в южной части бассейна р. Сулак.

В домонгольскую и монгольскую эпохи (XI – первая половина XIV в.) процветала на значительной части даргинских земель мусульманская культура. Имело место это, однако, лишь на востоке в пределах Кайтагского, Дахадаевского и Агульского районов современного Дагестана. В бассейне же р. Акушински и на землях цудахарцев, то есть в сердце Даргинии, названная культура обретает распространение в сефевидскую, главным образом, эпоху – истории Среднего Востока и Закавказья. Происходило это также и в более поздние времена.

¹ Эта мысль представлена, к примеру, в фундаментальной монографии Р.М. Магомедова: Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. I. С. 178-182.

² Магомедов Р.М. Даргинцы... Т. I. С. 166, 167.

Есть, однако, письменные указания на то, что к рубежу XIII-XIV вв. приверженцы ислама преобладали в юго-восточной Даргинии. Точнее, имело место это в даргинском сел. Бутри, которое являлось тогда местопребыванием кадия Даргинии (Дарго), а также - на близлежащих землях раскинувшихся, в Дарголакоттском речном бассейне выше сел. Усиша. Это и не удивительно, наверное, ибо за горным хребтом Хархалтабек, то есть довольно близко от сел. Бутри, где вершили в прошлом «дела» Даргинии, было распространено - в пределах даргиноязычного Дахадаевского района, - мусульманство с X-XI вв. Здесь, правда, нельзя умолчать о том, что в бутринской зоне не обнаружены пока куфические надписи, но за названным горным хребтом, - на даргиноязычном участке Сюрги (Сирх1а) – найдены надписи XIV-XV вв., а может быть, даже XIII в.¹

Одним из бутринских религиозных деятелей выше названного времени (примерно рубежа XIII-XIV вв.) являлся «превосходный» Шайхмухаммад, который считался «кадием» Даргинии, разборщиком в «делах» даргинцев. Он был, при этом, - как то вытекает из арабоязычной Истории Каракайтага – еще и предводителем отряда даргинских борцов «за веру».² Сферой же их военной деятельности являлись земли даргиноязычных зирихгеранцев, что было – думается, - неслучайным.

Как нам представляется, руководство исламского центра Кумух – следуя дагестанской политической традиции, хорошо известной из событий, которые относятся, правда, к более поздним временным периодам, - применять силу (если придется и кровь пролить) по отношению к «неверующим» представителям даргиноязычного населения поручило даргиноязычным мусульманам. Делалось это (именно так) для того, чтобы противоречия дагестанского общества – религиозные и политические – не порождали межэтнической вражды. Последнюю видели эти кумухцы в качестве социального фактора, который мог быть опасным для будущей совместной жизни дагестанцев – после принятия ислама ими всеми.

¹ Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 272-274; полевой материал, который собрал автор этих строк.

² Айтберов Т.М., Шихсаидов А.Р. История... С. 159.

Итак, отряд даргинских борцов «за веру», имея ядро сформированное из бутринцев, выступил против кубачинских «неверующих» – надо полагать, что в массе своей это были, в конечном счете, маздаисты, - и двинулся на них во главе с кадием Шайхмухаммадом. Этот кадий Даргинии, примерно рубежа XIII-XIV вв., был – следует наверное отметить, - не только юристом, но и мастером фехтования на палках, подобно многим религиозникам эпохи Средневековья, стоявшим на самых различных догматических позициях. Такой, по крайней мере, вывод напрашивается при чтении текста Истории Каракайтага, написанной на арабском языке несколько столетий тому назад.

Поход даргинских мусульман, - проживавших в зоне политической и, вероятно, культурной гегемонии Кумуха - направленной против «неверующих» в Аллаха кубачинцев, о котором говорит дагестанский источник, закончился для нападающей стороны неудачно. Кадий Шайхмухаммад, - надо полагать, суннит шафиитского направления – хотя и «убил сорок» якобы «неверующих» из числа кубачинцев, сделав это своей «тростью»,¹ но все же пал он затем в бою. Здесь же нельзя, конечно, не отметить, что о Шайхмухаммаде, как исторической личности, и о его контактах с кубачинцами узнало кавказоведение лишь из той научной статьи, которую написали Айтберов Т.М. и Шихсаидов А.

В монгольскую эпоху истории Востока находилась «страна» восточнокавказских «бронников» под верховной властью, скорее всего, той огромной империи, политический центр которой находился на Иранском нагорье. Управляли же ею (с середины XIII в.) Хулагуиды - ильханы происходившие из династии идущей от Чингиз-хана.

В этом государстве иранских монголов, придерживавшихся десятилетиями шаманизма, хотя и бывали у власти мусульмане - в 80-е годы XIII в., стал ислам государственной религией лишь при Газан-хане (1295-1304). Указанная форма монотеизма была в данное время введена - в государственном статусе - и в Золотой

¹ Шайхмухаммад-кади, пребывавший в Бутри, получил эту трость от шейха *Яхьи*, который был толи бакинцем (*ал-Бакуви*), толи носителем *нисбы*, звучащей как *ал-Баруви*, что можно считать, по всей видимости, производным от персидского *бару* – «крепостная стена».

Орде, то есть в монгольской империи, которая правила Северным Кавказом и частью Дагестана; хан Узбек Чингизид, принявший имя собственное «Мухаммад», правил с 1290 г. по 1312 г.

В обозначенных выше геополитических условиях - благоприятных для исламизации, когда земли северо-восточнокавказских маздаистов оказались в окружении могучих мусульманских империй, - предпринята была еще одна попытка распространить ислам в Кубачинской этно-географической зоне в сел. Кубачи. Это делалось при том, что юго-западная часть исторического Зирихгерана, то есть Аштынская зона, Дахадаевского района РД, являлась уже «страной ислама» – со второй половины XIII в.

Итак, летом 1306 г. (705 г.х.), когда в горах было уже тепло к сел. Кубачи (Угъабаге), которое являлось в то время местопроживанием «неверных» подошел отряд борцов «за веру». Во главе его стоял Шайх-Хасан Сухраверди – потомок, как я убежден, знаменитого шейха Умара. Вполне вероятно, что подошли туда мусульманские воины при поддержке обитателей исламского центра Каракорейш, - построен на подступах к Кубачи - двигаясь, при этом, из Дербента. Последний являлся ведь одной из главнейших опор тогдашних мусульман, действующих на Северо-восточном Кавказе.

Свой военный лагерь разбили эти борцы «за веру», предводителем которых был иранец (?) сел. Шири, где говорили на кубачинским наречии.¹ В результате, вооруженные мусульмане (в числе их были, может быть, и ширинцы), находясь сами внизу, окружили, можно сказать, маздаистов Северо-восточного Кавказа засевших на горе, которая возвышалась над Шири. Начались атаки с разных сторон (из Шири, Каракорейша и других мест) на указанную твердыню «неверных», где природные многометровые стены (скалистые обрывы) усилены были – в нужных местах – человеческой рукой. Во время одной из мусульманских атак, однако, состоявшихся в самое благоприятно время между 10-м сентября и 9-м октября 1306 г., «неверные» убили

¹ Маммаев М.М. Зирихгаран... С. 11, 51, 69.

вышеупомянутого иранца (?) Шайх-Хасана. Они при этом, возможно, что расчленили его труп.

В том же году, когда был убит в Шири шейх по имени Хасан, о котором начали, кстати, слагать легенды (в XVIIв. записал одну из них – о «борце за веру» по имени Хасан – турок Эвлия Челеби), произошла «исламизация» утверждает дагестанская историческая традиция, представленная памятной записью – жителей селения «Кубачи».¹ Это означает, что община сел. Кубачи, не взирая на итоги последнего боя, решила теперь последовать примеру других зирихгеранцев – коренных аштынцев, анчибачинцев Ашты – Кункинской зоны и ширинцев – и принять, причем согласным решением, мусульманство; вполне вероятно, при этом, что к осени 1306 г. имелись уже среди кубачинцев тайные мусульмане, к примеру, из числа лиц посещающих часто исламские центры Восточного Кавказа (торговцы, ремесленники) – Кумух, Дербент, Шемаху, Гянджу и т.д.

Как результат официальной исламизации кубачинцев, произошедшей в 1306 г., распространяются в сел. Кубачи мусульманский погребальный обряд и арабская письменность. Следует, в данной связи, указать, что «самые древние» мусульманские надгробия из сел. Кубачи – не имеющие дат, которые «относятся» к периоду «утверждения» мусульманской религии в сел. Кубачи, принадлежит – по мнению А.А. Иванова, как искусствоведа – «к 1-й половине XIV века». Далее, этот же русский ученый, проведя разыскания в течение нескольких лет на кубачинских кладбищах и в иных местах, обнаружил, в конце концов, и сумел прочесть датированные старые эпитафии. Относятся они к 783/1381/82 г., 784/1382-83 г. и 802/1399-400г.², то есть являются свидетельством проживания в Кубачи – времени,

¹ См. Восточные источники... С. 117, 119; Айтберов Т.М., Шихсаидов А.Р. История... С. 151; Эвлия Челеби. Книга путешествия: извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Под ред. А.Д. Желтякова. М., 1979. Вып. 2. С. 80. Факт легенды обнаружил Т.М. Айтберов и он же дал этому толкование (см. Кавказ, Балканы, Передняя Азия: сборник научных трудов. Махачкала, 2004. Вып. 2 (9). С. 19.

² Иванов А.А. О датировке... С. 170-175; Иванов А.А. Персидские надписи из Кубачи // Rivista degli Studi Orientali. Roma, 1987. V. LIX. P. 217. Гольдштейн А. Башни в горах. М., 1977. С. 118, 119.

причем эмира Тимура Самаркандского – богатых мусульман обладавших хорошим художественным вкусом.. Данное обстоятельство объясняет, кстати, причину: по которой тимуридские источники, написанные на персидском языке, отмечая зирихгеранцев при описании походов эмира Тимура по территории современного Дагестана, говорят всего лишь о подчинении их данному среднеазиатскому завоевателю.¹

VII. Изучая старейшие памятники искусства из сел. Кубачи и работая – методически верно, - над вопросами их происхождения и датировки, Иванов А.А. (ведущий иранист-искусствовед Государственного Эрмитажа) пришел к мысли, что кубачинский «растительный орнамент» следует характеризовать как чрезвычайно «близкий», по главным параметрам, к «иранскому»; о кубачинских рельефах исследователь пишет, что они «четко» связаны «с иранским культурным кругом», что видно «больше» всего в «растительном орнаменте, которым украшены эти рельефы, имеющем «прекрасные аналогии среди иранских памятников XII-XIV веков», а также – «в изображении звериного гона, сфинксов, грифонов и львов». По этой причине мнение А. Гольдштейна о том, что «искусство Кубачей... стоит особняком» от собственно «дагестанской художественной культуры», считает Иванов А.А. «метко» сформулированным и совершенно справедливым.² Отрицая наличие в Кубачи «памятников искусства», которые были бы созданы там «ранее XIV века», что кстати «нарушает» прямую «связь» между сел. Кубачи и Зирихгераном «раннего средневековья»³ (его обрисовали нам ал-Баладзури и ал-Масуди, которые писали в пределах IX-X вв.), Иванов А.А. пришел к выводу интересному для поднятой здесь темы.

Названный исследователь пишет, что иноземные «мастера», представлявшие «иранский» культурный «круг», вполне «могли прийти» на Северо-восточный Кавказ вместе с Шайх-Хасаном

¹ Из «Книги побед» Низам ад-дина Шами // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. С. 124; Из «Книги побед» Шефер-ад-дина Иезди // Тизенгаузен В.Г. Сборник... Т. II. С. 187.

² Иванов А.А. О датировке... С. 180; Иванов А.А. Персидские надписи.. С. 216, 217; Гольдштейн А. Башни в горах М., 1977., С. 118, 119.

³ Иванов А. Персидские надписи... С. 218.

Сухраварди (уб. в 1306 г.) и его воинами. Именно этой «группой», обосновавшейся на территории нынешнего Дахадаевского района РД, были выполнены, в пределах XIV – начала XV вв., наиболее интересные рельефы и все могильные камни, находящиеся в сел. Кубачи.¹

Из всего этого напрашивается, в свою очередь предположение, что вместе с сыном и внуком столпов суфийского «братства» сухравардия (шейх Шихад ад Дин Сухраварди был видным политическим деятелем) прибыли в Кубачинскую зону Дагестана мюриды названного объединения. Были это, по всей вероятности, воины (в числе их некий Али, который, - согласно преданиям, - пребывая в сел. Шири, сражался до смерти с кубачинскими «неверными»),² ремесленники, каллиграфы, рисовальщики и т.д. Люди эти, являясь твердыми приверженцами «ортодоксально» шафиитского направления в суфизме, то есть сухравардии, способствовали, как мне видится: распространению своего учения (в области мистики ислама) и усилению позиций шафиизма в сфере шариата.³ Главной дагестанской зоной их духовного и юридического влияния были, по всей видимости, «Кубачино-даргинское нагорье» (местоположение таких старинных населенных пунктов как Амузги, Ашты, Сулевкент, Шири и Кубачи, а также следующих чисто даргинских селений: Уркарах, Киша, Харбук, Дибгалик, Дибгаши, Каракореш, Урцаки, Урари, Ураги, Сутбук, Бакни, Худуц и т.д.)⁴ и соседние земли.

Пользующаяся популярностью в научном мире идея о происхождении знаменитого на Востоке сефевидского ордена от ордена сухравардия (один из двенадцати «материнских» орденов-братств суфизма)⁵ помогает раскрыть многое в истории

¹ Он же. Указ. раб. С. 223.

² Шиллинг Е.М. Кубачинцы... С. 192; Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 // Известия Императорского Русского Географического общества. СПб., 1884. Т. XX, вып. 4. С. 410.

³ Тримингэм Дж. С. Суфийские ордена... С. 25, 38-40.

⁴ О данном термине см. Маммаев М.М. Зирихгаран... С. 11.

⁵ Акимущкин О.Ф. Суфийские братства: сложный узел проблем // Тримингэм Дж. С. Указ. соч. С. 11.

исламизации Кубачи.¹ Дело в том, что крупнейший российский авторитет по суфизму О.Ф. Акимушкин - на фоне трудов этого скромного человека, толстенные «монографии» весьма длинного ряда профессоров равняются всего лишь студенческим компиляциям - указал, что шейх Сафи ад-Дин, эпоним сефевидского ордена и предок шаха Исмаила Сефевидов, «считался принадлежащим к силсила Сухраварди».² Данное обстоятельство, в свою очередь, послужило, как думается, предпосылкой - уже после перехода Сефевидов из шафиитского мазхаба суннизма в шиизм - для последующей временной шиизации значительного количества кубачинцев.³

Сел. Кубачи превращается, в пределах 1-й половины XV в. (?), в исламский центр, главной задачей которого было, однако, не насаждение ислама, а распространение шиизма среди дагестаноязычных горцев. Там - в населенном пункте горцев, где говорили наречием даргинского языка, причем довольно тесно связанном экономически с приморским Баку еще в XII в. - оседают иранские гази, то есть борцы «за веру», во главе с представителями рода Сефевидов (например, «султан Ходжа-Джамшид - сын султана Шайх-Джунайда»), а также, как думается, ахунды и ученые мужи.⁴ Поворотным пунктом, при этом, в относительно не длинной истории существования шиитского исламского центра Кубачи был, как представляется 1488 г.

¹ Сафи ад-Дин (ум. 1334 г.), основатель знаменитого сефевидского ордена, учился - будучи сам суннитом шафиитского *мазхаба*, - у странствующего дервиша Ибрахима ас-Санджани, который был человеком «связанным с *силсила Сухраварди*» (см. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордена... С. 70).

² Акимушкин О.Ф. Суфийские братства... С. 229.

³ Известный знаток средневекового искусства Востока и Кавказа И.А. Орбели писал, что кубачинские «рельефы» с изображениями людей и животных, а также особо интересные и ценные «котлы закрытого типа», находившиеся в сел. Кубачи, но вывезенные оттуда в Ленинград, «сделаны были» не среди суннитов, а «в среде, исповедывавшей... шиитство» или, может быть, христианами (см. Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы XII-XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 317).

⁴ Айтберов Т.М. К истории распространения шиизма в зоне исконного расселения дагестаноязычных народов и племен // Ирано-дагестанские культурно-исторические связи... С. 164, 172.

До этого времени, но после 1306 г. (дата принятия ислама) в сел. Кубачи имелись уже медресе (построено или, может быть, отремонтировано в 1404/405 г.),¹ то есть учебный центр, и соборная мечеть - построена в 1430/31 г.. При этом, однако, в Кубачи писалось тогда мало трудов, которые входят в суннитский блок наук. Лишь один раз мы встречаем тут, под 872/1467-68 г., нисбу «Кубачинский» (ал-Кубаши), которая принадлежит, причем, переписчику книги Ихйа улум ад-дин, чрезвычайно популярной среди шафиитов. Вместе с этим, однако, сохранилась несколько рукописей XV-XVII вв. созданных суннитами, которые носили нисбу «Зирихгеранский»², но нет здесь твердых фактов, которые бы отрицали понимание данной нисбы как «Аштынский»; в 1651 г. переписчик Али Аштынский (ал-Усди) прямо указал, что его нисба звучит «по-персидски аз-Зирикани».³

В указанную выше дату (1488 г.) имел место разгром – в районе табасаранского сел. Тинит – шиитского войска, сформированного из ираноязычных талышей, а также из представителей тюркоязычных племен карадаглы и шамлу, что совершили иранские и восточнокавказские сунниты. Последствием же данного события, сыгравшего заметную роль в истории Кавказа XV в., было усиление власти Ширвана – в то время государства суннитов шафиитского толка, среди которых было значительное количество лезгин, - стало изгнание шиитов из Кубачи⁴ и полное возобладание там суннизма.

Итак, в Кубачинской зоне Дагестана, где говорят на особом наречии, имелось заметное чужеземцам количество мусульман, причем суннитов шафиитского мазхаба, в домонгольскую еще

¹ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. С. 129, 200. Иванов А.А. пишет, что в 1404/405 г. медресе построено было, возможно, не в Кубачи, а в каком-то ином населенном пункте (см. Иванов А.А. О датировке... С. 179).

² Факты собраны, правда из трудов других ученых (это отмечено в ссылках), Маммаевым М.М. в его фундаментальной монографии *Зирихгеран-Кубачи* (стр. 144-149).

³ Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники: гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-восточного Кавказа. Махачкала, 2006. С. 54, 55.

⁴ Айтберов Т.М. К истории... С. 173.

эпоху. Официальная же исламизация произошла позднее. Так, в юго-западной части названной зоны (Аштынский Зирихгеран) это случилось во 2-й половине XIII в., а такая же по форме исламизация жителей сел. Кубачи, являвшихся тогда в массе своей маздаистами – в 1306 году. После этого в названной зоне получает распространение суфизм, причем в форме практики и традиции шафиитского ордена сухравардия.

Политические условия, как и культурные, позволили распространиться в Кубачи, через несколько десятилетий после 1306 г. (в 1-й половине XV в.), шиизму – в форме практики и традиции ордена сафавия, первоначально шафиитского, который произошел из недр сухравардии. Что же касается Аштынской зоны (юго-западный Зирихгеран), где говорят на кубачинском наречии, то там население продолжало оставаться все то время суннитами-шафиитами. После победы суннитов Ирака и Южного Дагестана над шиитским вождем Шайх-Хайдаром Сефевии (1488 г.) при сел. Тиниг, становятся кубачинцы суннитами и таковыми остаются они поныне.

О СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСКУССТВЕ ИРАНА

Арабо-мусульманская средневековая культура создавалась народами, входившими в состав Арабского халифата. Она явилась результатом материального и духовного творчества многих населявших империю народов. Этим обусловлен ее расцвет в VIII–XII веках.

Несмотря на различия в исторической судьбе, национальных традициях, в уровне социально-экономического и общественного развития, в результате сложного и длительного процесса взаимовлияния создается единая, общая для ряда народов мусульманская культура. Она на многие века определила их мировоззрение, традиции, жизненный уклад, нравственные нормы и идеалы, психологию, общественные учреждения и модель поведения.

С другой стороны, принадлежность различных племен и народов к общемусульманской культуре не лишала их культурного своеобразия, которое находило свое выражение в искусстве, психологии, быте и т.д.

Большой вклад в создание синкретической арабо-мусульманской культуры внес Иран, являвшийся носителем древнейшей культуры. Он оказал большое влияние на культуру и искусство многих народов мира и вместе с тем вбирал в себя лучшее из культурного наследия других стран и народов.

В средние века иранское искусство достигло больших высот. Арабские завоевания Персии породили новые художественные принципы. Новая религия – ислам обусловила появление новых типов зданий, ограничила развитие некоторых видов изобразительного искусства, особенно монументальной скульптуры, способствовало расцвету орнамента и каллиграфии.

Работы средневековых мусульманских зодчих, декораторов, каллиграфов, в основе которых всегда лежит продуманный и тщательно выполненный чертеж, демонстрируют освоение античного наследия, понимание законов геометрии и мастерское владение линейкой и циркулем. Умение считать, вычислять и соизмерять, свидетельствует о прекрасном знании алгебры и астрономии.

Характерной особенностью иранского средневекового искусства является единство стиля, которое объединяет произведения всех видов прикладного искусства Ирана – и ковроткачество, и художественные ткани, а также книжную миниатюру и архитектуру.

Одно из краеугольных положений мусульманской эстетики – джамаль: красивым может быть только полезное.

«Для ранних мусульман, - пишет Т. Стародуб-Еникеева, - полезность и целесообразность были главными критериями красоты предмета или явления, и они охотно осваивали античное и византийское наследие, использовали традиции и опыт покоренных восточных народов»¹.

Специфические для мусульманского образа жизни типы архитектуры формировались в соответствии с практическим назначением сооружений и с использованием местных строительных материалов и укоренившихся приемов².

В средневековом Иране были созданы памятники архитектуры мирового значения. Это дворцы, мечети, мавзолеи, медресе и т.д. Архитектурный декор отличался обилием мотивов и форм растительного и геометрического узора, широким введением надписей, звучностью цвета.

В первые века ислама в Иране в некоторых сооружениях использовался тип арабской колонной мечети. Однако иранские зодчие вскоре отказались от арабской планировки. Ни в самом Иране, ни в близких ему по культуре областях Закавказья и Средней Азии мечеть колонного типа не привилась. Она потому и

¹ Стародуб-Еникеева Т. Сокровища исламской архитектуры М., 2004. С. 8.

² Там же.

получила название «арабской», что была чужеродным явлением в этих краях.

Мусульманские культовые здания, возводимые в IX–X веках с намерением следовать арабскому образцу, рано или поздно перестраивались. Иранские зодчие предпочитали местную доисламскую традицию храма-чартака. Чартак представлял собой квадратное здание, перекрытое куполом. Одну из четырех арок закладывали камнем и превращали в михрабную нишу. Важную роль стали играть также сводчатые залы – айваны.

В западных районах иранского мира получили распространение павильонные мечети, а в восточных, например, в Хорасане, предпочитали строить мечети с айваном, в задней стене которого устанавливался михраб. Сложился тип четырехайванной постройки. Так строили мечети, медресе, дворцы и караван-сарай. Обычно это было большое сооружение с прямоугольным внутренним двором, в центре каждой стороны возвышался высокий стрельчатый айван – сводчатый зал, открытый во двор. Мощные пилоны айванов, поддерживающие арки, образовывали величественные прямоугольные порталы. Самый крупный по размерам портал возводился на главном фасаде мечети. Орнамент покрывал большие архитектурные плоскости, порталы, круглые стволы минаретов.

Как и другие монументальные сооружения Среднего Востока, мечети возводили из обожженного кирпича, который служил основным материалом не только строения, но и декора. Из кирпича выводили и разнообразных форм и рисунка арки, своды и купола, выкладывали сталактитовые пояски, карнизы. Одной только виртуозной кладкой создавали узорную фактуру стен, столбов и колонн.

В украшении зданий, помимо шлифованных и глазурованных кирпичиков, широко применялся шtuk, терракотовые плитки с резными орнаментами и надписями, выделенными цветной глазурью, расписные изразцы, а с XIV–XV веков – сверкающую яркими красками керамическую мозаику и, в интерьерах, красочную, нередко с позолотой и рельефом роспись.

«В отличие от колонной мечети, - отмечает исследователь исламской архитектуры, - с ее сдержанной, особенно снаружи,

архитектурой айванная мечеть в том виде, какой она обрела в столичных ансамблях XV–XVII веков, выделяется подчеркнутым величием и нарядностью»¹.

Как отмечает М.Б. Пиотровский, «...мусульманские религиозные сооружения призваны создать внутри уют для верующего»².

Лучшим культовым сооружением за всю историю иранского средневекового зодчества считают Соборную мечеть в Исфахане. Возведенная в 840/841 году она была типичной колонной мечетью. Наружные стены были сложены из сырцового кирпича, а перекрытия опирались на цилиндрические столбы или колонны. Опоры и своды были возведены из обожженного кирпича. Они были замаскированы штукатуркой, который покрывался резными узорами.

При сельджукидах началась реконструкция Соборной мечети, убрали часть колонн, возвели большой красивый купол. В результате перестройки Соборная мечеть приобрела черты типичной иранской четырехайванной постройки.

На протяжении последующих восьми столетий Соборная мечеть, сложно живой организм, росла и видоизменялась. В эпоху тимуридов все фасады двора оделись орнаментальным ковром сине-голубого цвета. Он был набран мозаикой из фигурных деталей, вырезанных из глазурованных керамических плит разного цвета.

При шахе Аббасе I в Исфахане был создан грандиозный ансамбль мечетей, дворцов, торговых зданий и спортивных сооружений, центром которого стала Царская площадь – Майдани-Шах. Наиболее величественным сооружением этого комплекса является Шахская мечеть, богато украшенная и снаружи, и внутри ковром из наборной и расписной керамики сине-бело-кремового цветов. В Шахской мечети Исфахана получила законченное и совершенное выражение айванная композиция. Это был архитектурный тип государственной мечети, идеально отвечающий задачам и возвеличивания властителей, и прославления ислама.

¹ Стародуб-Еникеева Т. Сокровища исламской архитектуры. М., 2004. С. 206.

² Там же.

В конце XIV в. Иран оказался в составе империи Тимура. Он хотел, чтобы его столица - Самарканд превосходил красотой и грандиозностью другие города мира. Здесь шло грандиозное строительство дворцов и мечетей, комплекса мавзолеев Шах-и-Зинда для членов семьи Тимура и феодальной знати.

В Самарканде, Бухаре, Хиве, других городах работали и местные мастера, и мастера, депортированные из Ирана, Ирака, Афганистана и других завоеванных стран. Ими были созданы памятники мирового значения.

Архитектуру эпохи тимуридов отличали монументальность форм, необычайная красота убранства. Применялись высокие порталы с минаретами, ребристые голубые купола на высоких барабанах, сплошной ковер изразцовой облицовки на фасадах, сталактиты, росписи в интерьерах. Для украшения зданий широко использовались арабески.

В XIV–XV вв. в Иране высокого совершенства достигло искусство книжной миниатюры. Своими корнями оно уходит в домусульманские традиции. В настоящее время известны миниатюры XII в. и последующих веков. Миниатюра послемонгольского периода, в том числе и эпохи тимуридов, испытала на себе влияние китайской миниатюры. Это видно и по типам людей, изображенных на миниатюрах.

Иранские художники использовали чистые минеральные краски, тонкие кисти, бумагу, изготовленную ручным способом.

Искусство миниатюры условно и декоративно. Изображение строится на основе тончайшего линейного рисунка и сочетания чистых и звучных цветовых пятен. Миниатюра не знает перспективы. Фигуры и предметы расположены подобно красочному узору. Живописцы запечатлевали подвиги легендарных героев, битвы, торжественные пиры, лирические сцены, сюжеты охоты, прекрасного сада и т.д., в то время как на средневековом Западе иллюстрировались рукописи преимущественно религиозного содержания.

Миниатюра Ирана XV–XVI веков исторически связана с художественными центрами – школами в Ширазе, Герате, Тебризе, Мешхеде, Казвине, Исфахане. Наиболее выдающимися художниками миниатюры были Кемалетдин Бехзад (Гератская

школа) и Султан Мухаммед (Тебризская школа). Много их миниатюр сохранилось в рукописях XV–XVI веков, в музее народов Востока и национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Важное место в истории мировой художественной культуры занимает декоративно-прикладное искусство Ирана. Оно отмечено высоким вкусом и изысканной красотой. Во всех его видах – тканях, коврах, парадном оружии, ювелирных украшениях иранские мастера достигли небывалых художественных успехов. Особенностью иранского средневекового искусства было то, что в нем значительное место занимали образы живых существ. Узорным шелком славилась мастерская Исфахана, Кашана, Йезда. Парча выделялась в Исфахане, бархат в Кашане. Драгоценными кусками парчи, атласа, бархата одаривались послы, гости, придворные. Большое количество дорогих иранских тканей ввозились в Россию, где из них шили богатые одежды и церковные облачения. Одни ткани украшались растительным орнаментом, на других были фигурные изображения. Это сцены придворной жизни, подвиги героев, охота, а также звери и птицы в природе. Ткани необычайно красочны и нарядны. У европейцев они вызывали восхищение. В создании рисунков ткани участвовали крупнейшие художники, мастера миниатюры.

Иран – один из самых крупных и древних центров ковроделия. Иранские ковры известны европейцам с XVI в. Существовали различные школы ковроткачества: Тебризская, Ардебильская, Кашанская, Исфаханская, Гератская и т.д. В коврах господствует сложный растительный орнамент (арабески). Были ковры, напоминающие страницы книги, их называли «китаб». Были сюжетные ковры, они делились на «садовые», «звериные», «охотничьи».

Расцвет ковроткачества в Иране приходится на XVI–XVII века. Сырьем для изготовления иранских ковров являлась овечья и верблюжья шерсть лучших сортов, шелк, хлопок, лен. Мастера использовали в коврах также цветные металлы. В музеях мира есть ковры, сотканые из пряжи, скрученной из шелка, золотых и серебряных нитей. Персидские ковры служат своего рода капиталом, передаются из поколения в поколение.

Для изготовления ковров использовались натуральные красители – кожа грецкого ореха, гранат, индиго, кошениль и т.д.

В средние века центром производства ковров из чистого шелка был Тебриз. Там также делали ковры рельефной выделки, двусторонние ковры и другие ковры сложного тканья и высокого качества. Наиболее ценные ковры для шахского двора с использованием золотых и серебряных нитей выделывались в Кашане и Исфахане.

Средневековые ковры Ирана славятся красотой цвета. Цвета сильные, яркие, насыщенные и в то же время ласкающие глаза изысканностью сочетаний.

Композиция ковра представляла собой обычно широкое, прямоугольное, центральное поле с полосой бордюра, образующего как бы четкую рамку. Распределение узора имеет то характер густой сетки, занимающей всю поверхность, то построено по принципу медальонного решения. В этом случае центр ковра занимает крупный медальон, четвертая часть которого повторена в каждом углу.

В иранском искусстве часто встречается образ прекрасного сада, в котором заключался символ красоты и весеннего возрождения природы. Образ иранского ковра, как и образ миниатюры, рождает поэтическое представление о сказочно прекрасном многообразии мира.

Одним из самых дорогих в мире персидских ковров считается ковер «Шейх Сафи». В XVI в. он был подарен мечети Шейха Сафи в городе Ардебиле и первоначально назывался «Ардебиль». В 1891 г. он был украден из мечети и в 1893 г. приобретен лондонским музеем Альберта и Виктории¹. Размеры ковра «Шейх Сафи» составляли 5,34 м. х 10,5 м. Плотность на 1 квадратный дециметр составляла 5476 узлов, всего на ковре более 30 млн. узлов.

Азербайджанский исследователь Ляtif Керимов подсчитал, что если бы ковер «Шейх Сафи» ткал 1 человек, то ему понадобилось бы на работу почти 13 лет, при условии, что он бы работал по 10 часов в день, делая ежедневно 8000 узлов. Он приходит к выводу, что ковер ткали 9 ковроткачей, которые делали

¹ Керимов Л. Азербайджанский ковер. Т. 3. Баку, 1983. С. 262, 263.

в день примерно 100 тыс. узлов. Тогда его можно было соткать за 307 дней¹.

Произведения всех видов прикладного искусства средневекового Ирана – и ковроткачество, и художественные ткани, а также книжную миниатюру – объединяет единство стиля.

Образы прекрасного сада, сюжеты охоты воспроизводились на книжных миниатюрах, тканях, коврах. К созданию рисунков для них привлекались известные художники. Заимствованный у арабов художественный прием – «арабеск», широко использовался иранцами в зодчестве, ковроткачестве.

Если говорить об иранской средневековой культуре в целом, то она носила самобытный характер. Характерными чертами ее были единство духа и стиля. Она переживала периоды упадка, например, после татаро-монгольского нашествия, и расцвета в XVI–XVII веках. Культура Ирана этого периода оказала большое влияние на культуру сопредельных стран и в целом на мировую культуру.

Литература

1. Дорри Дж. Персидская миниатюра // Персия, № 1(6). 2002.
2. Иранская каллиграфия // Персия, № 2(5). 2001.
3. Каменева М. Персидский язык как фактор культурной интеграции // Персия, № 1(4). 2001.
4. Коптерева Т.П., Виноградова Н.А. Искусство средневекового Востока. М., 1989.
5. Керимов Л. Азербайджанский ковер. Т. III. Баку, 1983.
6. Лучшие в мире ковры // Персия, № 1. 2000.
7. Миронов Л. Мир Корана // Персия, № 2(7). 2002.
8. Пиотровский М.Б. О мусульманском искусстве. СПб., 2001.
9. Стародуб-Еникеева Т. Сокровища исламской архитектуры. М., 2004.
10. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002.

¹ Там же. С. 267.

ХУДОЖНИК КАСИМ ИБН ‘АЛИ И РУКОПИСЬ РНБ «АХСАН АЛ-КИБАР» (DORN 312)

В собрании рукописных книг святителя шайха Сафи ад-дина Исхака в Ардебиле согласно инвентарной описи, составленной 25 раджаба 1172/24 марта 1759 г. муллою Мухаммад-Тахиром мустоуфи по приказу мутаввали комплекса саййида Мухаммад-Касим-бека Сафави, хранилось пять списков указанного сочинения.¹ В настоящее время два экземпляра из отмеченных пяти находятся в собрании Рукописного отдела Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (инв. №№ Dorn 312 и Dorn 313).²

Мухаммад б. Аби Зайд б. ‘Араб-шах б. Аби Зайд ал-Хусайни ал-‘Алави ал-Вирамини (л. 5а) не называет себя автором (му’аллиф) этого труда, он многократно именуется «автором – составителем» (мусанниф: лл. 13b, 40a, 41a, 68b, 90b, 120a, 137b, 176b, 178a, 192b, 212b, 418b), а также переписчиком (ал-катиб: л. 5а), переводчиком-биографом (ал-мутарджим: л. 5а), шиитским проповедником (ад-да‘и: л. 137b). Свое имя он приводит несколько раз в усеченно краткой форме (лл. 176b, 192b, 212b) и на л. 137b в наиболее полной – Мухаммад б. Аби Зайд б. ‘Араб-шах б. Абу Зайд б. Ахмад б. ал-Хусайн ал-‘Алави ал-Хусайни ал-Вирамини. Данный труд, написанный с ярко выраженных шиитских позиций,

¹ Ганджина-йе шайх Сафи. Та’лиф-е мотавалли Мухаммад-Касим-бек Сафави. Бе эхтемам-е саййид Йуноси. Табриз, 1348/[1969]. Нашрийа-йе кетабхана-йе мелли-йе Табриз. № 16. См. также Мухаммад-Джавад-е Машкур. Назари бе тарих-е Азарбайджан ва асар-е бастан ва джами’ ййатшенаси-йе ан. Тегеран,

1349/[1970], сс. 348-349.

² B. Dorn. Catalogue des Manuscrits et Xylographes Orientaux de la Bibliothèque Impériale de St. Petersburg, 1852, №№ 312, 313.

композиционно состоит из 78 глав (баб) и представляет собой, с одной стороны, жития Пророка, его дочери Фатимы и двенадцати имамов, а с другой (наряду с житиями) поясняет основные догматы имамитов-двунадесятников, изложенных простым и доступным для неофитов и непосвященных языком: своеобразное наставление по шиитскому ликбезу.

При составлении труда наш автор использовал более двадцати сочинений (все на арабском языке). Однако основным источником для ал-Вирамини и образцом для избранного жанра, судя по всему, стал труд знаменитого шиитского теолога Джамал ад-дина Хасана б.Йусуфа б.‘Али б.Мутаххара ал-Хилли (648-726/1250-1325) с названием «Минхадж ал-карама фи ма‘рифат ал-имам»¹, весьма напоминающим название его собственного произведения: «Ахсан ал-кибар фи ма‘рифат аййима ал-атхар».

Свое сочинение ал-Вирамини начал в 728/1327-28 г., как он сам сообщает: «возвращаясь из Султаннии в Исфахан и из Исфахана в Файрузан, я начал составлять этот «Трактат» (Рисала)» (рук Dorn 312, л. 41a). Процесс составления занял достаточно длительный период и составил не менее 15 лет, поскольку в разных местах труда он указывает, как текущие, следующие годы: 741/1340-41 (лл.137b, 155b), 1 зу-л-ка‘да 742/ 8 апреля 1342 (л. 418b) и 743/1342-43 (л. 71b, 342b). Вполне вероятно, что он завершил труд в последнем указанном году либо вскоре после этой даты. Заметим, что в библиографическом справочнике-путеводителе по шиитской литературе шайха Ага Бозорга Техрани ² сообщается, что ал-Вирамини написал это сочинение по приказу шаха Тахмаспа I (правил 1524-1576), а в каталоге Бадри Атабай приведён 974/1566-67 год, как дата завершения труда.³

¹ См.С.Brockelmann.Geschichte der arabischen Litteratur.Weimar-Berlin-Leiden, 1898.Bande II, S.164. Supplementbande. Berlin,1942.II, SS.200-209. Об этом знаменитом шиитском теологе, получившим почётное духовное прозвание *айаталла*, см. также ат-Тунакабун. Кисас ал-‘улама. [литография, Лакхнау]. 1306/1888-89, сс.145-156.

² См. «аз-Зари‘а ила тасаниф аш-ши‘а».Наджаф,1355/1936.Т.1,с.288,№1511.

³ Бадри Атабай.Фехрест-е котоб-е дини ва мазхаби-йе хатти-йе кетабхана-йе салтанати.Техран, 1352/1973, сс.9-11, №6. Если это не досадная типографская опечатка, то непонятно на чём основывалась составитель «Каталога», приведя указанную дату.

Настоящее сообщение посвящено списку «Ахсан ал-кибар», поступившему в РНБ в составе 166 рукописей из Ардебиле в 1828 г. Рукопись была не очень внятно описана Б.Дорном.¹ Список весьма внушителен как по своему объёму (508 л.), так и по своим размерам (38 x 26 см). На л. 1а – шамсе – эклибрис дворцовой библиотеки Сафавидов, исполненный золотом в почерке сулс: «Для казнохранилища (бе расм-и хаза'ин-и) величайшего султана ... султана, сына султана Абу-л-Музаффера шаха Тахмаспа Бахадур-хана». Ясно, что шамсе было исполнено уже после того, как Тахмасп вступил на престол, т.е. после 930/ 1524 г., тогда как рукопись была за три года до этого завершена перепиской при отце Тахмаспа шахе Исма'иле, который, видимо, и был инициатором её изготовления. На л. 2а имеется вакуфная запись поступления данного списка в святилище шайха Сафи ад-дина Исхака в Ардебиле. Формула записи обычная и характерная для всех рукописей, поступивших в святилище по приказу шаха 'Аббаса I из дворцовой библиотеки.² Перевод: «Пожаловал на богоугодное дело 'Аббас ас-Сафави – собака у порога его святости 'Али ибн Аби Талиба, мир ему, лучезарному святилищу Шаха Сафи, да помилует его Аллах, с тем, что каждый, кто захочет, пусть читает, но с условием, чтобы не выносил из усыпальницы. Каждый же, кто унесёт, станет соучастником в пролитии крови имама Хусайна, мир ему!» Данная запись не имеет даты поступления, но на лл. 139b, 149b и 273b находятся оттиски круглой печати вакфа с датой – 1017/ 1608-09 г.

Текст рукописи исполнен отменным каллиграфическим наста'ликом, коранические цитаты, хадисы и ахбары – хорошим насхом. Список частично расшит, в начале нарушен порядок листов, правильный порядок: 1, 2, 4, 5, 3, 6, 7-508. Оформление не

¹ См. выше прим.2

² Согласно вакуфным записям и печатям *вакфа*, рукописи поступали в святилище в 1017/1608-09, 1022/1613-14 и 1037/1627-28 гг. Искандар-бек Туркман в конце главы о событиях 1016/1607-08г.замечает, что в том году шах 'Аббас I приказал передать рукописи на арабском языке в *вакф* мавзольному комплексу имама 'Али-Рида в Машхаде, а на персидском языке – святилищу в Ардебиле. См.Тарих-и 'Аламара-йи 'Аббаси. Та'лиф-е Искандар-бек Туркман. Чап-е севвом. Зир-е назар-е Ирадж Афшар.Техран, 1382/2003, с.761

было закончено, остались незаполненными целый ряд мест, отведенных для цитат из Корана, хадисов и ахбаров. По указанию, видимо, китабдара – руководителя этого проекта переписчик оставил 74 пустых места в тексте для миниатюр, на нескольких из тридцати девяти которых были наклеены впоследствии миниатюры, исполненные на отдельных листах разного формата (в основном 20 x 17 см). Согласно колофону (л. 508а), мастером, переписавшим этот список, был «каллиграф на службе в личном шахском домене (катиб-и хасса-йи шарифа) Хизр-шах», который завершил переписку 4 месяца раби‘I 927/12 февраля 1521 г. в возрасте 65 лет.¹ Этот же мастер переписал еще один экземпляр «Ахсан ал-кибар» в месяце рамадане 948/декабрь 1541 г., также находившийся в собрании рукописей мемориала шайха Сафи ад-дина в Ардебиле (ныне он хранится в Тегеране в кетабхане-йе Малек № 4159).

Как уже отмечалось выше, на тридцати девяти из семидесяти четырех, оставленных незаполненными пробелах текста, были исполнены миниатюры, часть из которых была сначала выполнена на отдельных листах, а затем наклеена на указанные чистые места в рукописи. Из тридцати девяти миниатюр тридцать пять (в той или иной степени участия в работе над ними) можно отнести руке одного превосходного мастера, четыре же миниатюры, написанные значительно позднее другим художником, не идут ни в какое сравнение с вышеупомянутыми тридцатью пятью по своей художественной значимости.

В 1954 г. М.М. Дьяконов и Ю.С. Дашевский опубликовали статью,² посвященную рукописи Dorn 312, в которой авторы обратили внимание на орнаментальную надпись, идущую по фризу здания, изображенного на миниатюре «Первая проповедь имама Хасана б. ‘Али» (л. 373b). Текст этой надписи, исполненной превосходным классическим сулсом с элементами мухаккака, они прочли и как результат прочтения пришли к выводу, что эта миниатюра исполнена знаменитым гератским художником

¹ См. прим.2

² «Поздние миниатюры Касима Али в рукописи Государственной публичной библиотеке им М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде»./ИАН Таджикской ССР. Вып. V, 1954, сс.29-41.

Касимом ибн-и ‘Али, другом и учеником Камал ад-дина Бехзада и «что почти все они [т.е. 35 миниатюр в указанном списке – О.А.] выполнены одним и тем же художником, некоторые при участии его учеников»¹. Ниже следует наш перевод обозначенной надписи: «В дни правления величайшего Султана, справедливейшего и милостивейшего Хакана, тени Аллаха на землях, победителя на воде и на суше, Султана сына Султана сына Султана Аби-л-Музаффара Тахмаспа Бахадур-хана. Да увековечит Аллах Всевышний его царствование и да распространит в обоих мирах его справедливость! В священном месяце зи-л-хиджжа [месяце] отправления хаджжа [года] 932 [/сентябрь 1526] от хиджры Пророка рукою раба слабого Касима ибн-и ‘Али». В данном пассаже для нашего предположения весьма существенна формула подписи, сделанная исполнителем: «‘ала’ йад ал-‘абд ал-за‘иф Касим ибн-и ‘Али»,² которой авторы статьи не уделили должного внимания.

Впоследствии, отмеченное выше заключение М.М.Дьяконова и Ю.С.Дашевского относительно художника, исполнившего миниатюры в рукописи РНБ Dorn 312 было принято всеми, кто обращался к творчеству замечательного гератского мастера Касим ибн-и ‘Али по прозвищу Чихрагушай («Портретист») В том числе и мы с А.А.Ивановым.³ Сомнений не возникало, поскольку миниатюры были мастерски исполнены и превосходны по своим художественным достоинствам. Двенадцать из их числа, по мнению И.С.Щукина – известнейшего знатока и исследователя персидской книжной миниатюры, исполнены непосредственно рукой Касима ибн-и ‘Али, остальные И.С.Щукин отнес к работам учеников, которые уже сам мастер доводил до завершения.⁴

То обстоятельство, что подпись с именем Касим ибн-и ‘Али ‘была органично вписана в картуш архитектурного декора,

¹ Дьяконов и Дашевский, у к. соч., с.34

² Там же, с.32

³ Персидские миниатюры XIV-XVII вв. М., 1968, сс.15-16, 36-37 (сс.36-37 – воспроизведение текста надписи и её перевод; табл.35 – воспроизведение миниатюры (л.373b) в цвете).

⁴ Ivan Stchoukine. Qasim Ibn ‘Ali et ses peintures dans les Ahsan al-kibar. // Arts Asiatiques, 1973, t. XXVIII, pp.45-54

исключало сам факт сомнения в её аутентичности. В свою очередь эта аутентичность, естественно, переходила как на данную миниатюру (л.373b) ,так и на прочие миниатюры рукописи Dorn 312, схожих с ней (или же весьма близких ей) по стилю, манере исполнения , композиции , дизайну пространства миниатюры, цветовой гамме и т.п. Миниатюра с подлинной и достоверной личной подписью мастера открывала специалистам широкие возможности для аргументированного определения или атрибутирования тех произведений Касима ибн-и ‘Али, авторство которых относили его руке.

В 1992 г. Аболала Судавар издал «Каталог» миниатюр собственной коллекции, снабдив его необходимым исследованием.¹ На стр. 177 (табл. 67) «Каталога» воспроизведена миниатюра «Бахрам Гур в бирюзовом павильоне» (Ночь пятая: у магрибинской принцессы) из поэмы «Хафт пайкар» Низами. В четырех орнаментальных картушах (два справа вниз по фону стены и два по центру над фигурами персонажей) каллиграфическим сулсом с элементами мухаккака помещен следующий текст: «Да будет вечным правление Султана величайшего, справедливейшего...Это прелестное местечко, что дарует аромат соединения ... переписал сие ничтожный раб Касим ибн-и ‘Али».Формула подписи исполнителя: «катабаху ал-‘абд ал-факир Касим ибн-и ‘Али».

Исходя из текста этой надписи, содержащей подпись с именем Касима ибн-и ‘Али, Аболала Судавар счёл эту миниатюру из поэмы Низами «Хафт авранг» подлинной работой художника, проигнорировав при этом и формулу подписи

Сравнение формул подписей в картушах архитектурного декора двух абсолютно разных по исполнению миниатюр, о которых шла речь выше, привело меня к мысли, что подписи в них не принадлежат знаменитому художнику гератской выучки Касиму ибн-и ‘Али, а скорее всего мастеру классической шестерки почерков с точно таким же именем, которое в ту пору, кстати, было достаточно популярным. Дело в том, что формулы подписи «‘ала’

¹ Abolala Soudavar. Art of the Persian Courts. New-York, 1992

йад ал-‘абд ал-за‘иф (или факир, или хакир)»¹ и «катабаху ал-‘абд ал- факир (или хакир, или музниб, или за‘иф) были приняты и употребительны только среди мастеров калама. Мне до сих пор не встречались эти формулы подписи у мастеров кисти, работавших в Иране, Мавераннахре и Индии в XV- 90 гг.XVI вв. В тот период обычной формулой подписи в среде художников книжной миниатюры было: «‘амала ал-‘абд...(либо просто ‘амала...)». Именно так подписаны четыре подлинные миниатюры Камал ад-дина Бехзада в широко известном Каирском списке «Буста́на» Са‘ди 893/1488 года переписки.² До него такую же формулу подписи мы встречаем в рукописи «Три маснави» персидского поэта Авхади Кирмани (London,British Library, Add 18,133), переписанной в Багдаде в 798/1396 г. Мир-‘Али б. Илйасом ат-Табризид ал-Баурчи.Под одной из девяти миниатюр(л.45b) поставил свою подпись « ‘амала ал-‘абд» художник Джунаид наккаш-и султани.³ С соблюдением точно такой же формулы были исполнены атрибутивные подписи в миниатюрах, относимых руке Касима ибн-и ‘Али, которые имеются в нижеследующих рукописях:

а) Поэма ‘Алишера Нава’и «Садд-и Искандари» (Oxford, Bodleian Library, Elliot 339). Указанная поэма содержит четыре миниатюры (лл. 17а, 39а, 77b, 95b). Между строк текста на

¹ Например,именно такую же формулу подписи переписчика (‘ала йад ал-‘абд ал-за‘иф)поставил в колофоне переписанной им рукописи трех поэм Авхади Кирмани в 798/1396г. каллиграф Мир- ‘Али ат-Табризид ал-Баурчи. Число подобных примеров можно было бы многократно увеличить, но я ограничусь только еще двумя : выдающийся персидский мастер художественного письма ‘Али ал-Хусайни ал-катиб ал-Харави в 922/1516 г. исполнил копию поэмы Низами « Хосров ва Ширин» (Ереван, Матенадаран № 584) и в колофоне списка (л.68а) поставил следующую формулу подписи : «таммат ‘ала йад ал -‘абд ал-музниб....» Этот же каллиграф переписал в Герате в 930/ 1524 г. экземпляр поэмы ‘Абд ар-Рахмана Джами « Йусуф ва Зулайха» (India,Bankipore,Oriental Public Library ,Ms. №196)и в колофоне рукописи пометил « ‘ала йад ал-‘абд ал-за‘иф...» См.Catalogue of the Arabic and Persian Manuscripts in the Oriental Public Library at Bankipore.Vol.II,Culcutta,1910, №196,pp.76-80

² О списке и его миниатюрах см.Ebadollah Bahari Bihzad: Master of Persian Painting.London-New-York,1997,pp.100-108

³ Sakisian Armenag Bey.La Miniature persane du XII au XVII-e siecle.Paris et Bruxelles,1929,figs. 37,38.

четвертой миниатюрой (л. 95b) «Диспут мистиков в саду» имеется атрибутивная помета красными чернилами: «ал-‘абд Касим-и ‘Али»¹

б) Список «Хамсе» Низами (London, British library, Or 6810) содержит 22 миниатюры, семь из которых имеют атрибутивную помету: «‘амала Касим-и ‘Али».²

в) «Пандж гандж» ‘Абд ар-Рахмана Джами (Тегеран, Музе-йе Ках-е Голестан, №709). Список украшен пятью фронтисписами – диптихами, вшитыми в него позднее. В верхней части левой стороны четвертого диптиха (сс. 137-138) «Йусуф и знатные египетские женщины» мелким почерком черной тушью по золотому фону неба имеется атрибутивная помета: «‘амала Касим-и ‘Али Чихрагушай» Тем же самым почерком поставлены атрибутивные пометы и на других миниатюрах–диптихах, относящие их авторство четырём знаменитым персидским мастерам книжной миниатюры XVI в.: Хайдар-‘Али, Музаффар-‘Али, Максуду – «ученику мастера Бехзада» и Султан-Мухаммаду Шахи(sic!)³.

Таким образом, в случае, если предположение, высказанное нами выше, соответствует действительности, то нам остаётся только признать и констатировать, что и в настоящее время в распоряжении исследователей не имеется подлинной и не вызывающей сомнений подписи художника Касима ибн-и ‘Али.

Миниатюра, изданная А.Судаваром, по всем своим индивидуальным и художественным признакам весьма близка миниатюрам ширазской школы 20-40-х гг. XVI в. и вопреки мнению А.Судавара, который при этом ссылается на сообщение Гийас ад-дина Хвандамира, не может быть отнесена к работам Касима ибн-и ‘Али, яркого представителя гератской школы книжной миниатюры конца XV- первой трети XVI вв. и тем более не имеет никакого отношения к Систану,⁴ где художник-

¹ L.Binyon, J.V.Wilkinson and B.Gray. Persian miniature Painting. New-York, 1971, pp.96-97.

² Ibid, p.87

³ Бадри Атабай.Фехрест-е диванха-йе хатти-йе кетабхана-йе Салтанати. Дж.1,Техран,1971,сс.172-174,№73. Ivan Stchoukine,ibid,p.54

⁴ A.Soudavar. Art, pp.176-177.

портретист(чихрагушай) Касим ибн-и ‘Али в отличие от Касим-и ‘Али «златобита и волочильщика золотой нити» (заркуб ва заркаш)¹, а также религиозного ученого, никогда не был.² Дело в том, что Хвандамир в своём историческом компендиуме «Хуласат ал-ахбар» сообщает о художнике Касиме ибн-и ‘Али, а в другом своём же историческом труде «Хабиб ас-сийяр» (см. прим. 23) ни разу не упомянул живописца, посвятив значительный фрагмент другому лицу с тем же именем.

Ниже предлагается русский перевод этого пассажа: «Маулана Касим–и ‘Али.

Он – из числа добродетельнейших, почтенных учёных мужей и отличается полнотой врожденного благородства и природной щедростью. С ранних дней детства и начала юношеского взросления он постоянно направляет <свои> высокие помыслы на постижение различных наук посредством разума и созерцательного опыта. Он также чрезвычайно сведущ в ремесле златобита (заркуби) и волочильщика золотой нити(заркаши). Он знаменит и наделён такими качествами, как воздержание, приверженность истинному вероучению, прямота и добронравие. Он был удостоен счастья совершить паломничество(хаджж-и ислам) и исполнить обряд ритуального хождения вокруг(таваф) священной гробницы лучшего из людей[т.е. пророка Мухаммада-О.А], да благославит его Аллах и да приветствует! Благодаря совершенной

чистоте [своей] души он вписывал на скрижали разума пером размышления только изображения доброжелательства. В то время, когда Амир-хан Мувсилу был правителем славного города Герата,³ его степенство в связи с нижайшей просьбой малика

¹ В средневековом Иране ремесло волочильщика золотых нитей было связано с ткачеством, точнее, с изготовлением парчёвой нити. См. Raphael du Mans. *Estat de la Perse en 1660*. Paris, 1890, p.195

² Гийас ад-дин б.Хумам ад-дин Хвандамир. *Тарих-и хабиб ас-сийяр фи ахбар афрад башар*. Тегран, 1333[1954], дж.4, сс.357-358; (труд завершён в конце 935/1529 г.); Акимущкин и Иванов. *Миниатюры*, с.16

³ Амир-хан (бек) б. Гулаби-бек б. Амир-бек Мувсилу Туркман входил в узкий круг элиты кызылбашского племени Мувсилу (Мавсилу). В 922-927/1516-1521 гг. был командующим войсками Сафавидов в Хорасане и одновременно регентом-воспитателем (лала) наследника престола и наместника (вали) в Хорасане малолетнего Тахмаспа. Отставлен от должности в месяце ша‘бане

Султан-Махмуда¹ покинул родные края и направился в Систан,² где и проживает по сей день, пользуясь полным почётом и уважением и восседая на кафедре наставления и обучения».³

Представляется, что работавший в начале – первой половине XVI в. в Ширазе, а затем в Тебризе мастер художественного письма в почерковых стилях наста'лик, рейхан и сулс Касим ибн 'Али ибн Хусайн ал-Хусайни вполне мог быть тем каллиграфом, который исполнил обе орнаментальные надписи, рассмотренные нами выше. Известно, что этот мастер переписал для дворцовой библиотеки Исма'ила I лицевую рукопись сочинения «Сайф ан-набувват» («Меч пророчества Мухаммада») ⁴ в месяце зу-л-хиджа 928/ноябрь 1522г. Эта рукопись была передана шахом

927/июль 1521г., прибыл с Тахмаспом в Табриз к Исма'илу I в месяце джумада-с-сани 928/май 1522г., умер 12 ша'бана 928/7 июля 1522г. См. Хуласат ат-таварих. Та'лиф-е Кази Ахмад б.Шараф ад-дин ал-Хусайн ал-Хусайни ал-Куми.Бе тасхих-е доктор Эхсан Эшраги.Дж.1.Техран,1359[1980],с.150

¹ Малик Султан-Махмуд – представитель княжеской династии Малик,правившей в провинции Систан и возводившей свой род к Саффариду 'Амру б.Лайсу (прав.265-288/879-901).Он родился в месяце раби' I 866/декабрь 1461г. и умер в Казвине ок.946/1539-40г. Он правил в Систане 43 года(с 909/1503-04г.).См. Малик Шах-Хусайн Систани. Хроника воскрешения царей (Та'рих-и ихйа' ал-мулук). Перевод с персидского, предисловие, комментарий и указатели Л.П.Смирновой. М.,2000,сс.58,84,433(прим.165).

² В этот период (первая треть XVI в.) историческая провинция Систан уже входила в состав Сафавидского государства(после завоевания её шахом Исма'илом I в 914/1508-09г.)и управлялась с перерывами местными маликами ,находившимися в вассальной зависимости от Сафавидов. См. Хроника воскрешения царей, сс.9-10.

³ Русский перевод этого фрагмента см. М.М.Дьяконов и Ю.С.Дашевский. Поздние миниатюры, сс.39-40.Авторы не сомневаются в том, что Хвандамир в этом пассаже говорит о портретисте Касиме ибн-и 'Али. По нашему же убеждению, Хвандамир посвятил свою заметку религиозному учёному – богослову, выходцу из ремесленной среды. Ср. также Т.Аrnold.Painting, р.140.

⁴ Другое название – «Машхад аш-шухада'». Сочинение представляет собой стихотворную обработку (в форме *маснави*, содержит десять тысяч *байтов*) широко известного труда Камал ад-дина Хусайна б. 'Али ал-Ва'иза ал-Кашифи (ум.910/1504-05) «Раузат аш-шухада'»,предпринятую поэтом Хусайном Йазди *Нуда'и*. Обработка была завершена автором в 928[1522] г. согласно хронограмме в колофоне: «матам-и Хусайн-и шахид». См. М. Т. Данешпажух. Фехрест-е носхаха-йе хатти-йе кетабхана-йе Музе-йе Иранбастан.//«Носхаха-йе хатти». Дж.2. Техран,1341[1962],с.208.

‘Аббасом I из дворцовой библиотеки в вакф святыни шайха Сафи ад-дина Исхака в Ардебиле (на форзацном листе текст поступления в вакф с датой 1022/1613-14 г., ныне этот список находится в Тегеране в Музе-йе Иранбастан, № 3729).

В заключение следует отметить превосходное качество миниатюр рукописи Dorn 312, в работе над которыми принимал участие выдающийся мастер изначально гератской выучки. Вполне допустимо и приемлемо, что этим мастером был (или мог быть) художник-портретист Касим ибн-и ‘Али Чихрагушай, как на это обстоятельство указывали такие исследователи и тонкие знатоки персидской книжной миниатюры, как проф. Б.П. Денеке¹ и И.С.Шукин. Что же касается надписи архитектурного декора на миниатюре «Первая проповедь имама Хасана ибн ‘Али» (л.373b), то, на мой взгляд, она была исполнена не самим художником, а другим лицом, каллиграфом Касимом ибн ‘Али ибн Хусайном ал-Хусайни чьё собственное имя и имя по отцу полностью совпали с соответствующими компонентами имени художника.

¹ Б.П.Денеке. Живопись Ирана. М. – Л. 1938

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СИМВОЛАХ
ДРЕВНЕИРАНСКОЙ РЕЛИГИИ ЗОРОАСТРИЗМ,
ОТРАЗИВШИХСЯ В ТАТУИРОВКАХ ЖЕНЩИН
ДАГЕСТАНА**

Исламизация Дагестана сопровождалась не только борьбой с язычеством и христианством, но и с остаточными явлениями зороастризма. Несмотря на принципиальные споры о судьбах зороастризма, бытование пережитков этой древней религии на территории Дагестана и степени его влияния на религиозное сознание народов Дагестана признают многие учёные.

Зарубежный исследователь Ричард Фрай считает, что «...иранские культурные традиции были сильны в среде армян, грузин и других народов Кавказа. В труднодоступных горных районах, в относительной изоляции от основных арен истории, смогли сохраниться древние религиозные верования, старые традиции и обычаи».¹

Как показала жизнь, вытесненная из практического обихода старина, не исчезла бесследно. Изучение уцелевших обрывков старины развёртывают перед нами любопытные страницы духовной жизни дагестанских народов. Этнографический материал, предлагаемый ниже, поможет, как нам кажется, высветить ещё одну страницу из истории зороастризма в Дагестане.

В 1995 году в с. Ицари Дахадаевского района мы зафиксировали следы погребального обряда, очень близкого к зороастрийскому. По словам Гатамова Гатама-(91 год), предки ицаринцев очищали кости покойника от мяса, складывали их в холщовый мешочек и доставляли их ночью при свете факелов на кладбище. Печальная процессия сопровождалась обязательным

¹ Фай Ричард. Наследие Ирана. М. 2002., с.27.

громким барабанным боем, который якобы отгонял злых духов. Мясо покойника относилось на вершину горы для птиц. Конечно, ицаринец Гатамов не читал сообщения арабского путешественника XII в. аль Гарнати о похоронном ритуале в Зирихгеране (Кубачи),¹ но перед нами местный похоронный обряд, идентичный зороастрийскому. Отголоски подобного обрядов можно наблюдать и в ряде других районов и сёл Дагестана. Привлекают внимание

также и татуировки ицаринских женщин. Некоторые из них: - Гатамова Айшат (84 г.) очень похожи на основные символы зороастрийской веры (голова быка и летящий круг с крыльями).

В сопредельном Акушинском районе (с. Гапшима) и ныне бытует проклятие, намекающее на тех же птиц: «ХІу къянбани велтІ». - «Пусть тебя вороны склюют». Пожелание, чтобы оппонента похоронили не по исламскому ритуалу.

Среди зороастрийских обычаев Сасанидского Ирана более всего нас привлекает поклонение огню. В том же с. Гапшима и сегодня бытует клятва огнём: «Их дурхъасе цџаличе хъя биркълра». - «Клянусь этим священным огнём». В дагестанской этнографической литературе много примеров, свидетельствующих о почитании огня народами Дагестана. Например, в том же селении Гапшима каждая невеста, входящая в дом мужа, обязательно должна пройти мимо огромного «очищающего» костра. Мы также считаем, что фамилию «Чартаев» (с. Шукты Акушинского района в 1,5-х км от с. Гапшима), очень редкую в Дагестане, можно увязать с персидским названием купола на четырёх столбообразных стенках в храме огня «Чохар так» (отсюда и русское слово - «чердак»).

Татуировок в с. Гапшима, графически близких ицаринским, довольно много. Приведём лишь несколько примеров:

1		Джабаева Хадижат (87л.).
2		Магомедова Халум (88л.).
3		Амату (90л.).

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М. Наука. 1988., с.178.

Особый наш интерес вызывает древнее кладбище в с. Нижнее Мулебки Сергокалинского района. По бытующему преданию, кладбище на окраине села «принадлежит пришлому племени, или, как здесь говорят, «отверженным», которых не хоронили на общем сельском кладбище. По словам учителя истории местной школы Запирова Шапи Гульмадовича ((73г), «отверженные» постепенно растворились в местной среде, но о них напоминают их надмогильные камни, которых сохранилось более сотни. Вызывает удивление, что их надмогильные камни содержат только один знак-символ во множестве вариантов. Других каких-либо надписей на них нет совершенно. Предлагаем ряд знаков-символов с надмогильных плит Нижнемулебкинского кладбища:

Небезынтересно и то, что те же знаки-символы сохранились и среди татуировок женщин села:

1. Сулейманова Хава (1930 г.р.).
2. Басирова Убайдат (1931г.р.)

Известно, что в Дагестане близкородственные браки явление довольно распространённое. Русский путешественник М. Ковалевский пишет, что «...у дидойцев вместе с поклонением идолам и нечистой силе... встречалась интересная черта: они смешивались между собой без всякого разбора родства. Их брак вместо того, чтобы быть экзогамическим, как у большинства горских народов Кавказа, являлся эндогамическим... Самым почётным браком являлся тог, который заключали между собой двоюродные братья и сёстры. Источник всех этих предписаний скрывается не в чём ином, как в продолжительном господстве на Кавказе связанных с древней религией иранцев нравственных и юридических представлений о святости брака, заключённого между родственниками и доходящего до кровосмешения, что прямо признаётся Авестою. Такие факты не являются случайными, а

служат проявлением некогда распространённого среди горцев маздеизма».¹

Ниже предлагаем несколько авторских фотографий, где мы акцентируем внимание на знаках-символах, занимающих среди татуировок горянок особое положение. Графические изображения данного знака с его многочисленными вариантами, по нашим наблюдениям, встречаются в разных районах Дагестана.

с.Гапшима
Акушинский р.

Стена
Дербентской
крепости

Ахтынский
краеведческий музей

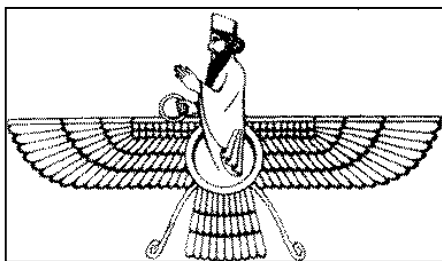

с.Нижнее Мулебки
Сергокалинский р.

3. Ковалевский Максим. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. М. 1890., с.89, 90.

Мы зафиксировали этот знак среди петроглифов стен дербентской крепости, в с. Ихрек с.Гапшима Акушинский р. Рутульского р., с. Кунки Дахадаевского р., на могильных стелах с. Нижнее Мулебки Сергокалинского р., на метательных (зажигательные) бомбах - (краеведческий музей с. Ахты Ахтынского р.), в лепных символах с.Гапшима Акушинского р., с. Ругуджа Гунибского р. Как нам кажется, некоторые видоизменённые варианты этого знака напоминают собой один из священных символов зороастризма - круг с крыльями – образ ФАРАВАХАРА:

Не менее интересным фактом является и другая сакральная формула, произносимая детьми в с. Мегва Акушинского р. В ночь перед праздником «Ураза Байрам» при обходе домов (для получения угощения)

дети отчётливо произносят: «Ада мада дулла» - (перс.) - «Человек - дар божий». Вопрос: «Откуда взялась в с. Мегва (даргинцы) эта формула на персидском языке, если в близлежащих сёлах дети произносят только арабское - «Акримулла»?

В заключение скажем, что перечень таких фактов можно продолжить.

**ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ТРАДИЦИЙ САСАНИДСКОГО ИРАНА В СРЕДНЕВЕКОВОМ
ИСКУССТВЕ СЕЛ. КУБАЧИ В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
XIX-XX ВВ.**

Высокие художественные традиции сасанидского искусства продолжали бытовать в эпоху зрелого средневековья очень длительное время в искусстве многих стран и после завоевания арабами Ирана и культурно-исторически связанных с ним государств в середине VII в. и включения их в состав Арабского халифата.

На длительное сохранение в средневековом искусстве одного из крупнейших художественных центров Дагестана – сел. Кубачи традиций искусства сасанидского Ирана указывали многие исследователи, некоторые из которых несколько преувеличивали роль этих традиций в истории кубачинского искусства.

Побывавший в 1882 г. в сел. Кубачи с научной целью известный российский географ, этнолог и археолог академик Д.Н. Анучин (1843–1923), касаясь сюжетов средневековых кубачинских каменных рельефов – деталей архитектурного декора – отмечал, что «нельзя не видеть в них преобладания восточных мотивов. Львы, леопарды, грифы, змеи, олени, горные козлы, люди, сидящие по-восточному, борцы в длинных кафтанах, воины с луками, в полукафтанах,, разнообразные арабески – все это напоминает природу и типы Персии и соседних стран» (Анучин Д.Н., 1884. С.413).

Известный русский археолог, граф А.С. Уваров (1825–1884), посетивший Дагестан накануне пятого археологического съезда в Тифлисе (состоялся в 1881 г.) с целью выяснения обряда подкурганных погребений, исследованных А. Русовым и Н. Цилюссани близ г. Дербента, интересовался вопросами зороастризма у кубачинцев. Для доказательства того, что жители

сел. Кубачи в средние века, до проникновения к ним ислама (конец XIII в.) «придерживались маздеизма» ссылаясь на находящееся в Кубачи «двухъярусное каменное строение, внутренние и внешние стены которого покрыты обронными (т.е. рельефными – М.М.) изображениями людей, всадников, хищных зверей, птиц, драконов, змей и пр., ... сделанных под непосредственным влиянием Персии» (Уваров А.С., 1887. С.72-73).

В 80-х годах XIX в. сел. Кубачи посетил Р.Ф. Эркерт (1830–1900), бывший русский генерал, командир одной из пехотных дивизий на Кавказе. В книге «Кавказ и его народы» (Erckert R. F., 1887. С.193-203), изданной в 1887 г. на немецком языке в Лейпциге, он кратко описывает кубачинские средневековые каменные рельефы, находившиеся тогда в кладке стен старинного, но основательно перестроенного здания, первоначально являвшегося, согласно местному преданию, христианской церковью, впоследствии превращенную в женскую мечеть, а также рельефы, вставленные в стены других зданий: тимпан окна с изображением оленя и с надписью в обрамляющем его полукруге (архивольте); рельеф с изображением двух мужских фигур; еще один тимпан окна с рельефным изображением сцены нападения льва на кабана и арабской надписью (эпиграфическим орнаментом) в архивольте; рельефы с изображениями «стрелка с собакой», «двух львов в коронах на головах». Р.Ф. Эркерт предполагает, что изображения эти – персидского происхождения, которые, может быть, отражают время победы в сел. Кубачи мусульманства над христианством, упрочившегося после преодоления долгого сопротивления кубачинцев, очевидно в XV–XVI вв.

Кубачинский литой бронзовый котел XIV–XV вв. так называемого закрытого типа, хранившийся среди коллекций Кавказского музея в Тифлисе (ныне – Государственный музей Грузии им. акад. С.Н. Джанашиа в Тбилиси) с кратким описанием был издан в 1902 г. в атласе «Коллекции Кавказского музея» (Коллекции..., 1902. С.198-199. Табл. XIII) как «котел сасанидского типа» с рельефными, привинченными к сосуду полуфигурами тигров совершенно сасанидского типа».

В работах профессора Н.Ф. Яковлева, посвященных вопросам ювелирного дела в Дагестане и перспективам его дальнейшего

развития, упоминаются обследованные во время научных экспедиций 1923–1924 гг. кубачинские средневековые каменные рельефы с изображениями людей, животных, куфическими надписями и орнаментом, созданные, по его мнению, «под персидским влиянием, ... корнями уходя в сасанидское искусство» (Яковлев Н.Ф., 1926. С.4.; Яковлев Н.Ф., 1927. С.132).

Н.Б. Бакланов в работе «Златокузнецы Дагестана», посвященной описанию кубачинских металлообрабатывающих производств – бронзового литья, медночеканного искусства, оружейного и ювелирного дела, утверждает, что «художественный облик кубачинского златокузнеца рисуется, главным образом, на фоне персидской культуры, как консерватора персидских традиций, почти утраченных в самой Персии, но бережно, хотя и бессознательно сохраняемых в мусульманском мире Дагестана, в частности Кубачей» (Бакланов Н.Б., 1926. С.60).

В докладе «Архитектурные сооружения Дагестана», прочитанном Н.Б. Баклановым на III Международном конгрессе по искусству и археологии Ирана в 1935 г. в Ленинграде (Санкт-Петербурге), рассматривая «образцы строительной деятельности горного Дагестана», в том числе и сел. Кубачи, изученных им в 1923–1925 годах, очень кратко касается средневековых кубачинских каменных рельефов – деталей архитектурного декора эрмитажного собрания, а также рельефов, сохранившихся в Кубачи в кладке стен домов, «часто взятых с более старых построек». «Изображения на этих камнях, – пишет Н.Б. Бакланов, – от очень примитивных, одними чертами дающих геометрические линии или контурные изображения зверей и людей, доходят до горельефной скульптуры, с прекрасно нарисованными и высеченными орнаментами характера иранского средневековья» (Бакланов Н.Б., 1939. С.23).

И. Бороздин, рассматривая проблемы изучения художественной культуры стран Востока, в 1931 г. писал о том, какой «большой интерес представляют рельефы, обнаруженные в Дагестане и носящие следы древних культурных традиций. Некоторые из них, – отмечает он, – находятся под определенным сасанидским влиянием» (Бороздин И., 1931. С.16). Говоря о

сасанидском влиянии на рельефы, И. Бороздин имел ввиду средневековые памятники камнерезного искусства сел. Кубачи.

В 1931 г. в Лондоне, в залах Академии художеств в Берлингтонском дворце была организована крупная выставка (Кипарисов Ф.В., 1931. С.5-7; Юзбашян К.Н., 1964. С.75), приуроченная к II Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии. На этой выставке были представлены средневековые кубачинские каменные рельефы – детали архитектурного декора из заграничных частных собраний (Д.К. Келекиана, Париж), но экспонировались они не как кубачинские или дагестанские памятники, а как памятники сасанидского искусства (Орбели И.А., Тревер К.В., 1935. С. XXVI). В каталоге выставки эти рельефы также числятся как «сасанидские рельефы» (Catalogue..., 1931. Р.57. №85). Западным исследователям казалось, что эти памятники высокого художественного достоинства созданы в Иране в эпоху Сасанидов, а не кубачинскими мастерами, творившими в средневековое время. И.А. Орбели (1887–1961), как члену оргкомитета II Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, стоило больших усилий убедить исследователей в том, что эти каменные рельефы созданы в сел. Кубачи спустя многие века после того, как сошла с исторической арены династия Сасанидов.

В работе И.А. Орбели и К.В. Тревер «Сасанидский металл», издание которой было приурочено к III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии, проходившему в сентябре 1935 г. в Ленинграде (Санкт-Петербурге), в Государственном Эрмитаже (два заключительных заседания проходили в Москве), «куда съехался цвет мировой иранистики» (Юзбашян К.Н., 1964. С.85; Б.К., 1935. С.141-142), значительное место занимает анализ предметов торевтики, происходящих из Дагестана – селений Кубачи, Гуниб и др. Авторы этой оригинальной работы, вызвавшей после ее выхода из печати широкий резонанс и огромный интерес среди отечественных и зарубежных ориенталистов, указывают на то обстоятельство, что без учета тех изделий художественной обработки металла, которые происходят из Дагестана и составляют лучшую часть эрмитажной коллекции восточной бронзовой торевтики, невозможно в полной

мере осветить проблему сасанидского искусства, а также объяснить причины сохранения его стойких традиций в средневековом искусстве многих стран и народов, в том числе в искусстве сел. Кубачи. И.А. Орбели и К.В. Тревер подчеркивают в работе, что «многое из того, что легко может быть воспринято как результат влияния сасанидского искусства на искусство других стран и народов в действительности является вкладом этих народностей в сокровищницу иранского искусства» (Орбели И.А., Тревер К.В., 1935. С.ХХI).

Академик И.А. Орбели в докладе «Проблема сельджукского искусства» (Орбели И.А., 1939. С.150-155), прочитанном на III Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в 1935 г., затронул вопрос о кубачинских каменных рельефах, названных им албанскими, «украшавших не сохранившиеся до наших дней дворцы Северной Албании, ныне Южного Дагестана». Он полагает, что рельефы эти «восходят в корням сасанидской эпохи» (Орбели И.А., 1939. С.153).

В работе «Албанские рельефы и бронзовые котлы» И.А. Орбели отмечает, что кубачинские резные камни и бронзовые котлы дают возможность «глубже вскрыть корни целого ряда художественных явлений» периода средневековья, а также проследить пути и темпы развития искусства XII–XIII вв. Северной Албании, т.е. горного Дагестана, где в силу замедленного хода общественного развития и консервации старых форм домашнего производства длительное время продолжали бытовать сасанидские художественные традиции (Орбели И.А., 1963. С.348, 359-360).

В более ранней работе «Временная выставка сасанидских древностей» И.А. Орбели кратко описывает кубачинские бронзовые котлы, датируемые им XII–XIII вв., и относит их к произведениям искусства, созданным в период «кристаллизации пережиточных сасанидских форм» (Орбели И.А., 1922. С.14).

До выхода из печати работ И.А. Орбели «Временная выставка сасанидских древностей», «Албанские рельефы и бронзовые котлы» кубачинские бронзовые котлы оставались совершенно неизученными. Даже «в определении времени изготовления котлов при их первом появлении в русских частных собраниях специалисты разошлись во мнениях на добрую тысячу лет: одни –

признавая эти предметы котлами «сасанидского типа», другие – желая видеть в них кубачинские изделия XIX века» (Орбели И.А., 1963. С.350).

Описывая бронзовый зооморфный сосуд-водолей 603 г. хиджры/1206 г. в виде коровы-зебу и касаясь вопроса сохранения древних форм в произведениях искусства эпохи средневековья М.М. Дьяконов замечает, что «дагестанские каменные рельефы (XIII столетия) дают ряд форм, поразительно родственных предметам из сасанидского Ирана» (Дьяконов М.М., 1939. С.51).

Вопросы, касающиеся средневековых памятников искусства и архитектуры сел. Кубачи затрагивает и видный этнограф-кавказовед Е.М. Шиллинг (1892–1953) в работе «Кубачи» (Шиллинг Е.М., 1937. С.9-10). Он пишет, что «средний квартал, как более древняя часть поселения, является главным источником местонахождения в стенах домов старинных, местного происхождения резных камней... с орнаментом и резными изображениями людей, птиц, лошадей, львов и т.д.» (Шиллинг Е.М., 1937. С.9). Далее он отмечает, что резные камни Кубачей имеют следы пережитков сасанидского искусства» (Шиллинг Е.М., 1937. С.9-10).

Искусствовед Э.В. Кильчевская, рассматривая кубачинский каменный рельеф XIV в. из собрания Государственного Эрмитажа со сценой поединка на турнире двух конных всадников, пишет, что на нем «мы видим почти полное повторение традиционного решения сцен конных поединков в искусстве Сасанидов. Словно кубачинский ваятель, насмотревшись столь удивительных для того времени, впечатляющих рельефов Накш-и Рустама, решил воспроизвести их у себя на родине» (Кильчевская Э. В., 1968. С.73).

В другом месте она заключает: «Таким образом, сопоставляя эти ранние средневековые рельефы кубачинцев с конкретными памятниками монументальной пластики Сасанидов, можно прийти к выводу, что кубачинские мастера видели не только их серебряные и бронзовые блюда, но и наскальные рельефы древнего Фарса, и, в частности, Накш-и Рустама» (Кильчевская Э. В., 1968. С.75).

Отметим сразу, что для подобных выводов нет достаточных оснований, так как сюжеты сасанидских скальных рельефов и средневековых кубачинских резных камней различаются не только

иконографически, хотя отдельные детали их имеют близкие трактовки, но и семантически. Чисто внешние и случайные совпадения без всестороннего учета иконографических особенностей сопоставляемых сюжетов с присущим им образным строем и без учета их семантики не могут служить достоверной аналогией. Известный исследователь искусства Древней Руси Г.К. Вагнер справедливо подчеркивал, что «если при анализе тех или иных мотивов обнаружится, что при кажущемся сходстве иконографии они образно не совпадают, что их иконографические элементы находятся в разной смысловой связи, то вопрос об аналогии отпадает» (Вагнер Г.К., 1969. С.50).

Если на кубачинском каменном рельефе эрмитажного собрания воспроизведена обычная сцена состязания всадников, реально бытовавших в Кубачи в эпоху средневековья, в XIV в., то на раннесасанидских скальных рельефах III–IV вв. н.э. изображены портреты шахиншахов и сцены инвеституры, боя, триумфа, охоты» (Луконин В.Г., 1969. С.185-187), которые должны были служить возвеличению царской династии Сасанидов, пропаганде могущества иранского централизованного государства.

И.А. Орбели, касаясь вопроса иранских элементов в искусстве других народов, отмечал: «едва ли нужно доказывать, что такими проводниками различных черт сасанидского искусства должны были быть не столько прикованные к месту, к родной почве, монументальные рельефы, сколько произведения прикладного искусства..., та золотая, серебряная и бронзовая утварь, которая производилась в мастерских средневековой Персии и культурно объединенных с нею стран и различными путями проникала в далекие от Ирана местности культурного мира, причем естественно, что дальше всех пролагали путь себе, а с собою и иранским формам, орнаменту и технике, наиболее художественные и материально ценные предметы...» (Орбели И.А., 1963. С.279-280).

В книге английского исследователя Д.Т. Райса «Исламское искусство» (Rice D.T., 1977. P.54-57. Fig.48) кратко рассматриваются средневековые кубачинские бронзовые котлы и каменные рельефы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и в зарубежных музеях. Автор отмечает сохранение в декоре этих

памятников древних черт, восходящих к сасанидским традициям. В книге воспроизведен кубачинский бронзовый котел закрытого типа, украшенный изображениями геральдических львов (на горизонтальных бортиках), а также птиц, всадников и растительного орнамента (на тулове), хранящегося в Музее Виктории и Альберта в Лондоне. Котел датирован им XII веком.

Если выводы ряда перечисленных выше исследователей – И.А. Орбели, К.В. Тревер, Е.М. Шиллинга и других относительно художественных традиций сасанидского Ирана в средневековом искусстве сел. Кубачи строились на анализе произведений искусства, то мнения других – Д.Н. Анучина, А.С. Уварова, Н.Ф. Яковлева и др. основывались не столько на анализе конкретных произведений искусства, сколько на интуиции, полагая, что кубачинские каменные рельефы и бронзовые котлы высокого художественного достоинства должны быть изготовлены под влиянием искусства Ирана – страны, создавшей великолепные памятники архитектуры, непревзойденные образцы прикладного искусства: ткани, драгоценные геммы, изделия из золота, серебра и бронзы, полихромную керамику, роскошные ковры и т.д. (Масленицына С.П., 1975. С.8).

Некоторые исследователи считали кубачинцев даже выходцами из Ирана, вероятно, из-за высокого уровня развития их искусства и исходя из того, что до проникновения и утверждения ислама в сел. Кубачи, по данным восточных авторов Абу-Хамида ал-Гарнати (XII в.), Закарийа ал-Казвини (XIII в.), Абд ар-Рашида ал-Бакуви (вторая пол. XIV – нач. XV в.), была распространена зороастрийская религия (Маммаев М.М., 2005. С.103-128). Так, выдающийся востоковед академик В.В. Бартольд (1869–1930), касаясь сообщений ал-Гарнати и ал-Казвини о зороастрийском погребальном обряде зирихгеранов, отмечал, что «народ зирихгеран может быть иранского происхождения..., потомками которых считают кубачей (т.е. кубачинцев – М.М.), живущих в южной части Дагестана, в Дербентском уезде» (Бартольд В.В., 1966. С.120).

Рассмотренные выше мнения исследователей отражают состояние изученности вопроса о художественных традициях сасанидского Ирана в средневековом искусстве сел. Кубачи.

Специальное и глубокое изучение связей средневекового искусства Дагестана с искусством Ирана позволит более полно и верно осветить этот вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года // ИРГО. Т. XX. Вып. IV. СПб., 1884.

Бакланов Н.Б. Златокузницы Дагестана. М., 1926.

Бакланов Н.Б. Архитектурные сооружения Дагестана // III МКИИА. М.;Л., 1939.

Бартольд В.В. Еще о самаркандских оссуариях // Соч. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966.

Бороздин И. Проблемы изучения художественной культуры Советского Востока // Художественная культура Советского Востока. Сб. статей. М.;Л., 1931.

Б.К. [Указаны лишь инициалы]. Третий Международный конгресс по иранскому искусству и археологии // СЭ. 1935. № 6.

Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбovo. XII век. М., 1969.

Дьяконов М.М. Бронзовый водолей 1206 г. н.э. // III МКИИА. М.;Л., 1939.

Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968.

Кипарисов Ф.В. Международная выставка по персидскому искусству в Лондоне // Сообщения ГАИМК. 1931. № 6.

Кипарисов Ф.В. СССР на Международной выставке персидского искусства в Лондоне // Советский музей. 1931. № 3.

Коллекции Кавказского музея. Археология. Т. V. Тифлис, 1902.

Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.

Маммаев М.М. Зирихгеран-Кубачи. Очерки по истории и культуре. Махачкала, 2005.

Масленицына С.П. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л., 1975.

Орбели И.А. Временная выставка сасанидских древностей. Петербург, 1922.

Орбели И.А. Проблема сельджукского искусства // III МКИИА. М., Л., 1939.

Орбели И.А. Сасанидское искусство // Избранные труды. Ереван, 1963.

Орбели И.А. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Избранные труды. Ереван, 1963.

Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М., Л., 1935.

Уваров А.С. Курганы с расчленением близ г. Дербента // Труды пятого археологического съезда в Тифлисе. М., 1887.

Шиллинг Е.М. Кубачи. Пятигорск, 1937.

Юзбашян К.Н. Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1964.

Яковлев Н.Ф. Кубачинская ювелирная кустарно-художественная промышленность. Махачкала, 1926.

Яковлев Н.Ф. Ювелирная кустарно-художественная промышленность в сел. Кубачи (к вопросу о ее возрождении) // ДС. Вып. III. Махачкала, 1927.

Catalogue of the International Exhibition of persian Art. London, 1931. P. 57. № 85.

Erckert R.F. Der Kaukasus und seine völker. Leipzig, 1887. С. 193–203. Перевод этой работы на русский яз. см.: Эркерт Р.Ф. Кавказ и его народы. Лейпциг, 1887. Перев. с немец. Э. Дупенко // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 351. О кубачинских каменных рельефах – с. 118–122.

Rice D.T. Islamic Art. London, 1977. P. 54-57. Fig. 48.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.

ДС – Дагестанский сборник.

ИРГО – Известия Русского географического общества.

МКИИА – Международный конгресс по иранскому искусству и археологии.

РФ ИИАЭ – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

СЭ – Советская этнография.

ЗИКР И ЕГО ЭТИКА В НАКШБАНДИЙСКОМ ТАРИКАТЕ В ДАГЕСТАНЕ

В последние годы значительно усилился интерес к исламу, исламской культуре. Появился ряд интересных работ, в том числе и по теории и практике суфизма. В научный оборот вводятся новые тексты, позволяющие показать функционирование и особенности накшбандийского тариката в Дагестане.

Данная статья посвящена активно обсуждаемой в настоящее время среди специалистов темы зикра, а также его видах и практике в накшбандийском тарикате. Статья написана, в основном, на основе дагестанских материалов, впервые вводимых в научный оборот.

Зикр означает: а) поминание имени бога; б) призыв молящегося вслух к собственной памяти во время непрерывных рецитаций молитвы; в) ритуал и технику отправления поминания. Ранние авторитеты (Сахл ат- Тустари, ал- Халадж и ал-Калабази) особо выделяли зикр, считали его столпом, на котором зиждется весь мистический путь, поскольку регулярное отправление зикра приводило путника в состояние приближения к богу и погруженности (истиграк) в него. На этом этапе суфизма зикр - особый способ поминания имени бога, сопутствующий метод психологического воздействия на ищущего (мурид) с целью его подготовки к постижению божественной сущности. С появлением и развитием суфийских братств (тарика) (конец 12-14 в.в.) зикр превращается в сложный обряд, ритуал, который тщательно разрабатывался в соответствующих наставлениях¹.

¹О.А.Акимушкин. Зикр // Ислам. Энциклопедический словарь, М., 1991,с.77; см. также Б.М.Бабаджанов. Зикр-и джахр // Ислам на территории бывшей Российской империи, сост. С.М. Прозоров. М., 2003, вып. 4,с. 30-31.

Последователи накшбандийского тариката считают зикр обязательным предписанием, долгом (фард), сильным столпом из семи столпов в тарикате, он как меч в руке мурида и является наикратчайшим путем к воссоединению (вусул) с Аллахом, т.к. зикр из наиболее приемлемых им деяний и тот, кто имел успех в зикре, тот получает излучение святости, а тот, кто оставил зикр, тот отделен от святости. Зикр очищает сердце, как очищает мыло медь¹.

Среди особенностей зикра у последователей накшбандийского тариката, что он открывает завесу, препятствующую к постижению Аллаха Всевышнего и то, что зикр доводит до стадии полноты совершенства, а мурид, который расстается с зикром, остается на своем месте, на каком он был и не идет вперед, не прогрессирует.

Последователи накшбандийского тариката предпочитают зикр сердцем, т.к. он является настоящим зикром, который указывает на тлен, исчезновение делающего зикр в объекте зикра (Аллахе Всевышнем), отлучение его от самого себя. И необходимо быть вирду² зикра (определенная молитва), чтобы он был как внушение аш-шейха Камила, который осведомлен о тайнах зикра. И также, чтобы вирд зикра, иснад шейха³ был связан с Пророком. И даже, если бы делающий зикр, делал бы это и днем и ночью без внушения шейха, то он никогда не достигнет зрелости, не достигнет ступени совершенства, кроме как, если бы опирался на зикр шейха-муршида, познавшего Аллаха Всевышнего.

Самое малое, что достигает делающий зикр, если получает зикр от шейха Камила, и если делает зикр в виде вирда силсила⁴. Это означает, что его дух, душа переключается с душой шейхов тариката, даже доходит до Пророка Мухаммеда и затем до Аллаха

¹ Джамалутдин ал-Газигумуки. Ал-Адаб ал-мурдиййа ли-тарика ан-накшбандиййа, Темирхан-Шура, 1908, с.31. (на арабском языке)

² Вирд - есть комплекс избранных ритуальных молитв из ритуальных молитв Аллаха Всевышнего, а также определенная часть Корана, которые назначает шейх тариката своим муридам, чтобы они читали их ежедневно, или еженедельно, или ежемесячно, или ежегодно в определенное время определенным образом.

³ Иснад - здесь, цепь передатчиков устанавливающих их подлинность.

⁴ Вирд силсилы или силсилат вирд - (цепь инициации) связывает основателя тариката с одним из первых халифов или самим Пророком. См. Д.С.Тримингэм. Суфийские ордены в исламе, М., 1989, с.126.

Всевышнего. А тот, кто не получил их зикр, тот не перекликается ни с кем из них (душой). И в этом заключается польза внушения зикра у последователей накшбандийского тариката. И конечная цель от зикра не в получении воздаяния. Заповедь воздаяния для них, как корм для животных. Цель же заключается в присутствии и снятии завесы, отделяющей раба и Аллаха Всевышнего¹.

Как осуществляется зикр.

Шейхи накшбандийского тариката различаются во мнениях относительно метода (пути) осуществления зикра. Среди них есть такие, которые избирают формулу отрицания и подтверждения в зикре, т.е. во фразе Нет божества, кроме Аллаха, где первая часть Нет божества --отрицание; а вторая- кроме Аллаха- подтверждение. И это потому, что в хадисах Пророка есть слова, что самый лучший зикр это - « Нет божества, кроме Аллаха ». Пророк Мухаммед сказал: «Самое лучшее, что сказал я и пророки до меня: «Нет бога, кроме Аллаха и обновляйте свою веру фразой: «Нет божества, кроме Аллаха», т. к. в ней великое воздействие в воспитании и нет такого воздействия в других зикрах²«.

Некоторые из шейхов накшбандийского тариката выбрали для зикра слово Аллах без отрицания и подтверждения. И критерием этого у них является то, что Аллах Всевышний требовал это и говорил: «Отвечай, [Мухаммед] Аллах [ниспослал Писание]». «Т. к. слово Аллах считается величественным именем Аллаха, и это слово, которым ничего не обозначается в природе, кроме как Аллаха Всевышнего. Знаешь ли ты другого с таким же именем?³»

Кроме того, некоторые из них считают, что мурид имеет свободу выбора формы зикра, которая соответствуют его состоянию. Если он находит, что его душа соответствует форме: «Нет божества, кроме Аллаха», то он часто делает зикр в этой форме, если считает, что его состояние соответствует второй форме, также необходимо она и он часто повторяют ее многократно. Некоторые из шейхов накшбандийского тариката

¹ Джамалутдин ал-Газигумуки. Ал-Адаб ал-мурдиййа, с.32. (на арабском языке)

² Абдурахман ас-Сугури. Ал-машраб ан-накшбанди. Темирхан-Шура, 1907, с.29-30. (на арабском языке)

³ Коран. С.19:65

считают, что муриду следует совершать зикр в той форме, которую велит ему его шейх. А другие считают, что после того как мурид обучился методике зикра, ему следует выбрать соответствующую форму зикра, с помощью которой он предстанет перед Аллахом.

Некоторые из шейхов накшбандийского тариката считают, что до тех пор, пока мурид является хоть в чем-либо свидетелем бытия, ощущает собственное бытие в нем, то это критерий того, что его сердце не чисто перед Аллахом и ему следует использовать форму отрицания или подтверждения. И, если перестанет существовать его душа, и угасли его сильные желания, то было бы подходящим для него повторять слово «Аллах». Другие говорят, что начинающему муриду надлежит использовать первую формулу. А тому муриду, который в небытие погружен, надо использовать вторую формулу.

Виды зикра.

Зикр «джахри» или «джали» (поминание вслух) и зикр «хафи» (мысленное поминание про себя).

Последователи накшбандийского тариката различают два вида зикра: джахри и хафи. Зикр Аллаха Всевышнего бывает сердцем или языком или оба зикра вместе. Шах Накшбанд и шейхи накшбандийского тариката собирались с муридами для зикра джахри, а когда уединялись, то делали зикр хафи. Однако шейх Накшбанд ограничил зикр накшбандийского тариката зикром хафи, т. е. «зикром сердцем», т. к. он является самой высокой и наилучшей ступенью. Высказывания Аллаха Всевышнего в Коране: «Поминай в душе Аллаха в покорности и в страхе, поминай про себя... не вслух ¹» или «Обращайтесь к господу своему смиренно и тайно...» ². Потому что зикр хафи является тайной между Аллахом Всевышним и рабом Аллаха. И не слышат его Ангелы-хранители и не записывают его, и не слышит Дьявол и не искушает его. Также сторонники накшбандийского тариката предпочитают зикр хафи, т. к. он далек от лицемерия и близок к искренности.

А что касается шейха ас-Сугури, то он считает, что зикр джахри - лучше, т. к. Аллах Всевышний повелевал зикр хафи в

¹Коран. С.7:205

² Коран. С.7:55

аяте: «Поминай в душе Господа своего Аллаха в покорности и страхе ...» , из-за того, что безбожники (неверные) на заре ислама поносили Коран, когда слышали кого-либо, кто читает его. А что касается дня сегодняшнего, то теперь ислам стал очевидным и, поэтому, отпала причина для зикра хафи¹.

Подтверждает это также муршид Ильяс ал-Цудакари, автор книги «Суллам ал-мурид» [Ступени муридов], где он оставил зикр джахри, после того как был сослан в Саратовскую губернию в месяц рамадан 1314г.х.(1896). И также запретил своим товарищам зикр джахри, боясь, что неверные причинят им страдания или будут поносить их за поминание Аллаха Всевышнего или надсмехаться над ними. Но он писал также, что тайный зикр лучше, чем зикр вслух для того, кто боится лицемерия или причинения страдания спящему или чтецу Корана. А в других случаях зикр джахри лучше, т. к. работа над зикром больше, отдаляет от лени; пробуждает сердце совершающего зикр, концентрирует его и делает его готовым мыслить; отгоняет сон; увеличивает его усердие, гибкость².

А что касается имама Шамиля и его сподвижников, то они, если пускались в путь, поминали Аллаха Всевышнего вслух, все равно были ли они в седлах или пешком, для усиления веры их сердец и изгнания дьявола из них³.

А шейх Шуайб ал-Багини считал, что танцы, сама (исполнение религиозных песнопений, декламация, радения с музыкой и танцами), зикр джахри не дозволены, не допускаются в накшбандийском тарикате, т. к. это неодобряемое нововведение⁴. Шейх ал-Багини был сильно изумлен, когда увидел получивших разрешение на зикр от шейха Джамалутдина ал-Гумуки и их муридов, что они делают зикр и не поминают Аллаха Всевышнего не иначе, как только вслух, хотя они были последователями

¹ Абдурахман ас-Сугури. Ал-машраб ан-накшбанди. Темирхан-Шура, 1907, с.31-32.(на арабском языке)

²Ильяс ал-Цудакари. Суллам ал-мурид. Темирхан-Шура, Казань, 1904, с.40(на арабском языке)

³ Там же, с.15-16

⁴ Шуайб ал-Багини. Табакат ал-Хваджикан ан-накшбандийа, Дамаск, 1996, с.396(на арабском языке)

накшбандийского тариката, несмотря на то, что в накшбандийском тарикате нет зикра вслух. Шейх ал-Багини оставался в этом состоянии изумления до тех пор, пока случайно не натолкнулся на иджазу (разрешение или свидетельство), выданную Джамалутдину ал-Гумуки шейхом Ибрахимом ал-Кадири. Где он разрешил ему внушать зикр джахри специально для накшбандийского тариката. И тогда исчезло смущение шейха ал-Багини, он узнал тайну зикра джахри, распространенного среди сторонников накшбандийского тариката. В своей иджазе он пишет: «Когда накшбандийские народы нашей страны были влюблены в голоса и наслаждались мелодиями, их нраву подошел зикр джахри, а не тайный. И внушил им шейх ал - Гумуки зикр джахри, т. к. он разрешен шейхом Ибрахимом ал - Кадири»¹.

Фактом является то, что во всех суфийских тарикатах, мурид начинает зикр языком, затем возвышается до зикра сердцем. а что касается накшбандийского тариката, то здесь он начинает с зикра сердцем, а конец - постоянное присутствие Аллаха Всевышнего. И поэтому начало накшбандийского тариката является концом других тарикатов. И поэтому шейх Накшбанди говорит: «Мы поместили конец в начале»².

Также последователи накшбандийского тариката различают зикр рядовых членов тариката и зикр руководства. У рядовых последователей зикр происходит языком без определенной цели, и не догадывается поминающий о значении зикра и о чем идет поминание. А что же касается зикра руководства, то здесь поминающий мысленно представляет в душе, что Аллах Всевышний смотрит за ним, наблюдает за всеми его движениями и остановками и думают о значении фразы: « Нет божества, кроме Аллаха», и что он истинно поклоняется только Аллаху»³.

Этика зикра.

Шейхи накшбандийского тариката установили в своих книгах для проведения зикра разнообразные нормы поведения. Вкратце они заключаются в следующем:

¹ Там же, с.396-397

² Мухаммад Ахмад Дернеки. 'А'лам 'ан-накшбандийа, с.34 (на арабском языке)

³ Там же, с.35

1) Делающий зикр (мурид) садится на колени, сделав омовение, по направлению к кибле.

2) Он чувствует, что он грешен, что был не в состоянии и не совершил благочестивые дела.

3) Говорит: «Я прошу прощения у Аллаха- 25 раз.

4) Вспоминает кончину, обертывание саваном, молитву над ним, могилу, ее пустынную и мрак.

5) Читает ал- Фатиху один раз; затем суру 112 «ал-Ихлас» -три раза; аузу би-л-лахи - два раза; затем дарит причитающееся ему вознаграждение за прочитанное имаму тариката Шаху Накшбанду Бахаутдину. Делающий зикр наблюдает за образом своего муршида по его очертаниям, углубляет взор в сторону его головы, а потом в середину его сердца; затем устремляется всеми своими чувствами к сердцу и представляет смысл имени его величества «Аллаха». И его сердце наполняется этим смыслом, затем говорит языком сердца «Мое божество, ты моя цель и удовлетворение твое - мое искомое желание». Затем начинает зикр Аллаху Всевышнему - Аллах, Аллах-100 раз. И если он покинул земной мир, но осталось в его душе небольшое чувство, останавливает зикр и погружается в сердце. И называется это «вукуф ал- калби»¹ остановка на сердце: в сердце находится только имя бога.

6) Молится пророку Мухаммаду-25раз.

Способы зикра:

1) Выражение «Нет бога, кроме Аллаха» языком ежедневно не менее 5 тысяч раз.

2) Предстать перед Аллахом Всевышним с помощью дополнительных молитв (навафил)- это ритуальная молитва в 6 ракатов или 20 ракатов между салат ал- магриб и салат ал-иша (ритуальная молитва захода солнца и вечерняя молитва); салат ат-тахаджжуд- (ритуальная молитва бдения) в 12 ракатов после сна; салат ал-ишрак- (ритуальная молитва восхода солнца)-2 или 4 ракаты - когда восходит солнце; салат ад-духа (ритуальная утренняя молитва).

3) Чтение Корана следующим образом: Сура 36 «Йасин», после салат ал-фаджр (ритуальная утренняя молитва); какая-либо сура

¹ Д.С.Тримингэм. Суфийские ордены в исламе, М.,1989,с.с.167,290

Корана после салата аз-зухр (ритуальная полуденная молитва); сура 78 «ан-Наба'» после салат ал-аср (ритуальная послеполуденная молитва); сура 32 «ас-Саджжа» после салат - магриб (ритуальная вечерняя молитва); сура «67 ал-Мулк» после салат ал-'иша (ритуальная ночная молитва); сура 1«ал-Фатиха», сура 109 «ал-Кафируна», сура 112 «ал-Ихлас» и ал-муаввизатайн(сура 113 «ал-Фалак» и сура 114 «ан-Нас»), начало суры 2 «ал-Бакара», начало суры 59 «ал-Хашар» - до сна.

Это и есть вирды, нормы поведения, которые установили шейхи накшбандийского тариката для зикра - и это в том случае, если они уединяются. А если они собираются вместе, то для них есть специальный зикр, для которого есть определенные нормы поведения. И называется этот зикр-хатм ал - хваджикан □ коллективный зикр (т.е. маулиды в настоящее время).

Хатм ал- хваджикан¹

Хатм - это то, что отличает накшбандийский тарикат от других тарикатов. Последователи накшбандийского тариката прибегают к этому виду зикра, чтобы получить воздаяние от Аллаха и отвести зло или принести пользу, т. к. среди собравшихся суфиев есть хоть один благочестивый человек, мольбе которого внемлют. И всем им прощают целиком по причине принятия мольбы этого находящегося среди них благочестивого человека. Другим таинством этого собрания является взаимосвязь сердец каждого друг с другом².

Хатм ал-хваджикан имеет 7 столпов:

- 1) Покорность, смирение, присутствие
- 2) Чтение суры 1Корана «ал-Фатиха» -7 раз справа от шейха
- 3) Ритуальная молитва пророку Мухаммаду - 7 раз.
- 4) Чтение суры 94 «ал- Ин-ширах» -79 раз.
- 5) Чтение суры 112» ал-Ихлас» -1001 раз.
- 6) Чтение суры 1»ал- Фатиха» слева от шейха- 7 раз.
- 7) Ритуальная молитва пророку Мухаммеду 100 раз.

¹ Слово «хваджикан» (перс.) - означает шейхи (множественное число от слова «ходжа» в единственном числе - шейх).

² Мухаммад Ахмад Дернеки. 'А'лам ан-накшбандийа, с.38(на арабском языке)

Выбор суры «ал - Фатиха» обусловлен просьбой покровительства Аллаха Всевышнего, начав и освятив зикр его именем; суры ал-Инширах - просьбой раскрытия сердца и расширения его, чтобы вместить все, что создал Аллах Всевышний в этом мире; суры «ал-Ихлас» указывает на то, что искренность-это дух, душа поклонения, и, поэтому, всякое поклонение не будет искренним, если не будет в нем душа.

Как мы видим, последователи накшбандийского тариката уделяют внимание числу молитв. Они стремятся не увеличивать и не сокращать их число, т. к. число молитв в зикре как зубья ключа, если увеличить в нем число зубчиков или уменьшить, то ключ не будет открывать или закрывать. Последователи накшбандийского тариката здесь опираются на сунну Пророка. Пророк Мухаммед сказал: «Кто восхваляет после каждой молитвы 33 раза, произнесением слов «Аллаху Акбар» [Аллах велик] и произнесением «Ал-хамду ли-л- лахи» [Хвала Аллаху], то будут прощены его грехи, если они будут подобны даже пенке морской, т. е. совсем незначительны. И для того, чтобы контролировать число молитв в » хатме «, они использовали в старину камешки, а в настоящее время используют четки¹.

Описание «хатма» и его этика.

1) Шейх начинает «хатм» необыкновенным «ду - 'а» - мольбой о шейхах тариката, которая заключается в том, что он говорит после басмаллы, алхамда и ритуальной молитвы следующее: » О, боже, о, открывающий врата; первопричина-бог; о, переворачивающий сердца и взоры; о, творец дня и ночи, о, критерий смущенных (растерянных); о, спасение вызывающих о помощи - «спаси нас».

2) Просит прощения вслух 25 раз.

3) Шейх объявляет рабиту². И все замолкают на 5 минут, представляя образы своих шейхов.

¹ Там же, с.39

² Рабита - представление муридом душ шейхов тариката, особенно душ своих шейхов, черпая при этом в изобилии от их духовности, чтобы отдалить себя от нашептываний [происков] шайтана (сатаны). Накшбандийский тарикат считает, что рабита является самой лучшей причиной, приводящей к наилучшей приверженности Корану и сунне. Она - самая короткая дорога для растворения мурида в своем шейхе для достижения им нирваны, что является предпосылкой

4) Шейх раздает семь больших камешков семи лицам из тех, кто сидит справа от него, произносит «ал-Фатиху» и тот, кому достались камешки, читает «ал-Фатиху» один раз.

5) Затем продолжают читать столпы хатма и оставшуюся его часть по тому образу, как повторяет шейх.

6) Шейх взывает цитированием дуа - мольбой и дарит вознаграждение за хатм душам шейхов тариката, затем один из присутствующих читает то, что ему удастся из Корана.

Этика хатма

Совершающий хатм должен совершить омовение, в месте совершения хатма должно быть спокойствие, тишина. Произносится дуа - просьба о прощении; затем совершается рабита и устанавливается духовная связь с наставником посредством воссоединения в сердце его образа (вплоть до растворения в нем). Во время хатма закрывают глаза. Совершают зикр сердцем. Среди условий совершения хатма- принадлежность присутствующих к накшбандийскому тарикату, а также шейх кружка (участников зикра) должен иметь изн разрешение (свидетельство).

Также последователи накшбандийского тариката во время хатма уединяются, с тем, чтобы не присутствовал вместе с ними кто-либо другой, кто не является последователем накшбандийского тариката, в отличие от других тарикатов, которые разрешают не их членам присутствовать в своих зикрах. Этот способ зикра, т. е. хатм, предпочтительней у последователей накшбандийского тариката по сравнению с другими способами. А того, кто присутствует и проявляет невнимательность к хатму, они считают допускающим пренебрежение по отношению к тарикату и религии, т. к. хатм у них считается наибольшей милостью Аллаха Всевышнего к своим рабам¹.

Не приемлют последователи накшбандийского тариката, если во время кружка зикра имеют место крики, танцы, игра на флейте, т.к. всё это препятствует достижению умиротворения и спокойствия, важности и серьезности, смиренности, покорности. В доказательство этому они

для растворения в любви к Аллаху Всевышнему. Польза рабиты, как считает шейх Джамалутдин ал - Гумуки, что она приближает муриду к своему шейху, если даже они находятся далеко друг от друга.

¹ Мухаммад Ахмад Дернеки. 'А'лам 'ан-накшбандиййа, с. 40-41. (на арабском языке)

ссылаются на то, что так поступали сподвижники Мухаммада во время слушания Корана или чтения его.

**ДРЕВНЕЙШИЙ ДАГЕСТАНСКИЙ ПЕРСОЯЗЫЧНЫЙ
ДОКУМЕНТ (ПОСЛАНИЕ ГАЗИСУЛТАН-ШАМХАЛА
КАЗИКУМУХСКОГО ЭЛИТЕ И ОБЩИННИКАМ ЦАХУРА,
НАЧАЛО XVI В.)**

Дагестаноязычный этнический массив, численностью примерно в 3 млн. человек, представлен десятками родственных племен и народностей. Населяет он испокон веков Восточный Кавказ, причем территории, лежащие, как к северу от Главного хребта, то есть пределы Российской Федерации¹, так и к югу от последнего. Речь идет здесь о той части левобережья Алазани, протекающей по Закавказью, которая входит ныне в состав Грузии и Азербайджана.

В регионе проживания дагестаноязычного массива распространен, можно сказать: почти исключительно, суннизм шафиитского толка, который укоренился там с домонгольской эпохи. Происходило это постепенно – в течение ряда столетий.

Старейшая арабская надпись – свидетельство исламизации местного населения, обнаруженная к настоящему времени в названной части восточнокавказского региона, где говорят на дагестанских языках, относится к X – самому началу XI вв. Это – надпись (почерк – куфи), вырезанная на каменной плите, вставленной в стену мечети, которая стоит в лезгинском сел.

¹ Дагестанская Республика, горная зона Чеченской Республики и, возможно, одно из маленьких грузинских ущелий, выходящих в большое Дарияльское ущелье с северной стороны.

Идут упорные слухи о том, что в одном из высокогорных ущелий, входящих в систему Дарияла, есть маленькое поселение, в котором говорят на аварском языке.

Кочхюр (Курахский район РД). Выявлена она была и прочитана выдающимся кавказоведом XX в. Лавровым Л.И.¹

В пределах Дагестана, а конкретно – в Северном Лезгистане, выделяется по нескольким параметрам территория известная как «Горный» магал. Это – высокогорный участок, где говорят на цахурском и аварском языках, лежащий в Рутульском районе, то есть в верховьях р. Самур. На данном участке Лезгистана, а также в пределах близрасположенных, но иных, частей Присамурья и в дагестаноязычной части Закатальской зоны, найдено несколько арабографических средневековых надписей, сделанных на персидском языке.

В числе последних следует упомянуть, в первую очередь, надпись вырезанную почерком куфи на каменной плите, которая найдена Л.И. Лавровым в цахурском сел. Мишлеш. Ученый этот прочитал ее и датировал XI-XII вв.³

Не исключено, правда, что данный памятник средневековой персидской речи (зафиксированы слова: аз, аст, бар, пэсар, санг, небэшта), функционировавшей в дагестанских горах – среди грамотных и культурных людей, следует слегка омолодить. Судя по написанию арабских букв син и шин, а также – нун, райн и зайн, относится отмеченная мишлешская надпись, скорее всего, к XIII в.

Знание персидского языка, причем на хорошем уровне, сохранялось в Горном магале (от араб. махал «территория; квартал»), а также на закатальских землях Азербайджана,⁴ и позднее. Видно это из ряда записей, сделанных на бумаге и камне, в том числе из официального документа послемонгольского времени, разбору которого посвящена данная статья. Здесь же, кстати, следует отметить, что в горной части Самурского бассейна, на территории Северного Лезгистана – в сел. Хнов, где говорят на рутульском наречии, нашел Шихсаидов А. Р. персидский текст, датированный 1383 г. Это – часть эпитафии одного знатного хновца, который назван в ней «красой всадников и звездой войск».

¹ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М. 1966. Ч. 1. С. 67, 68, 178.

³ Лавров Л.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 67, 68, 178.

⁴ В прошлые столетия эти земли, где говорили «лезгины» по-аварски, составляли одно целое с Горным магалом

Вот - этот персидский текст, написанный подчерком насх, который был прочтен впервые и переведен затем на русский язык крупным российским иранистом Османовым М.Н.О.⁵

Прежде чем переходить непосредственно к тексту письма Газисултан-шамхала, - горского князя являвшегося, кстати, сыном Мухаммад-шамхала Казикумухского, – написанного на персидском языке, следует затронуть вкратце – с научных позиций – местопребывание данного владетельного князя и его титул.

Титул шамхал фиксируется на Восточном Кавказе, со всей достоверностью, под 1318/19 г., когда упоминается Ахсабар-шамхал. Видно это из текста арабской надписи, которую обнаружили наши известные кавказоведы Алиев Б.Г. и Маммаев М.М. Прочтение же и перевод указанной надписи (XIV в.) является заслугой А.Р. Шихсаидова⁶ – гордости дагестанской историографии.

Вполне вероятно, впрочем, что знаменитая Аштынская надпись, обнаруженная и введенная в научный оборот (часть текста – Т.А.) вышеупомянутым кавказоведом Л.И. Лавровым⁷, а затем изданная в полном виде А.Р. Шихсаидовым⁸, позволит несколько удревнить отмеченное выше научное положение. Дело в том, что внутренний анализ текста Аштынской надписи, вырезанной на арабском языке с упоминанием одного из шамхалов Кумуха, позволяет датировать ее не началом XIV в., как это делают обычно, а 2-й половиной XIII в.⁹ Соответственно, мы имеем тут право говорить о том, что Горный Дагестан узнал шамхалов – как правителей определенных территорий, сидевших в лакском «городе» Кумухе, – с XIII в., как минимум.¹⁰

⁵ Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана {X-XVII вв., как исторический источник. М., 1984. С. 210-213.

⁶ Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 82-88.

⁷ Лавров Л.И. Новое о Зерехгеране и казикумухских шамхалах/Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 217.

⁸ Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 374-377.

⁹ Мое видение; имя *Малич* с Аштынской надписи и *дом Малича* в надписи от 1318/19 г.

¹⁰ В данном населенном пункте, кстати, многие люди знали и любили персидский язык, причем даже те, кто всю свою жизнь сражались с иранцами и вошли в дагестанский фольклор в качестве борцов с Ираном и его

Еще в домонгольскую эпоху имело место то политическое положение, что лакские земли – как, кстати, и другие горные территории, ориентировавшиеся в экономическом и культурно-политическом аспектах на исламский центр Кумух, - выступали в качестве форпоста исламского мира. Этот форпост, воздвигнутый на территории Дагестана, в первую очередь, против христианского Аваристана (Сарир), стали возрождать, – как можно предполагать, - уже иранские монголы, находившиеся под властью рода Чингизидов.¹¹

Опираясь, по всей вероятности, на те политические обстоятельства, которые стали складываться на Восточном Кавказе после распада Хулагуидской империи – державы Чингизидов, носивших титул ильхан, - эмир Тимур (Самаркандский) поднял роль Ширвана в регионе. После своих западных походов, проходивших в пределах конца XIV – начала XV вв., Тимур сделал ширванских шахов, при дворе которых господствовал персидский язык, представителями суннитских императоров Востока. Таковыми были они в глазах воинственных мусульман, обитавших в горах Дагестана.

В свою очередь ширваншахи эти, сидевшие в г. Шемаха, имея определенную власть в Северном Лезгистане, осуществляли свое общественно-политическое влияние в Сулакском бассейне. Делали же они это через шамхалов лакского «города» Кумух.¹²

Через фактор политической роли Ширвана, где значительная часть населения, в том числе и элиты, была (в XIV-XV вв.)

государственной машиной. К примеру, на надгробной плите знатного кумухца Муртазаали, - сына того человека, которого назначила Османская династия правителем Дагестана и Ширвана, причем на правах Крымского хана, - скончавшегося в 1741/42 г., выбит следующий ниже персидский стих:

«Плач объял весь мир,

Когда [увидели], что он, - от востока до запада – бывший взятым ранее в одну десницу, не остается теперь неподвижным».

¹¹ Монголы в эпоху своей экспансии на запад планировали ведь, как известно, захват Аваристана, но дойти сумели они (в 1240 г.), если брать Сулакский бассейн, только лишь до лакских земель, которые они тогда разорили. К северу же от них продвинуться монголы не смогли.

¹² Таково наше видение общей ситуации, существовавшей в регионе Восточного Кавказа XIII-XV вв.

ираноязычной, а канцелярии работали на персидском языке, последний – классический новоперсидский язык – стал укреплять и расширять свои позиции в дагестанских горах. Процесс этот, видимо, затронул – в числе прочих территорий современного Дагестана – лакские земли, соответствующие бассейну р. Казикумухское Койсу, а также лезгинское Присамурье, где находятся Горный магал и сел. Хнов. Из двух последних единиц, при этом, первая географическая единица – Горный магал (ислам принят был там, скорее всего, в XI-XII вв.) – находилась после походов Тимура, по-видимому, под верховной властью, надо полагать, шамхалов Кумуха, признававших, однако, власть Ширвана. Вторая же единица (сел. Хнов) пребывала тогда под властью мусульманского княжества Шеки, лежавшего в восточной части Закавказья (к юго-востоку от Закатальского округа), где, кстати, персидский язык играл столетиями весьма значительную роль.

В 1474 г. ширваншах Фаррухьясар передал «своему могущественному сыну» Мухаммад-шамхалу Казикумухскому – как формальному представителю своей княжеской власти в Сулакском бассейне (точнее – на берегах Казикумухского Койсу и прилегающих дагестанских землях) – право на получение разнообразных доходов с ширваншахских округов Гуштасфи и Сальяны, а также с г. Махмудабад. Этот акт, то есть предоставление дагестанцу кормления на Прикуринских землях Ширвана, изложен в тексте ширваншахского фирмана, написанного по-персидски, чья копия сохранена для нас акад. Дорном Б. (XIX в.), а правильная интерпретация содержания сделана впервые автором этих строк¹³.

¹³ Нейматова М.С. Ценный документ по истории Ширвана XV в. // Известия АН Азербайджанской ССР: серия истории, философии и права. Баку, 1966.; № 4. С. 63-71; Ашурбейли С.Б. Государство ширваншахов (VI-XVI вв.). Баку, 1983. С. 265, 266 (исследователь отождествляет получателя кормления – как я убежден, ошибочно – с неким Гази-беком, происходившим из рода ширваншахов, будущим правителем Ширвана); Айтберов Т.М. К истории дагестанской сфрагистики (печать неизвестного шамхала начала XVI в.) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1995. Вып. 3. С. 246-250.

Послание сына вышеупомянутого казикумухца, которого звали Мухаммад-шамхал (1474 г.)¹⁴, направленное в Горный магал – на землю цахурцев верхнего Присамурья, является ценным историческим источником. Оно показывает кавказоведам: во-первых, имена неизвестных ранее казикумухских шамхалов; во-вторых, то, что Цахур являлся к рубежу XV-XVI вв. политическим образованием, скорее всего, олигархического типа которое подчинялось Кумуху, но, при этом, финансировалось оно (в конечном счете), скорее всего, из столицы Ширвана; в третьих, Цахур того далекого времени представлял собой определенную военную силу в масштабе Восточного Кавказа, о чем знали мы раньше из преданий, которые собрали А.И. фон-Плотто, И. Линевиц и их современники.

Другой блок информации, которую несет в себе послание Газисултан-шамхала (сына Мухаммад-шамхала) цахурцам, касается места иранской культуры в горах Дагестана послемонгольской эпохи. Здесь мы видим, на основании уникального дагестанского письменного источника, прежде всего, что в лакском Кумухе и в калтахском Цахуре элита местного общества владела персидским языком на весьма высоком уровне.

В Кумухе действовала (к рубежу XV-XVI вв.) шамхальская канцелярия, где работали знатоки сложнейшего для чтения персидского почерка именуемого дивани, который сейчас может разобрать мало кто из высокообразованных иранцев. В канцелярии этой составляли официальные документы, причем согласно особым формулярам, разработанным в Иране монгольской (?) эпохи: персидский текст начинался с тюркской фразы союзом «мое слово»; основное содержание излагали на строках написанных по-персидски, а проводимых снизу (правая сторона документа) вверх (левая сторона его); заверялся документ печатью правителя; текст печати, которая заверяла княжеский документ, вырезался разборчивым насхом.

¹⁴ Я не исключаю, что Б. Дорн мог немного ошибиться при чтении фирмана от 1474 г., и, соответственно, ширваншахское кормление адресовано было «Газисултан-шамхалу, сыну Мухаммада», а не его отцу, которым являлся Мухаммад-шамхал Казикумухский.

Послание Газисултан-шамхала населению Цахура

Дошло оно в подлиннике. Написано черными чернилами, каламом, почерком дивани, на листе коричневой волокнистой бумаги кустарного – возможно, местного – изготовления. Предоставлено оно автору этих строк дагестанцем Магомедовым Б., личностью небезызвестной – в 1986 г., будучи взятым им из сел. Чиркей (?). Язык послания – персидский, употреблены, однако, и два тюркских слова: союзом - «мое слово» и яракъ – «оружие».

При разборе текста – переносе его с почерка дивани на современную персидскую графику - я обращался за помощью к ряду лиц, в том числе к образованным иранцам. Особенно следует отметить здесь, причем с огромной благодарностью, тот вклад в прочтение шамхальского письма, который внес знаменитый российский иранист О.Ф. Акимушкин. Вклад этого ученого следует характеризовать тут как решающий.

На оборотной стороне послания Газисултан-шамхала, покрытой, кстати, собственноручными записями Шабана Ободинского (2-я половина XVII в.), представляющими собой выдержки из книги Шарх на ал-Муфассал хорезмийца аз-Замахшари, стоит оттиск крупной (d – 2, 7 см.) печати. Внутри данного оттиска написано по-арабски, причем почерком насх, рукой весьма опытного мастера-каллиграфа: «Газисултан-шамхал, сын Мухаммад-шамхала, полагающийся на заботу всевышнего Владыки. 906».

Учитывая, что науке известен фирман ширваншаха Фаррухяссара, выписанный на имя шамхала именуемого «султан Мухаммад-гази», датированный 879/1474 г.¹⁵, полагаем мы, что цифра «906», которая имеется в оттиске шамхальской печати, является датой изготовления этой печати. Из сказанного вытекает, в свою очередь, то, что Газисултан-шамхал и его послание, о котором идет здесь речь, должны быть датированы примерно началом XVI в. – временем не раньше 906/1500-501 г.¹⁶

¹⁵ Об этом см. Нейматова М.С. Ценный документ... С. 63-71.

¹⁶ См. Айтберов Т.М. К истории дагестанской сфрагистики... С. 247-249.

Перевод текста

От шамхал-хана¹⁷ [послание:] великим эмирам¹⁸, благородным старостам (кедхуда)¹⁹ и членам общины Цахура, которые являются объектом большой заботы с [моей] стороны и выделяются особым величием, что вызывает радость.

Мое слово таково!

Пусть они знают, застыв для этого на месте, что знамена [мои], несущие на себе знак грядущей победы, в это время уже сдвинулись с места и, причем, вместе с победоносными полками.

Необходимо поэтому, чтобы вышеназванные эмиры, старосты и члены цахурской общины, вооружившись полностью, также двинулись бы с места и присоединились к [нашему] победоносному войску. Пусть сделают они это в добрый день и час, соответствующие тут, а затем своевременно покажутся перед [нами], ближе к вечеру...²⁰

В связи со всем этим я, шамхал-хан, и послал [к вам] Хаджи-Мусу.²¹

¹⁷ Можно иначе: *высокий [по статусу] шамхал*.

¹⁸ Проживание в сел. Цахур представителей аристократического рода, то есть *эмиров* восточных (по языку) текстов, фиксируется в письменных источниках многократно.

¹⁹ Персидский термин *кедхуда* употребляется в языках и наречиях Южного Дагестана, правда, чаще в форме *кентхуда*.

²⁰ Лаку на в персидском тексте.

²¹ Данное предложение написано на полях послания шамхала, справа

ИРАНСКИЙ КОМПОНЕНТ В ДИАЛЕКТАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

В процессе ирано-тюркского взаимовлияния в лексику тюркских языков, в частности азербайджанского, вошло значительное количество персизмов, изучение которых представляет значительный интерес для современных тюркских языков.

1. Терекемейская основы ийген «племянник, племянница» распространена во многих тюркских языках, ср. каз. жейен. «внук, внучка от родителей»; узб. жиян. «племянник, племянница»; чаг. чиген «сын или дочь от сестры матери»; кирг. жеен «племянник, внук по женской линии»; хак. чеен «племянник, племянница со стороны сестры»; шор. жээн «дети сестры» туркм. чыкан «двоюродный брат с материнской стороны»; алт. дьеен «племянник, племянница»; уйр. чийа «сын сестры, дети сестры»; орхонск. йэгин «внук от дочери»; тур. диалект. йеген «внук, племянник»; туркм. еген «племянник, племянница по линии родной сестры»; якут. сыган, сиэн «внук», ср. и монгольские параллели: ст. калм. зеенцер, халх. зээцэр, пмонг. жигенцер «правнук от дочери». Такие же производные формы представлены и в тюркских языках, ср. кир. (Радлов) жийэншэр «правнук, правнучка от дочери»; якут. сиэнчэр «потомство от прямой и боковой женской линии: внук и внучка дочери: правнук, правнучка дочери: праправнук, праправнучка: внук и внучка сестры: родство, свойство по замужеству, внук и внучка сестры мужа».

Семантическая структура термина ийген «племянник, племянница», обозначающего родство как по мужской, так и по женской линиям, развивалась по схеме: «младший родственник» → «ближайший родственник» → «племянник».

Праформа данного термина восстанавливается в виде *ийен с возможным параллельным твёрдорядным вариантом типа *йаган.

Как мы уже отмечали, тюркские термины подчиняются закономерности образования параллельных рядов по мягкости и твёрдости гласных, ср. тюрк. ага = эке «брат», ана = эне «мать», ата = эте «отец» и т.д. Следовательно, в фонетическом отношении термин ийен предполагает наличие и твёрдорядного варианта *йаган.

Данная основа является, по нашему мнению, фонетико-семантическим вариантом персидского джан-йан «душа, жизнь».

2. Терекемейская основа гэйин (лит. азерб. гайын) «деверь, шурин» образует ряд производных типа гэйинбаба «тесть, свекор»; гэйинана «тёща, свекровь», гэйиннага «шурин, деверь», которые являются сочетанием тюркских основ кайын+ ата, +анна.

Основа гэйин (=гайин), является общетюркской, ср. каз. г.- алт. кайын, туркм. гайын «родственник по жене или мужу»; коман. кайн, уйг. кадын, хак. казын; чаг. якут. кырын, кылын «тесть, свёкровь, отец и мать жены»; каз. кайын ата, уйг. кейин ата, туркм. каз. кайын эне, уйг. кейнана.

Эта же основа представлена и в монгольских языках: ср. пмонг. хадам, халха-монг. хадам, бур. хадам. Монгольский интервокальный согласный = д = указывает на более архаичный вариант этого термина, так как по гипотезе А.М. Щербака (1970, 34) дентальный - д - первичнее согласного = й =.

Следовательно, здесь восстанавливается проформа типа *кадам с возможным вариантом *кадын, откуда и появляется современная терекемейская параллель гэйин.

Семантическая структура основы гэйин «родство по мужской линии» обусловлена, видимо, семантикой производящего глагола кайы - «строчить, шить, соединяя каёмкой». Отсюда и развитие семантики: «пришивать, соединять, объединять, иметь родственные связи». Корневой компонент кай= в составе данного термина этимологически восходит к проформе *кан-. В этом плане можно предположить, что этот компонент, возможно, связан генетически с чувашским глаголом хун= «расплодиться, родиться». Чувашский глагол, по – мнению В. Егорова, имеет проформу *кан-, так как чувашский гласный = у = закономерно восходит к гласному - а - (1964, 23). Значение чувашского глагола характерно только для этого языка, в других тюркских языках такое значение у данного

глагола не зафиксировано. Можно с достаточной уверенностью предположить, что указанное значение данного глагола является вторичным, приобретенным в процессе исторического развития чувашского глагола. Это тем более важно, что предполагаемое значение сохраняется и в монгольских языках.

В своих истоках корневой компонент кай-//кан- имеет определенную связь с индо-иранской основой кан- «молодой; родственник», сохранившейся в современных индийских языках.

3. Терекемейская основа гэндж имеет ряд значений: 1) «молодой»: гэндж адам «молодой человек»; гэндж агадж «молодое дерево»; гэндж кыз «девочка»; 2) «молодой человек, юноша, парень»: гэнджлер «молодёжь».

Основа известна и за пределами тюркских языков: калм. кензе, халх. хэнз, бур. хэнзэ «младший, последний» (о детях); родившийся от пожилых родителей (о детях). В тюркских языках представлены следующие параллели: кирг. кенже, чаг. кенжэ, узб. кенжа, уйг. кенжэ «младший из детей; самый последний, последыш»; кум. генже «младшая дочь, младший сын». Терекемейская основа генч отличается от остальных тюркских и монгольских вариантов отсутствием конечного гласного =е. Можно предположить, что здесь имеет место выпадение этого гласного. Такие процессы происходят в тюркских языках достаточно часто. Вместе с тем не исключено, что терекемейская форма является изначальной, а в других тюркских вариантах произошло наращение неэтимологического гласного.

Фонетическая структура гэндж//кенже//генже//генч позволяет говорить о постепенном озвончении компонентов данного термина, что и отражает те процессы, которые начинаются в тюркских языках послехуннского периода. Следовательно, межтюркская основа генч восходит к праформе *кенч, а остальные варианты к *кенче.

Основа имеет параллели в индоарийских языках, ср. иран. кент-кант «родственник».

4. Терекемейская фольклорная основа кебе «беременная, жеребая, стельная и т.п.» имеет в турецком языке ряд параллелей:

gebe inek «стельная корова»; gebe kadэн «беременная женщина»; gebe kalmak «забеременеть»; gebelik «беременность».

Участвует эта основа и в образовании фразеологизма *gebe zag* «креплёная карта». Данная основа сопоставима с монгольскими параллелями типа калм. *кцвян*, халк. *хяя*, бур. *хюбююн*, пмонг. *кюбэгюн* «сын, мальчик, дитя»; халк. *хяя тёрех* «родить сына»; *хяя хяхэн хоер* «мальчик и девочка». В тюркских языках можно отметить следующие параллели: кирг. *кёбётён*; койб, кач. *кубаган* «ребята, дети».

Терекемейская основа *кебе* в семантическом аспекте прошла несколько этапов развития. Типология образования семемы «беременная, стельная, жеребая» уже на примере данного русского прилагательного показывает, что здесь исходными является значения «дитя, детёныш», ср. русск. *телёнок* -> *стельная*, *ягнёнок* -> *суягная*, *жеребёнок* -> *жеребая*, *поросёнок* -> *супоросая*, *бремя* -> *перен. зародыш* -> *беременная* и т.д. Такая же типология характерна и для тюркских языков, ср. чув. *хам* «жеребёнок» -> *хамла* «жеребая». Это даёт нам основание полагать, что терекемейское прилагательное *кебе*//*кебели* «стельная» возникло на основе переосмысления старого иранского термина **себе* «дитя, детёныш, звереныш, щенок, собака», корень которого сеп-сохраняется в персидском сег «собака», авестийском спака и русском персизме собака.

В аспекте семообразования в структуре терекемейского термина *кебе* прослеживается делабиализация корневого гласного: **кёбе* -> *кебе*. Кроме того, налицо озвончение согласного анлаута: **кёбе* -> **гёбе* -> *гебе*.

5. В современном терекемейском говоре представлена интересная основа *кёк* со значениями 1) бот. корень; 2) корень зуба; 3) перен. начало, основа, происхождение; 4) род, происхождение, начало поколения».

Данный корень имеет в турецком языке параллели: *кцкboyасэ* бот. «марена»; *кцкзэ* «торговец кореньями и травами»; *кцкзък* бот. «мелкий корешок»; *кцкен* 1) корень (отдельное растение); 2) основа, происхождение, начало, источник; 3) грам. основа; 4) родина, родные места; *кцкнар* бот. «пихта», *кцксар* бот.

«корневище»; кцкп 1) питомник, рассадник; 2) родина, родные места и т.д.

Важно отметить, что здесь исходным значением является сема «род, происхождение, начало поколения», которая в турецком варианте отступила на четвертую позицию в семантической иерархии данного слова (Кононов 1956; Убрятова 1985). Другими словами, исходное значение вытесняется переносными семемами. Данный термин в значении «род» может быть сопоставлен со следующими алтайскими и тюркскими параллелями: ст. калм. кёгшин, халх. хёгшин, бур. хягшэн, пмонг. хягшин «старик, старая, старушка»; «старый, престарелый»; уйг. кякшин, кир. кякшин «старик, седой»; тел. кёкшян «старик, старый человек»; «влиятельный, почтенный»; бар.- кёкшуьнек «старуха».

Терекемейская основа имеет параллель и в древнетюркском языке, ср. кёк «происхождение, корень» (ДТС, 312). Видимо, этот же корень представлен и в других древнетюркских основах типа кёк иркин «вид тигула», кёкюк «знатное лицо», кёкшин «седой» (ДТС. 313).

Основа восходит к персидскому коһнэ «старый», корень которого коһ.

Претерпел в тюркских и монгольских источниках разнообразные изменения.

6. Терекемейская основа куда//гуда «сват» (отец одного из супругов по отношению к родителям другого супруга); «сватья» (мать одного из супругов по отношению к родителям другого супруга). В азербайджанском литературном языке данная основа образует производное гудалыг «сватовство». Основа имеется и в других тюркских и алтайских языках: уйг. узб. куда «сват, сваха»; туркм. гуда, тат. кода «сват»; каз. кудагай, кирг. кудагый, галт, кудагай «сваха, сватья»; якут. ходогой «сват, сватья»; калм. худа, халха. худ, пмонг. худа.

Семантическая структура терекемейского гуда примыкает по своим особенностям к туркменскому варианту гуда. В остальных тюркских параллелях представлены варианты с глухим согласным к=, ср. тат. кода, где отличается и вокализм (гласный – о - вместо гласного – у -). Наличие данной основы в родственных

монгольских языках указывает на хронологию этого термина, которая может быть соотнесена с первыми веками нашей эры.

Проблема происхождения данного термина связана с вопросом генезиса интервокального согласного - д -, звонкость которого в интервокальной позиции может быть связана с древними фонетическими процессами озвончения глухих согласных в тюркских языках.

В иранских языках данная основа известна в формах геде, гада «дитя» из более древнего архетипа гуда с обобщенной семантикой «род, родственник, члены рода, потомство».

Литература

Кононов А. Н. Грамматика современного литературного турецкого языка. М.-Л., 1956.

Убрятова Е.И. Историческая грамматика якутского языка. Якутск, 1985.

*Мамед-заде Н.Г.-А.,
Исмаилова Д.Г.*

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ИРАНИЗМОВ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Дагестан и Иран веками связывали политические, экономические, торговые, культурные связи, что обусловило проникновение ираноязычных лексем в дагестанскую среду, их восприятие дагестанскими народами.

Заемствования персидского происхождения в дагестанских, в частности, даргинском языке, занимают заметное место вслед за арабизмами и тюркизмами (Мусаев М.-С.М., с.4).

Процессу проникновения иранизмов в дагестанские языки способствовал ряд факторов, основным из которых можно назвать экстралингвистический. (Стоянова Н. И., Эфендиев И.И., с.3).

Дагестан во все времена являлся важным торговым центром благодаря своему географическому положению, и теоретическими предпосылками заимствования иранизмов могли быть по большей части дагестано-иранские торговые и культурные связи. Так, иранские купцы находили сбыт своим товарам в Кази-Кумухе, Дербенте, Зирихгеране, населенных пунктах Самурской долины, в Тарки, Эндирее и т.д.

По мере развития торговли постепенно усиливалось влияние Сасанидов, распространяясь уже за пределы южной части Дагестана. Этому способствовала также религия Сасанидского Ирана - зороастризм, проникший уже в область Зирихгерана и далее. В 461 г. Сасаниды упразднили в Албании царскую власть и превратили ее в свою провинцию.

В Южном Дагестане получила распространение пехлевийская, или среднеперсидская письменность. Об этом свидетельствуют пехлевийские надписи из Дербента. Они выполнены на крупных блоках, из которых сложена городская стена с большим искусством, что позволяет считать пехлевийскую грамоту

доступной не только духовным лицам, но и мастерам- резчикам (История Дагестана, с. 228).

С возрастанием экономической и политической мощи Персидского государства, с воцарением династии Сефевидов в начале XVI века, развитие торговых связей Ирана с дагестанскими народами достигло своего апогея. XVI и последующие несколько веков характеризуются как период наиболее интенсивного пополнения лексики дагестанских языков заимствованиями из персидского языка.

Участившиеся походы иранских шахов на Дагестан, демографическая политика, в частности, случаи депортации части дагестанского населения в Иран, и переселение некоторых ираноязычных племен из Лахиджана на территорию Южного Дагестана и Дербента, - все это оставило определенный след в лексическом составе дагестанских языков. В старинных аулах в памяти старожиллов остались факты выделения для военнопленных целых кварталов, где они обзаводились семьями, работали, затем постепенно смешались с местным населением.

Такие случаи, а еще и персидский фольклор, цитирование персидских поэтов, рукописи произведений которых переписывались дагестанскими учеными и хранились в их личных библиотеках наряду с научными трудами, имели, как нам кажется, не меньшее значение для пополнения словарного запаса дагестанских языков, значительного его обогащения персидскими фразеологизмами. Заимствование из персидского языка происходило преимущественно устным путем. Определенную роль в этом сыграли и тюркские языки, посредством которых происходило проникновение значительного количества иранизмов.

Мы произвели классификацию лексических единиц, вошедших в даргинский язык из персидского языка, условно поделив их на 11 предметно- тематических групп.

1) названия предметов быта:

дарг. «пигъала» - «пиала» - перс. پیاله

дарг. «хунжин» - «переметная сума» - перс. خورجین

дарг. «хаканаз» - «совок» - перс. خاک انداز

дарг. «чирагъ» - «лампа, светильник» - перс. چراغ

дарг. «камал» - «пояс, ремень» - перс. کمر и др.

2) оружие:

дарг. «тапанча» - «пистолет, револьвер» - перс. تپانجه

дарг. «тупанг» - «ружье» - перс. تفنگ

дарг. «ханжал» - «кинжал» - перс. خنجر и др.

3) строительные сооружения

дарг. «тавхана» - «комната, спальня» - перс. توبخانه

дарг. «бару» - «крепостная стена с башнями» - перс. بارو

дарг. «азирхана» - «больница» - перс. آزارخانه

дарг. «диванхана» - «суд, канцелярия» - перс. دیوان خانه

дарг. «гуснакь» - «тюрьма, неволя» - перс. دستاق и др.

4) медицинские термины

дарг. «дарман» - «лекарство, медикамент» - перс. درمان

дарг. «дару» - «лекарство» - перс. دارو и др.

5) продукты ткачества

дарг. «чаба» - «покрывало» - перс. چپی

дарг. «шял» - «шаль» - перс. شال

дарг. «шалбар» - «штаны, шаровары» - перс. شلوار

дарг. «дарай» - «род шелковой ткани» - перс. دارایی

дарг. «пардав» - «завеса, покров» - перс. پرده и др.

6) торговая терминология

дарг. «базар» - «рынок» - перс. بازار

дарг. «курбазар» - «обмен вещей вслепую» - перс. کوربازار

дарг. «багъа» - «цена, плата» - перс. بها

дарг. «базриган» - «купец, торговец» - перс. بازرگان

дарг. «апшалси» - «монета в 20 копеек» - перс. عباسی и др.

7) профессии, род занятий, качественная оценка лица

дарг. «нукер» - «слуга, лакей» - перс. نوکر

дарг. «пагъливан» - «богатырь, канатоходец» - перс. پهلوان

дарг. «чупан» - «чабан» - перс. چوپان

дарг. «шагъ» - «правитель, шах» - перс. شاه

дарг. «душман» - «враг, недруг» - перс. دشمن и др.

8) отвлеченные понятия

дарг. «умуг» - «надежда» - перс. امید

дарг. «кумек» - «помощь, содействие» - перс. کمک

дарг. «жура» - «вид, тип, способ» - перс. جور

дарг. «ранг» - «цвет» - перс. رنگ

дарг. «чара» - «выход из положения» - перс. چاره и др.

9) названия животных, растений, плодов

дарг. «гаймиш, гамуш» - «буйвол» - перс. گاومیش

дарг. «жанивар» - «животное, зверь» - перс. جانور

дарг. «ябу» - «ломовая лошадь» - перс. یابو

дарг. «пил» - «слон» - перс. پیل и др.

10) пища

дарг. «хайнига» - «яичница» - перс. خاگینه

дарг. «чакар» - «сахар» - перс. شکر

дарг. «пилав» - «плов» - перс. پلو и др.

11) антропонимы

дарг. Булат – перс. پولاد

дарг. Нариман - перс. ناریمان

дарг. Гульзар - перс. گلزار

дарг. Рустам - перс. رستم

дарг. Гульнара - перс. لئار и др.

В даргинском языке определенная часть лексем, которая представлена именами существительными, прилагательными, наречиями и небольшим количеством глаголов, была подчинена его грамматической системе. Различия в системе спряжений глаголов, которые принадлежат различным типологическим группам, явились причиной того, что заимствованные из персидского языка глаголы представлены в столь незначительном количестве. Преобладающая часть заимствованных лексем представлена именами существительными, среди которых можно выделить: имена места, имена орудия, имена-названия лиц с постоянным родом занятий, имена-названия рода занятий, имена собственные, которые представлены в сравнительно небольшом объеме.

Тема, предложенная нами, является объектом исследования ученых по дагестанской лингвистике и, как нам кажется, заслуживает дальнейшего, более тщательного изучения.

Список использованной литературы

1. Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка. Махачкала, 1988.
2. История Дагестана. Т. I. 1961.
3. Персидско-русский словарь под ред. Ю.А. Рубинчика. Тегеран, 1963.
4. Персидско-русский словарь под ред. Миллера
5. Русско-персидский словарь Овчинникова И.К. М, 1965.
6. Русско-даргинский словарь Исаев М.-Ш. И., Махачкала, 1988.
7. M. Moïin A Persian dictionary. New Delhi, 1985.
8. Стоянова Н.И., Эфендиев И.И. Словарь арабских и персидских лексических заимствований в даргинском языке. Махачкала, 2005.

ОСЕТИНСКИЕ ЯЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ КОНЦЕПТОВ-АРХЕТИПОВ

1. Обсуждение названной проблемы начнём с объяснения употребления лингвонима осетинские языки вместо осетинский язык. Мы в ряде своих публикаций [1] постарались поднять вопрос об ошибочности употребления псевдолингвонимов осетинский язык, дигорский диалект осетинского языка, иронский диалект осетинского языка и квазиэтнонимов дигорский субэтнос, иронский субэтнос. Мы мотивировали эту нашу мысль тем, что в объективной реальности, в природе отсутствует тот единый осетинский (синоним: иронский) язык, который бы являлся общим и для иронцев, и для дигорцев, и диалектами которого бы представляли иронская речь и дигорская речь. Нет в природе и желаемого единого осетинского этноса на уровне нации: дигорцы компактно проживают в западной Осетии и называют себя не иронцами (русский адекват: осетинами), а дигорцами, иронцы же населяют восточную Осетию и называют себя не дигорцами, а иронцами. Самое главное же в том, что несмотря на общность происхождения этих двух народов, ментальные миры и дигорцев, и иронцев, материализуемые (объективируемые) не только в их языках, в лингвистических картинах мира, но и в их обычаях, культуре, существенно отличаются друг от друга. В силу отмеченного выше, мы предложили в своих публикациях говорить об осетинских - дигорской и иронской - народностях и об осетинских - дигорском и иронском - языках. И тут нетрудно догадаться, что и приводимые ниже рассуждения об осетинских концептах-архетипах в рамках настоящей статьи, также призваны продолжить и подтвердить идеи предыдущих наших публикаций.

2. При этом об осетинских концептосферах, об иронских и дигорских ментальностях - мировидениях в историко -

этнографическом плане имеется относительно обширная справочно - информативная литература, чего не скажешь о лингво - когнитивном аспекте проблемы соответствующих языковых картин мира [2], и уж тем более, об этноконцептах - архетипах, сохранившихся до наших дней в имплицитном виде - под «прикрытием» новых этносмыслов, эксплицитно выражаемых прежними же языковыми значениями.

Вследствие сказанного понятно, почему здесь предпринимается попытка проследить весьма интересное явление метаморфоз словесных смыслов – архетипов в осетинских языках.

Однако, прежде, чем перейти к изложению наших версий - герменевтики отдельных, завуалированных смыслов - архетипных концептах осетинских лингвистических картин мира, кратко коснемся теоретических основ когнитивной лингвистики, которые в науке трактуются не однозначно.

Как известно, когнитивная лингвистика, робко заявившая о себе ещё в 80-годах XX столетия, сегодня уже стала генеральной-стратегической-линией развития современного языкознания. Основной – кардинальной – сутью данного направления языкознания, логически продолжающего общенаучную парадигму, является то, что в отличие от предыдущих циклов-стратегий, изучавших в языке предметную ткань и значение, схваченных тем или иным словом, ныне поворот сделан на выяснение/выявление невербализованных чувственной ткани и смысла тех же/этих же лингвистических единиц. Отмеченное означает, что в большинстве случаев слова того или иного этноязыка по значению (денотату/референту) совпадают с таковыми же других этноязыков, но, как правило, отличаются от них своим смыслом (концептом)-контейнером знаний, полученных в результате этнокогнитивного (чаще всего, аксиологического) мировосприятия. Иначе говоря, задача когнитивной лингвистики заключается в том, чтобы смотреть не в слова, а за тем, что находится за ними, т.е. за значениями, как означающими определённых конкретных этносмыслов.

Герменевтика же этих этносмыслов приводит нас к онтологии этнокультуры: по сути дела, слова и выражения этноязыка - это многослойные напластования культурных и духовных ценностей,

представляющих собой пёструю мозаику хронологических срезов той или иной этноистории последовательной парадигмы всевозможных метаморфоз.

В свете сказанного понятно, что этносмыслы - концепты, как контейнеры эмоционально-экспрессивно-оценочных знаний, выражаемых значениями тех или иных слов, в течение хода этноистории и этноязыка могут трансформироваться и приобретать неожиданные ракурсы, т.е. совершенно иные смысловые звучания. Подобные метаморфозы смыслов, как правило, «хоронят», т.е. имплицитуют предыдущие мироощущения для последующих этнопоколений. Иначе говоря, названия-значения те же, а смыслы-другие. Как правило, рядовые носители языка об этих фактах превращений смыслов слов совершенно не догадываются. И тут понятно, что задачей когнитивной лингвистики предстаёт не только выяснение способа этноминации, но и реконструкция дометаморфозных смыслов значений слов, а следовательно, и историю этнолингвоментальных процессов. Подобные реконструкции крайне необходимы не только профанному уровню/уровню здравого смысла - творцам наивной (не примитивной!) картины мира, но и, прежде всего, представителям соответствующих наук, которые вольно - невольно попадают в тенеты метаморфоз, в результате чего на свет появляются некорректные интерпретации. В качестве подтверждения данной мысли ниже приводятся примеры на материале осетинских этнографизмов.

4. Итак, перед нами следующие концепты — осетинские этнографизмы, представляющие собой соответствующие атавизмы (реликты) древнейшего этноментального состояния.

4.1. *Нæ лæг* «наш муж/мужчина» - этноэтикетная форма выражения понятия *мæ лæг* «мой муж», неприличного для произнесения в обществе, а потому табуированного к употреблению, и заменяемого эвфемизмом *нæ лæг*. Выражение это, однако, на наш взгляд, восходит к тому периоду, когда у группы женщин был один *лæг* «муж, мужчина». (Ср., к примеру, выражение *Уæртæ нæ лæг æрбацæуы* «Вот наш мужчина идёт», которое в древности могло означать *ситуацию (фрейм\скрипт\сценарий): группа женщин – жёны одного мужчины,

завидев своего мужа, сообщают друг другу: «Вот наш (в буквальном смысле / муж идёт». Однако, со временем, когда ситуация изменилась, и наступил моногамный период, фраза, не изменившая своё поверхностное значение, стала выражать новый смысл: женщина – жена, завидя своего мужа, сообщает другим женщинам, - вообще, окружающим; «Вот идёт мой муж»).

4.2. Не'фсин буквально «наша хозяйка/жена», на́е кхъа́бэргáна́г буквально «наша хлебоделница», т.е. жена-эвфемизмы вместо табуированного выражения ма́е ус «моя жена». Весьма возможно, что данное выражение восходит, так же как и в случае 4.1., к тому периоду, когда у группы мужчин была одна жена/хозяйка/госпожа.

4.3. Ла́ппу (осетинско-иронское)/ Би́ццу/биччеу (осетинско-дигорское, восходящее к иранскому-ср.персидское, таджикское бачча/о)-этнографическое) эвфемистическое обращение родителей к сыну вместо табуированных выражений ма́е ла́ппу/би́ццу/биччеу «мой мальчик» или ещё ближе ма́е фы́рт (осетинско-иронский вариант)/ ма́е фу́рт (осетинско-дигорский вариант) «мой сын» /ма́е хъа́бул/ хъа́бола́ «мой ребёнок/моё дитя». Здесь так же, как и выше (4.1., 4.2.) речь идёт о другом – о том, что ребёнок мужского пола зачат каким-то мужчиной из группы мужчин, обладавших одной и той же женщиной.

4.4. Чы́зг/ки́згáе буквально «девочка/девушка». Осетинско-иронско-дигорское этнографическое - этикетное обращение к дочке, а так же слово, употребляемое в разговоре с кем-то о дочке. (При этом заметим не только отсутствие в осетинских [иронском и дигорском] языках специализированной лексики со значением «дочь/ка», но и запрет на употребление приватизирующего местоимения ма́е «моя»). Здесь опять же, надо полагать, что указанная современная общеосетинская этнографическо-этикетная форма чы́зг/ки́згáе сигнализирует о тех реминисценциях, когда у группы мужчин/женщин была дочь, с неустановленным «авторством».

Здесь, кстати, любопытно отметить то обстоятельство, что если в иронской и дигорской этикетно – этнографической сфере общения и обращения отсутствуют формы «ма́е фы́рт \ фу́рт \ чы́зг \ кизгáе \ хъа́бул \ хъа́бола» - мой \ моя \ моё сын \ дочь \ дитя», то в

юго-осетинском варианте иронского языка мы встречаем такую форму обращения, родителей к своим детям, как «хъæбул \ швило! (последнее, очевидно из грузинского языка)» - дитя \ дитё \ сын \ дочь», но, как видно, без приватизирующего местоимения ма́ «мой \ моя \ моё», во всех других случаях обязательные в употреблении.

4.5. Чындзхæссæг/хæссджытæ/киндзхæссæг/хæссгутæ - буквально «невестку несущий/несущие». Общеосетинское название сватов в этносвадебном обряде, при котором отобранная группа мужчин выезжала из дома жениха в дом невесты с тем, чтобы после исполнения определённых церемоний, забрать и привести её к месту назначения. Здесь обращает на себя внимание выражение хæссæг/хæссджытæ «несущий/несущие» – в самом деле, почему такое несоответствие: ведь невесту же не несут – она сама идёт или едет на том или ином виде транспорта в сопровождении чындзхæсджытæ «сватов»? Ответ здесь находится в далёком прошлом: дело в том, что во избежание какого - бы ни было контакта со случайным-одержимым духом человеком, невесту покрывали с головы до пояса так, что её глаза, ноздри, рот и т.д. были полностью сокрыты от взоров всех окружающих. Понятно, что в таком положении невесту, естественно, приходилось нести, поскольку она сама не могла двигаться с закрытыми глазами.

4.6. Киндзхон/киндзхонтæ (осетинско - дигорское выражение) буквально «невесту ведущий/ведущие». - Этнографизм с тем же значением, что и в 4.5. Современное значение этого слова как будто бы означает «приглашающий/ие невесту», что прекрасно вписывается в этикетный смысл обряда: а как же иначе, невеста сама не может идти без приглашения! Однако и здесь ореол высокопарности и благородства скрывает под собой весьма прозаичный смысл: невесту с закрытыми глазами необходимо вести, что в принципе сродни везти (или нести).

4.7. Къухылхæцæг/къохбæлхуæцæг буквально «за руку (невесты) держащий/ведущий». – Близкий родственник жениха, исполняющий в свадебном обряде одну из главных ролей - забрать за руку снаряженную в отцовском доме невесту и привести её – номинальную сестру в дом жениха. Как видно, и здесь «закрытый» смысл сводится к тому, что «незрячую» невесту надо было вести за руку.

4.8. Уайсадын. – Этнографизм, означающий обряд избегания общения молодой невестки со старшими мужчинами – родственниками мужа. По мнению профессора В.И.Абаева [3] уайсадын этимологически восходит к «затенять/таить речь». Однако в этой этимологической статье автор, очевидно, не задавался целью вскрыть первоначальный смысл значения «затенять/таить речь», на что, вероятно, повлияло современное толкование самого выражения, сводящегося к облагороженному этикетному содержанию «стесняться (речевого) общения со старшими мужчинами». Но заметим, что подлинный, имплицированный, смысл здесь также заключён в том обстоятельстве, что невестка оберегается от проникновения во время общения зловредного духа или вообще чего-нибудь такого, что одержим духом, и что может в течении «адаптационного» периода нанести невестке и её будущему потомству непоправимый вред (ср. в этом смысле этимологию слова уац, имеющего в качестве значений в иранских, в т.ч. и в осетинском, языках такие значения, как «слово - дук», «слово-речь-божество», «слово, одержимое духом» [4] и т.д. [5])

4.9. Выше мы говорили о феномене этноментальных (кроме прочих) расхождений между дигорским и иронским языками, и теперь подтвердим это парой (хотя таковых гораздо больше!) примеров на различные же этномировосприятия, и тем самым утверждающие статус суверенности названных этносов – народностей. При этом, суть способа номинации заключается в том, что любой предмет, любое явление при познании подвергается разложению на составляющие его признаки, один из которых и становится главным среди прочих. Именно по этому признаку и номинируется соответствующий предмет (явление, событие). Все остальные признаки же предстают описательными интенционалами соответствующего экстенционала (предмета, явления, события). Однако, дело в том, что роль главного признака (десигната) зависит не от логики, а от этномировидения. Вот почему разные этносы по-разному (способу) называют один и тот же предмет, одно и то же явление. Приведём примеры на материале осетинских языков.

4.9.1. Мæ фид мин бахуардта\ баууилдта (осетинско-дигорское выражение)- «Замучил меня», но буквально «Мясо моего тела \

мою плоть съел, сжевал» \Маё туг мын банызта \ бацъырда (осетинско – иронское выражение) – «Замучил меня», но буквально «Мою кровь выпил, высосал» - Здесь две разные поверхностные структуры (буквальные значения) выступают в качестве означающих для одного и того же означаемого - глубинной структуры – смысла. Тут крайне важно иметь в виду то обстоятельство, что указанные выше поверхностные структуры в обоих названных языках на современном этапе предстают образными выражениями, выражающими один и тот же смысл - «замучил меня», и, что самое главное, они (эти выражения) не взаимозаменяемы – дело в том, что осетинско – иронское употребление осетинско – дигорской фразы уже в виде маё фыд мын бахордта будет восприниматься не как образное выражение со смыслом «замучил (ты \ он \ она \ оно) меня», а как крик людоедства, равно как и осетинско-дигорское употребление осетинско-иронского выражения уже в виде маё тог мин ба́ниуа́зта \ ба́цъырда может расцениваться уже не в образном, а в буквальном смысле, как акт вампиризма.

И тут, очевидно, вопреки мнению А.А.Потебни, Ф.Ницше и др., считавших, что язык в своём развитии идёт от образного к безобразному, мы можем предположить обратное: вектором эволюции языка является парадигма «от безобразного (конкретного) к образному (абстрактному \ возможному, но не реальному)»

В силу сказанного понятно, что за современными осетинскими – иронским и дигорским – выражениями маё туг мын баназта, маё фид мин бахуарта, скрываются реминисценции о вампиризме и каннибализме.

4.9.2. Осетинско-иронское выражение «а́рмыкъухта́» «перчатки \ рукавицы», но буквально «ладонь \ руки»; осетинско – дигорское выражение кьоха́рходта́ «перчатки \ рукавицы», но буквально «рука – ладонь шапки».

Как видно, и здесь перед нами классический пример на поразительные различия в способах этнономинаций предметов не только окружающего природного мира, но и предметов-артефактов. В самом деле, две русские номинации рукавицы и перчатки, в основе которых заключены смыслы «надеваемые на руку» и

«надеваемые на пальцы (персты)», в осетинских-иронском и дигорском-языках слились в одно выражение - в одну номинацию, сохранив при этом оба смысла русских слов. Однако, и в осетинских языках, несмотря на относительно общий способ номинации (указание на признак «надеваемые на руку\ ладонь»), мы сталкиваемся с весьма чётким различием: во-первых, дигорцы к выражению «надеваемые на руку\ладонь» добавляют значение «шапки», в итоге, перед нами два разных выражения: осетинско-дигорское (надеваемые на) руку (и) ладонь шапки», во-вторых же, как видно из примеров, иронцы «идут» от ладони к рукам, а дигорцы-наоборот, от руки к ладони.

5. И, наконец, коснёмся той поры филогенеза, с которой началось всё последующее в эволюции человечества, конкретнее же, с той поры, которую мы в ряде своих публикаций называем пред\ протозтническим периодом в парадигме «пред\протозтнический-этнический (род-племя-народность-нация)-над (супер) этнический».

Именно этот период филоэтноглоптогенеза сохраняется не только в древнейших жанрах мифотворчества - архетипах сознания - в частности, зафиксированных в ассиро-вавилонянских притчах, в древне-еврейском Танахе, и уж, конкретнее, в Ветхом Завете Библии, а так же в соответствующих реминисценциях в Коране, но и в языковой памяти многих народов. Приведём в этом плане пример из общесетинского языка (хотя, как соответствующей науке известно, подобные примеры можно привести если не со всех, то, по крайней мере, со множества языков).

5.1. Цардысты æмæ уыдысты лæг æмæ ус \ цардæнцæ æма адтæнцæ лæг æма уосæ «Жили (и) были муж и жена» - традиционный зачин осетинских сказок.

Что здесь обращает на себя внимание, так это кажущаяся смысловая тавтология: в самом деле, почему цардысты æмæ уыдысты, а не скажем, наоборот, уыдысты æмæ цардысты «были и жили», или к, чему, например, уыдысты «были», если, и цардысты «жили» означает тоже самое, что и уыдысты «были», и, наоборот. И всё же, как было чуть выше подчёркнуто, тавтология эта кажущаяся – несомненно, это некое функциональное распределение значений слов, подобное знаменитому

философскому афоризму Рене Декарта *cogito ergo sum* «мыслю, следовательно, существую», и тут, очевидно, задача специалистов по индоевропейской поэтике заключается в определении указанной сути.

В то же время нас здесь интересует ранговая иерархия в выражении *лӕг ӕмӕ ус* «муж и жена» (аналогичное выражение в поэтике русского фольклора *дед да баба*).

Возникает вопрос: что означает предшествование *лӕг* «муж», *дед* и т.п. словам *ус* «женщина \ жена», *баба* и т.п.? Или ещё: почему слово *лӕг* в осетинском языке (равно, как и соответствующие слова во многих других, в частности, в романо – германских языках) означает не только понятие «мужчина», но и выступает в роли гиперонима «человек» наряду с другим словом – синонимом *адӕймаг* (Ср.: *Лӕджы бирӕ нӕ хӕуы* – Человеку много не надо)? Или вот слово *ӕфсымӕр* «брат», этимологически восходящее к *ӕмсывӕр* «единоутробный», прикрепился только к особям мужского рода? Так что это: дискриминация по гендерному признаку?

Но перед тем, как прямо ответить на вопрос, заметим то обстоятельство, что самоназвания первых этносов, появившихся после распада единого народа с единым языком [6], после вкушения Адамом и Евой плода (яблока) с древа познания (яблони) – притчи фактически рефлексировавшей многие этноархетипы, повествующие нам о том периоде филогенеза, когда первочеловек – дитя Бога – природы, отпадает от Творца – Отца своего, осознаёт свою инаковость от природы, абсолютно дружно возвещают о себе. Возвещают же о том, что они – самцы /мужчины / человек/ люди [7] (Ср. так же мысль В.И. Абаева о том, что осет. *лӕг* восходит к самоназванию этноса лакцы в Дагестане, обозначающему понятие «самец / мужчина /человек» [8], а так же самоназвание юго-осетинских – цхинвальских горских евреев – «уираг», что, как известно, в арийских – индоарийских и иранских языках означало понятие «мужчина / воин / герой»). И вот теперь ответ: по всей вероятности, здесь мы имеем дело с филоэтнореминисценциями, связанными с мифами, повествующими о том, что Бог-отец сотворил первочеловека в виде мужчины (а может быть вообще бесполого существа).

На этом мы закончим, но в заключение отметим, что приведение примеров и их анализа, подобных изложенным выше, можно продолжать сколь угодно, но задача здесь не в этом, чтобы описать весь материал осетинских языков с позиций когнитивной лингвистики – цель в другом: показать прагматичность подобных штудий не только для сугубо иронской и дигорской, но и в целом, для иранской, арийской, индоевропейской и, наконец, общечеловеческой историй в непрерывной тотальной парадигме фило / антро / этно / глоттогенетической эволюции.

Примечания

1. См. в этом ряду: Ю.Д.Каражаев. Диалекты VS. языки: проблемы квазиэтнонимов и псевдолингвонимов в осетиноведении. // Межвузовский сборник научных трудов «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики». Выпуск VIII. Владикавказ. 2006. С.9-19.

2. Здесь имеются только отдельные наши публикации - см. в частности: Ю.Д.Каражаев. Осетинское мировоззрение: Время (фрагмент атласа «Лингвистической картины мира»)/Межвузовский сборник научных трудов «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики» Вып. VII. Владикавказ. 2005. С.21-31; Ю.Д.Каражаев. Отражение этносознания в экспрессивных конструкциях осетинского языка (в соавторстве)/Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. Ростов-на-Дону, 2005. №10. С. 92-97.

3. В.И.Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.IV.Л., 1989, С.43-44

4. См. сноску 3, с.26-28

5. См.Р.Р.Рахимов. «Завеса тайны» (о традиционном женском затворничестве в Средней Азии)//ж. «Этнографическое обозрение».2005.№3.С.4-19

6. Ср. притчу в Ветхом завете Библии о «Вавилонском столпотворении»

7. Ср. в: Ю. Д. Каражаев. Этнонимия в контексте философии сознания// «Материалы III-го Российского философского конгресса. Ростов-на-Дону.2002

8. В.И.Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.ІІІ., 1973. С.19-21

ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК КАК ЗВЕНО В ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ СВЯЗЯХ ИРАНА И ДАГЕСТАНА

Современные исследования по иранистике, персидскому языку, литературе, истории, культуре и искусству Ирана стали особенно актуальны в свете активизации дагестано-иранских отношений в области духовных и научных контактов в последние годы. Это обусловлено тем, что Иран является одной из крупнейших и очень динамично развивающихся стран ближневосточного региона. Исторические пути России и Ирана имеют общий исток в индоевропейской древности. Возникновение нового российского государства после распада Советского Союза привело к изменению его региональных приоритетов. Это становится особо значимым в свете, что Россия как великая держава начинает свое возрождение через активизацию своего политического духа в региональной политике. Каспийский регион является одним из ключевых в этом плане. Возрожденная Россия вновь сумела стать стратегической осью для постсоветского пространства и доказала свою способность быть стабилизирующим фактором не только в пределах своих границ, но и для ближнего зарубежья. Образование независимых государств в Закавказье и Средней Азии привело к тому, что данный регион стал одним из центральных во внешней политике РФ. Это привело к возрастанию роли Ирана во внешней политике страны.

Корифей российской иранистики Ю.А. Рубинчик придает огромное значение изучению и распространению персидского языка и литературы. Он пишет: «Персидский язык стал вторым (после арабского) по значимости в мусульманском мире» [1;21]. Персидский язык с его тысячелетней историей – один из самых развитых в странах Востока.

В Дагестане много памятников персидской эпиграфики. Эта область исследований заслуживает особого внимания хотя бы потому, что по свидетельству археолога С.Ю. Касумовой: «Комплекс пехлевийских надписей, начертанных на крепостных стенах Дербента, является единственным сохранившимся до наших дней памятником среднеперсидской эпиграфики на территории Закавказья» [2;3,5]. Как известно, надписи Дербента показывают крайнюю северную границу распространения среднеперсидского письма. Они – наиболее ранние из таких памятников, начертанных по вертикали.

Доброй традицией стал диалог научной и культурной общественности Ирана и России, в частности, Дагестана. Как мы уже не раз отмечали ранее, история взаимоотношений наших стран и регионов дает множество примеров и длительных периодов истории, когда происходил процесс взаимообогащения наших народов в условиях мира взаимопонимания [3;57]. Нынешняя наша встреча – еще одно подтверждение тому.

Руководство ИРИ придает большое значение распространению персидского языка в зарубежных странах, особенно в тех, где когда-то использовался этот язык и где еще сильны традиции классической иранской культуры. В полной мере это относится и к Дербенту. По свидетельству Е.И. Козубского: «Жители все магометане, содержат персидский или Алиев закон, и говорят смышленно по персидски, по-турецки, и татарски, однако имеют у себя хаджов или ученых духовных людей, и пишут в большей части чистым персидским языком, но немногие из простых людей оный разумеют» [4; 58-59].

Очень важную роль в налаживании контактов цивилизациями играет Фонд энциклопедии ислама, созданный в 1983 году в Тегеране по инициативе духовного лидера страны Сайеда Али Хаменеи. Он лично участвует в обсуждении проблем развития персидского языка. Об этом свидетельствуют выступления на заседании ученого совета Академии персидского языка и литературы, созданной в феврале 1990 г. Огромная роль в их распространении за рубежом принадлежит специально созданным учреждениям при Министерстве культуры и исламской ориентации ИРИ - «Организации Исламской культуры и связей» и «Совету по

распространению персидского языка и литературы». Эти организации занимаются подготовкой кадров преподавателей персидского языка и литературы и непосредственно преподаванием этих дисциплин. Результатом деятельности Совета стала публикация различных изданий в области филологии, посвященные истории развития персидского языка и литературы. В бюллетене, издаваемом Советом, отражается информация о научных конференциях и преподавании персидского языка в разных странах и регионах. Немалую роль в подготовке квалифицированных кадров преподавателей персидского языка играет принятая правительством Ирана программа, в соответствии с которой преподаватели и студенты из зарубежных стран могут проходить подготовку в ИРИ.

Упрочению культурных взаимосвязей, взаимопониманию, сближению народов России и Ирана способствует Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа, который начал свою деятельность в Тегеране под руководством доктора Мехди Санаи. Деятельность Центра направлена на развитие научного и культурного взаимодействия с научными и академическими учреждениями региона. Работа проводится по целому ряду направлений, включающих проведение исследований по иранистике в социальной, культурной и политической сферах, издательскую деятельность, проведение научных конференций по разнообразной и обширной тематике, содержание специализированной библиотеки и Интернет сайта.

Начало 2002 г. ознаменовалось очень важным событием в развитии культурных и научных связей между Ираном и Россией. Впервые в нашей стране были организованы Международные курсы по персидскому языку и литературе, учрежденные Культурным представительством при Посольстве ИРИ в РФ и Институтом стран Азии и Африки при МГУ имени М. В. Ломоносова. На этих курсах совершенствуют свои знания в области персидского языка и литературы преподаватели и студенты российских востоковедческих центров и вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска, Астрахани, Махачкалы и других городов. Большую роль в развитии связей между научными сообществами ИРИ и Дагестана играет Центр иранистики

факультета востоковедения Дагестанского Государственного Университета, который был открыт в марте 2005 года по договору о сотрудничестве между Культурным представительством при посольстве Исламской Республики Иран в РФ и ДГУ. Руководитель представительства доктор Мехди Иманипур лично курирует эту работу и уже не раз посещает Дагестан. Целью создания Центра является подготовка специалистов по иранистике и проведение исследований в этой области в Дагестане. При Центре функционирует лингафонный кабинет для обучения персидскому языку и богатая библиотека с литературой на персидском, арабском и английском языках по иранистике. Результатом его деятельности стало проведение выставки каллиграфии и современной иранской миниатюры и международной научной конференции «Ирано-дагестанские культурно-исторические связи» в ноябре прошлого года. Доброй традицией стало проведение вечеров персидской поэзии и проведение иранских национальных праздников. Лучшие студенты – иранисты благодаря усилиям Центра имеют возможность совершенствовать свои познания по персидскому языку на курсах в Москве и Тегеране.

Начиная с первой Всероссийской олимпиады студентов по персидскому языку и литературе, организованной Культурным представительством при Посольстве Исламской Республики Иран в РФ в 2004г в Институте стран Азии и Африки при МГУ, стало доброй традицией участие в этих олимпиадах студентов факультета востоковедения Дагестанского государственного университета. В прошлом году команда ДГУ заняла второе место на олимпиаде. Студентка 4 курса факультета востоковедения ДГУ Джавгарат Исмаилова заняла 3-е место на Второй Всероссийской олимпиаде по персидскому языку и литературе, проходившей 25-26 ноября 2005 г. в Москве, в главном востоковедном центре России - Институте Востоковедения РАН.

Следует отметить роль персидского языка в жизни современного иранского общества как официального языка государства, языка межэтнического общения, второго языка ислама, содействующего интеграции общества. Современные исследования по иранистике, персидскому языку, литературе, истории, культуре и искусству Ирана приобрели особую

актуальность в свете активизации российско-иранских и дагестано-иранских отношений в области духовных и научных контактов в последнее время. Чрезвычайно важным в этом плане нам представляется призыв экс-президента Ирана господина Хатами, провозглашённый им на «Саммите тысячелетия» в ООН в Нью-Йорке 6 сентября 2000 г.: «В отношении диалога цивилизаций и культур пора перейти от лозунгов и теорий к его практическому осуществлению» [5;72]. Как известно, история взаимоотношений наших регионов даёт множество примеров и длительных периодов, когда происходил процесс взаимообогащения наших культур в условиях мира и взаимопонимания. Обращаясь к теме этих давних связей, мы не раз отмечали, что благодаря комплексу фортификационных сооружений, возведенных в Дербенте Сасанидскими правителями, наш город по решению Юнеско оказался включенным в список объектов мирового культурного наследия.

Литература

1. Рубинчик Ю.А. Развитие лексико-фразеологического состава персидского языка после победы исламской революции а Иране //Иран сегодня. №2,2004.
2. Касумова С.Ю. Среднеперсидская эпиграфика Кавказской Албании.
3. (Дербент). Города Ирана – Баку: Элм, 1994.
4. Сеидова Г.Н. Иран – Дербент: обновление старых контактов? -Махачкала, 2005.
5. Козубский Е.И. История города Дербента. – Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М. Сорокина,1906.
6. Хатами Сейид Мухаммад. В человек сосредоточены душа Востока и разум Запада.- М.: Гуманитарий, 2001.

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ПЕРСИДСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Персидский страт в лексике дагестанских языков привлекал к себе внимание исследователей старшего поколения. Он остаётся объектом анализа и молодых дагестановедов [Халиков, Эфендиев 2002; Эфендиев 2003]. Однако интенсивность архаизации персидских заимствований на различных синхронных срезах дагестанских языков остаётся неизученной как в дагестанском языкознании в целом, так и в даргинском языке в частности. До сих пор ещё не установлены и строгие критерии архаичности [Эфендиев:29]. Между тем определение интенсивности архаизации персидских заимствований в лексике даргинского языка представляет определённый интерес.

Критерием архаичности будем считать пассивное знание лексики носителями даргинского языка, проживающими в сельской местности.

Анализ соотносённости персидских заимствований с архаизмами проводился методом опроса информантов-носителей даргинского языка селения Сергокала Сергокалинского района республики Дагестан. Информанты* были разделены на 3 возрастные группы независимо от половой дифференциации: 1) информанты в возрасте 60 и более лет; 2) носители в возрасте 60-30 лет; 3) информанты в возрасте 30 и менее лет.

Материалом исследования послужили взятые наугад более чем 130 лексем даргинского языка, заимствованные из русско-даргинского словаря

М.-Ш.А.Исаева.

* Информанты старшей возрастной группы- Исмаилов Х.М., Джабраилов И.К., Курбанова З.И.; средней- Алиева У.А., Магомедова П.Х., Абакарова П.А.; младшей- Умалатов Р.У., Омаров Р.А., Алиева Э.С.

Согласно проведённому исследованию из 130 лексем в дискурсе носителей даргинского языка во всех трёх возрастных группах употребительна лексика, соотносимая с различными тематическими группами:

апарак «абрек; чужой», аждагъа «дракон», авара «хлопоты, забота», ахта «кляча», азархана «больница», базриган «торговец», багъана «причина, предлог, повод», биринж «рис», бунагъ «грех», бамма «вата, хлопок», белики «может быть; если», гулманди «тонкий шелковый платок», гамуш «буйвол», гъунар «подвиг; талант; умение», гъар «каждый, всякий», гъеч «совсем, полностью», гIяббаси «монета», душман «враг, неприятель», дард «горе, печаль», дярчин «корица», дастIуман «салфетка, тряпка», дулгъа «рукав», дарман «лекарство», жан «душа», жанивар «зверь», жут «пара», жура «вид, сорт», жярга «грязь», загъру «яд», зая «вред, ущерб», изала «болезнь, недуг», кагъар «бумага; письмо», камал «пояс, ремень», кумек «помощь, содействие», камдеш «нехватка», кагъра «янтарь», киса «карман», къял «корова», ламарт «вероломство, предательство», лишан «прицел; знак», михикI «гвоздика», макру «хитрость, коварство», мугъур «печать», нагагъ «если вдруг», назикси «тонкий», пал «гадание», пешкешбарес «подарить», пиша «действие, поступок», пастIан «дыня», пардав «занавеска, занавес», сияхI «список, перечень», сукура «чаша», супил «ус», тупанг «ружьё», тамаша «удивление», тапанча «пистолет, револьвер», тумен «десять рублей, червонец», тутия «цинк», тухум «род, племя», туснакъ «тюрьма», тIас «таз», хайнига «яичница», ханжал «кинжал», хардж «расход, трата», хаканаз «совок», чятир «палатка; шатер, кибитка, зонт», чугур «чугур(стр. муз. INSTR.)», чакар «сахар», чяли «забор, ограда, изгородь», чирагъ «свеча; лампа», чит «ситец», шагъар «город», шалбар «брюки», шинжир «цепь», шигирт «подмастерье», шадси «радостный, веселый» и др.

Младшая группа информантов знает, но не употребляет в речи такие слова, как аждагъа «дракон», багъана «причина, предлог», белики* «может быть, допустим», вазир «министр», гулманди

* Слово *белики* не заменяется русским эквивалентом, а вытесняется исконным даргинским словом *рахли* «если; может быть, допустим».

«тонкий шелковый платок», гІяббаси «монета», дард «горе, печаль», дурмаби «голупцы», жура «сорт, вид», загъру «яд», камал «ремень, пояс», ламарт «вероломство, предательство», лишан «прицел; знак», макру «хитрость, коварство», назикси «тонкий», пал «гадание», бамма «вата», пешкеш «подарок», тапанча «пистолет, револьвер», тумен «десять рублей, червонец» хара «шелковая материя», хурджин «хурджин, переметная сумка», чятир «палатка; шатер; зонт», чирагъ «свеча; лампа» шинжир «цепь», диван «суд», жавгъар «жемчуг» (всего 27 слов). Они заменяются их эквивалентами, заимствованными из русского языка: аждагъа-дракон, багъана-причина, вазир-министр, ГІяббаси-кепек, дурмаби-голупцы, жура- сорт, загъру-яд, камал-ремень, бамма-вата, пешкеш-подарок, тапанча-пистолет, чятир-палатка, чирагъ- свеча, шинжир-цепь, диван-суд, жавгъар-жемчуг и др.

Эта же возрастная группа не знает лексику азархана «больница», апарак «абрек; чужой», ахта «кляча», азадси «свободный, вольный», ашкарси «явный, ясный, очевидный», базриган «торговец», дарбиш «дервиш», дярчин «корица», дастІуман «салфетка, тряпка», жут «пара», кагъра «янтарь», махмур «бархат», миxикІ «гвоздика», мугъур «печать», пардав «занавеска, занавес», сияхІ «список, перечень», сангар «укрепление, баррикада», хаканаз «совок», хандакъ «окоп; ров», чяли «забор, ограда, изгородь», шагъи «пятак, пять копеек» (всего 21 слов).

Средней группе носителей даргинского языка лексика, отмеченная как неизвестная младшей группе информантов, несколько сокращается. Этой возрастной группе известны такие слова, как апарк «абрек; чужой», ахта «кляча», базриган «торговец», дарбиш «дервиш», жут «пара», миxикІ «гвоздика», мугъур «печать», пардав «занавеска, занавес». Однако лексика пассивная для младшей возрастной группы носителей языка остается такой же и для средней.

Старшая возрастная группа из неизвестных младшей и средней возрастным группам слов знают, и иногда употребляют в речи лексемы кагъра «янтарь», пардав «занавеска, занавес», ахта «кляча», базриган «торговец», ашкарси «явный, ясный, очевидный», мугъур «печать».

Совсем утраченными можно считать слова дастуман «салфетка, тряпка», сияхI «список, перечень», хаканаз «совок», азархана «больница», шагъи «пятак, пять копеек», дярчин «корица», сангар «укрепление, баррикада», хандакъ «ров, окоп», дараза «балансир акробата» (всего 10 слов).

В речи и средней возрастной группы и в группе людей преклонного возраста эти лексемы заменяются русскими эквивалентами: дастуман салфетка, сияхI- список, хаканаз- совок, азархана- больница, шагъи- кепек, хандакъ- окоп и др.

Утраченные слова часто передаются описательно, например, дараза «балансир акробата» - «пагъливанла някъвазибил мурчI» (палка, которая в руках акробата), дастуман «салфетка» - «някъ ушкан» (то, что вытирает руку), хаканаз «совок» - «жяргни айхъян» (то, что собирает мусор).

Таким образом, интенсификация старения персидской лексики отмечается в промежутке между старшей и младшей возрастными группами информантов-носителей даргинского языка.

Это в абсолютной хронологии соответствует промежутку между 1945 и 1975 годами. Таким образом, интенсификация процесса архаизации персидских заимствований в даргинском языке приходится на послевоенный период, которая еще более заметна на уровне нынешних носителей даргинского языка младшей группы.

Учитывая общеизвестное влияние русского языка на дагестанские народы можно уверенно утверждать, что ускоренная архаизация персидских заимствований в даргинском языке происходит не из внутренних закономерностей развития даргинского языка, а обусловлена русским адстратом. На это же указывает факт замены персидских заимствований русскими эквивалентами.

Литература:

1. Абрамян Р. Пехлевийско-персидско-армянско-русско-английский словарь. – Ереван, 1965.

2. Гафаров М.А. Персидско-русский словарь. Т. 1-2, - М., 1974.
3. Забитов С.М., Эфендиев И.И. Словарь арабских и персидских лексических заимствований в лезгинском языке. – М., 2001.
4. Исаев М.-Ш. А. Русско-даргинский словарь. М., 1988.
5. Курбайтаева Н.Б., Эфендиев И.И. Словарь арабских и персидских лексических заимствований в лакском языке. –М., 2002.
6. Овчинникова И.К. Русско-персидский словарь. – М., 1965.
7. Персидско-русский словарь. Т. 1-2 (под редакцией Ю.А. Рубинчика) – М., 1970.
8. Халиков К.Г., Эфендиев И.И. Словарь ориентализмов в аварском языке. М., 2002.
9. Эфендиев И.И. Персидские лексические заимствования в системе нахско-дагестанских языков. М., 2003.
10. Ягелло И.Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. – Ташкент, 1910.

ТИПОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ АВАРСКИХ НАРЕЧИЙ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИРАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Исторические закономерности развития лексики языков в области наречий, так же ярко свидетельствуют о проявлении этих законов, как и в области других грамматических категорий. Даже при самом беглом сравнении отдельных форм и значений наречий с наречиями современных нахско-дагестанских языков мы обнаруживаем разительные подтверждения этого положения. Развитие и совершенствование лексики языков в области наречий шло самыми разными путями, одни формы отмирали, другие возрождались (Кацнельсон 1965; Климов, Алексеев 1980).

Причем образование наречий в иранских и аварском языках идет по общим типологическим путям, ср. перс. эсман «по имени, поименно, номинально», которое образовано морфологически при помощи аффикса –ан. Другие наречия персидского языка образуются без данного аффикса, ср. асудэ «тихо, спокойно, мирно».

В ряде случаев образуется наречный синонимический ряд, ср. эштэбахан, эштэбахи «ошибочно, по ошибке». Первый синоним является только наречием, второй наречием и прилагательным одновременно, ср. эштэбахи «ошибочный, вводящий в заблуждение».

Персидское наречие может иметь две фонетические формы, ср. ашкар // ашекар «ясно, очевидно, явно, открыто, публично, откровенно» (Перс.-Русск.сл. 1970,

В качестве наречия выступают и словосочетания, ср. аз асл «с самого начала». Здесь представлена основа асл «начало, основа» в сочетании с предлогом аз, употребляющегося в значении исходного падежа.

По своей структуре аварские наречия можно разбить на две большие группы: простые (непроизводные) и производные. К

простым наречиям мы относим такие, в составе которых нельзя выделить словообразовательные морфемы (Исаева 1986) .

К наречиям этой группы часто присоединяется выделительная частица -го, которая придает наречию оттенок усиления, утверждения: сонго «именно вчера», цебего «именно раньше», дагыго «именно мало» и т. д. Непроизводные наречия иногда содержат в своей структуре показатель грамматического класса асклов «близко» (I кл.), асклой (II кл.), асклоб (III кл.), асклор (мн. ч.); цеве «вперед» (I кл.), цее (II кл.), цебе (III кл.), цере (мн. ч.); жанив «внутри» (I кл.), жаний (II кл.), жаниб (III кл.), жанир (мн. ч.) и т. д. Компонент асклов, точнее его корневой элемент аск- можно сопоставить с иранским термином аста- «низ», а основа жанив имеет семантическую связь с персидским жан «душа, нутро»

Наряду с простыми или производными наречиями мы имеем в аварском языке большое число произвольных наречий, образование которых нетрудно описать. Ниже мы рассматриваем каждую семантическую группу наречий по способу их образования.

Как известно, наречия в аварском языке образуются от различных частей речи, не теряя при этом с ними смысловую связи. Наречия, образованные от существительных, связаны с предметным значением, наречия, образованные от прилагательных - со значением качества и т. д. Наречия, пополняясь за счет других знаменательных слов, сами становятся источником образования послелогов, союзов, частиц (Климов 1986).

Процесс адвербиализации разных частей речи происходит постепенно, в течение длительного времени. Нередко наблюдаются случаи переходного характера, в связи с чем возникают трудности в отнесении тех или иных слов к наречиям или к другим частям речи.

В работах исследователей аварского языка П. К. Услара и Л. И. Жиркова мы находим мало сведений об образовании наречий.

В приложении к «Аварско-русскому словарю» Л. И. Жирков пишет: «Наречие в аварском языке представляется более первичным, чем прилагательное. От наречия путем прибавления родовых окончаний (иногда с фонетическими изменениями) образуется прилагательное. От него же при помощи форматива -лъя образуется отвлеченное (абстрактное) имя, и, наконец, через посредство отвлеченного имени - отыменный глагол на -лъизе,

например: лъик1 «хорошо» - отсюда лъик1аб «хороший», «добрый», лъик1лъи «доброта», лъик1лъизе «хорошеть», «улучшаться», «выздоровливать». Автор прав, когда говорит, что наречие является в аварском языке более первичным, чем прилагательное, лишь в тех случаях, когда основные (непроизводные) наречия служат основой для образования имени прилагательного и других частей речи.

В аварском языке, как известно, наблюдается интенсивный процесс образования наречий от всех самостоятельных частей речи. При образовании наречий в аварском языке наблюдаются случаи окаменения форм основных и местных падежей.

При ограничении отыменного наречия от существительного мы руководствуемся тем, что оно перестает изменяться по другим падежам и приобретает суффикс наречия, ср. г1ерт1линиб (г1ерт1линибе, г1ерт1линиса), образованное от г1ерет1 «кувшин». Эти формы с суффиксом -ни уже не могут иметь других серий в местном падеже. Формы г1ерет1альуб, г1ерет1альубе, г1ерет1альуса следует считать существительными пятой серии местных падежей, так как от их основы могут быть образованы и формы других местных падежей. Основа г1ерет, возможно, иранского происхождения, ср. орту-.

По своему происхождению наречия во всех современных языках делятся на первообразные и производные.

Первообразные наречия - это наречия, которые с точки зрения современных языков представляют собой слова, неразложимые на отдельные морфемы, не имеющие при себе никаких формальных показателей и согласно своим лексико-семантическим и грамматическим свойствам употребляющиеся всегда в наречном значении. Неразложимость первообразных наречий на составные элементы в некоторой степени условна, ибо, по признанию многих ученых «наречия, неразложимые с точки зрения современного языкознания, исторически были производными» (Галкина – Федорук 1939, 7). Каждое из этих слов имеет свою собственную длительную историю фонетического, лексико-семантического и грамматического развития.

Многие из них в современном языке неразложимы на составные морфологические части, а у тех, которые так или иначе

могут быть разложены на такие части, иногда оказывается, что корневая или аффиксальная части в современном языке отдельно не употребляются или употребляются в совершенно ином звучании. Большинство первообразных наречий имеет общее распространение во всех языках.

Наречие в аварском языке определяется как самостоятельная часть речи, морфологически характеризующаяся ограниченностью изменения, относящаяся в порядке примыкания к глаголу, синтаксически служащая качественным определением действия и выражающая обстоятельственные отношения (пространственно-временное, целевое и др.). Наряду с тем, что наречие определяет глагол, оно в порядке примыкания может относиться и к прилагательному: *цлакь лъикIав чи* «очень хороший человек». Здесь, как видно, выражается качество или степень признака. Наречие *цлакь* «очень» имеет параллель в иранском *чаг* «здоровый, сильный».

Соответственно изложенному наречия можно разбить по их функции на две основные группы: 1) наречия определительные (качественные / *лъикI* «хорошо», *лъелго* «пешком» / и количественные / *глемер* «много», *дагь* «мало») и 2) наречия обстоятельственные (*квешезе* «назло», *жакъа* «сегодня» и т.д.).

К первой группе надо отнести наречия, обозначающие качество действия, образ и способ действия или же обозначающие оттенки действия или состояния. Ко второй группе относятся, главным образом, наречия, выражающие временные и пространственные отношения, а также наречия, выражающие причину и цель действия.

Для аварского языка характерно обилие переходных форм от имени существительного к наречию. В современном аварском языке существуют исторически уже сложившиеся, морфологически оформленные неизменяемые наречия, которые служат для указания места, времени, качества, образа действия и т. п.

К этой группе относятся коренные наречия, происхождение которых, зачастую, трудно установить, как, например, *чIегIег* «черно», *лъикI* «хорошо». Сюда же относятся и первообразные наречия, которые служат основой и для глагола и для

прилагательного, как, например: ч1ах1а «крупно» - ч1ах1аяб «крупный» - ч1ах1альize «стать большим, крупным».

Существуют и производные наречия, которые могут быть разложены на основы и аффиксы. Эти производные наречия могут состоять из разных частей речи и представляют живой способ образования наречий от имен существительных, глаголов и от других частей речи. Разряд наречий комплектуется также за счет окаменелых форм, оторвавшихся от схемы склонения имени или изменения глагола, например:

от мег1ер «гора» - маг1арда «в горах» и др.;

от глагольной основы квешезе «быть злым» - квещдани «на зло».

Часть наречий сохранила способность изменяться по некоторым местным падежам, например:

рукъоб «дома» - рукъобе «домой», къаданиб - къаданибе «в изголовье». Такой процесс перехода существительных в определенном падеже в категорию наречия наблюдается в аварском языке и поныне.

Важным морфологическим признаком наречий является соотносительность их с другими частями речи:

с существительными: сордо «ночь» - сардилъ «ночью»;

къо «день» - къол «подённо»;

с прилагательными: бец1аб «тёмный» - бец1 «темно»;

лъик1аб «хороший» - лъик1 «хорошо»;

с числительными: цо «один» - цин «однажды»; к1иго «два» - к1иц1ул «дважды»; с глагольными формами: буго «имеется» - бугельул «поскольку имеется».

Соотносительность наречий с другими частями речи показывает на их историческую давность. Наблюдается явная тенденция перехода наречий в другие грамматические категории, большей частью в служебные слова (например, послелог). Процесс перехода наречий в превербы в аварском языке явление сравнительно новое. Например:

т1асальгъгине «простить» (из т1аса «сверху» и лъугъгине «спускаться»);

г1одоч1езе «сидеть» (из г1одо «на пол» и ч1езе «стоять»).

Отличие наречия от приставки заключается в том, что последняя не передает самостоятельного представления о действии и лишь связана с семантикой другого слова - глагола.

Наречия в аварском языке можно разбить на следующие группы:

наречия времени: жакъа «сегодня», къад «днем», гъанже «теперь», жеги «ещё», цудунго «рано», ихдал «весной», риидал «летом», къаси «вечером», кида «когда», кидаго «всегда», церекъад «позавчера», гъабсаг'лат «сейчас», сон «вчера», метер «завтра», радал «утром»;

и др.; наречия места: квараниса «справа», рик'кладаса «далеко», т'ласа «наверху», кибниги «нигде» и др.;

наречия образа действия: лъик'л «хорошо», бац'ц'лад «чисто», хъатамасан «второпях», лъелго «пешком», гъадин «так», кин «как», хех (го) «быстро», гъуин «сладко», лъик'л(го) «хорошо»; и др.;

наречия меры и количества: г'лемер «много», дагъ «мало» и др.;

наречия причины и цели: квешезе «назло», махсараде «в шутку» и др.

Литература

Исаева З.М. Роль пространственных наречий в образовании сложных глаголов аварского языка// Вопросы словообразования дагестанских языков. – Махачкала, 1986.

Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. - М.-Л., 1965.

Климов Г.А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. - М.: “Наука”, 1980.

Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. - М.: “Наука”, 1986.

Персидско-русский словарь. М., 1979.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОНИМОВ И ПРОЗВИЩ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА ИРАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Прежде чем перейти к анализу лексико-семантических групп нарицательных слов, послуживших источниками возникновения имен, следует указать на то, что одно- и двухосновные исходные единицы рассматривались отдельно. Анализ лексико-семантических групп нарицательных имен и прозвищ, положенных в основу однокорневых единиц, подвергающихся усечению, позволяет выделить следующие блоки:

1. Название внешних и внутренних свойств и признаков человека: Сачбаш «Волосатый».

2. Группа имен, в основе которых лежат имена богов и упоминания о них ("Теофорные имена") - уст. Танрыхан - имя бога природы; Абдулла –раб бога и т.д.

3. Именование людей по месту жительства, по роду занятости, социальному положению, по родственной принадлежности: Бакылы «бакинец», Овджу «охотник».

4. Названия растений, растительного мира: Агаджкими «как дерево», Алмабаш «похожий головой на яблоко»

5. Названия животных, как правило, умных и сильных: Айы «медведь», Тюлкю «лиса», Гурд «волк» .

6. Названия природных явлений: Кюнбаты «заход солнца» .

7. Группа, обозначающая ведение военных действий, борьбы, связанная с техникой боя, защитой: Муһарибэ гызышдыран «поджигатель войны»

8. Обозначение абстрактных и психических понятий, душевного состояния, образа мыслей, взглядов и чувств людей: Алчаг «подлый», Рэзил «мерзкий» .

9. Названия, не поддающиеся классификации из-за единичности антропооснов типа: Байрамсевер «любитель

праздников». Результаты количественного анализа лексико-семантических групп односоставных ИЕ дают основание утверждать, что среди однокорневых единиц доминирующее положение занимают заимствованные имена. Наиболее частотными являются арабские имена. Их состав образуют 80 ИЕ. Средней степенью представленности обладают персидские и русские имена (28 и 32 ИЕ соответственно). Обращает внимание на себя то, что личные имена в образовании дериватов участвуют мало.

Как показывает анализ, источником формирования личных имен, послужила нарицательная лексика. Однако не все названия предметов окружающего мира использовались для этой цели в одинаковой мере. Явное предпочтение отдавалось определенным лексико-семантическим разрядам апеллятивов: названиям свойств и признаков человека; теофорным именам, именованию людей по месту жительства, социальному положению, роду занятости, родственной принадлежности.

Малочисленную группу лексико-семантических разрядов апеллятивов составляет группа имен, обозначающих ведение военных действий, битвы, борьбы и названия растений. Состав остальных лексико-семантических групп антропооснов представлен небольшим количеством.

Однако следует обратить внимание апеллятивы, не поддающиеся классификации из-за разброса значений, представленных в их лексических основах.

Анализ лексико-семантических групп нарицательных имен, относящихся к первым компонентам сложных антропонимов и прозвищ, позволяет выделить следующие блоки:

1. Ведение военных действий, борьбы, название оружия, его деталей: Ордухан «глава войска».

2. Название внешних и внутренних свойств и признаков человека:

Эдалэтли «Справедливый».

3. Название животных: Айы «медведь».

4. "Теофорные" имена: Танрыхан «бог + хан».

5. Группа абстрактных понятий, таких как "слава", "честь", "победа":

Гэлэбэ чалан// Галиб олан «Победитель».

6. Именование людей по роду занятий, социальному положению: Арабачы «возчик».

7. Владение, наследство: Варис Оглан «парень-наследник».

8. Обозначение абстрактных и психических понятий душевного состояния, образа мыслей, взглядов, чувств людей: Эсэби «Нервный» и т.д.

Одним основных источников формирования сложных структур (первых компонентов) служат нарицательные имена, входящие в следующие лексико-семантические блоки: "название внешних и внутренних свойств человека".

В группу средней наполняемости входят следующие апеллятивные номинанты: "абстрактные понятия, такие как "слава", "честь", "именование людей по роду занятий, социальному положению", "обозначения абстрактных и психических понятий".

Наименьшей репрезентативностью обладают следующие лексико-семантические блоки: "названия животных", имена обозначающие "владение", "наследство".

Анализ лексико-семантических характеристик опорных имен позволил выявить следующие номинации:

1. Название свойств и признаков человека: Агыл Баш «умная голова». Название умных и сильных животных: Тюлкю Баш «хитрая голова».

3. Именование людей по роду занятости, по социальному положению: Мэшэ кёзэтчиси «лесник».

4. Группа имен, обозначающих ведение военных действий, битвы, борьбы, название оружия и его частей: Ох Вуран «Стреляющий из лука».

5. Обозначение абстрактных и психических понятий душевного состояния, образа мыслей, взглядов, чувств людей: Ялан данышан «Лживый человек».

6. Обозначение дружбы: Досту чох «имеющий много друзей».

7. Группа имен, обозначающая такие понятия как «совесть», "слава", "честь", "мир": Виджданы вар «имеющий совесть».

8. Группа имен, несущая в себе определение господства: Агалыг эдэн «Господствующий».

9. Имена, подчеркивающие положительные качества народа: Гонагчыл «гостеприимный».

10. Названия растений, реалий растительного мира: Габаг Баш «похожий головой на тыкву».

11. Названия не подлежащие классификации вследствие разнообразной широкой представленности пестроты картины их значений: Эли Дэмир «железная рукав» и т.д.

Согласно данным, представленным в именнике одним из основных источников возникновения композитных структур личных имен является нарицательная лексика, входящая в лексико-семантический блок "название свойств и признаков человека". Примечательно при этом то, что он занимает первое место не только среди двухосновных, но и среди одноосновных апеллятивов.

Существенную роль в создании двухосновных единиц принадлежит также группе абстрактных и психических понятий, группе имен, заключающих в себе понятие дружбы, именам обозначающим такие абстрактные понятия как "слава", "честь", "мир".

Как показывает анализ, нарицательная лексика, в основе создания имен и прозвищ, весьма разнообразна по своей тематической принадлежности. Однако не все названия предметов окружающего мира использовались для этой цели в одинаковой мере, что тесно связано с их генезисом.

Явное предпочтение при образовании азербайджанских имен и прозвищ отдается лексико-семантическим разрядам апеллятивов: названиям внешних и внутренних свойств и признаков человека; наименованиям ведения военных действий, обозначениям оружия и его частей; и гораздо реже людей по роду занятий, социальному положению, месту жительства.

Широкое использование нарицательных слов определенной семантики при именовании людей объясняет незначительную роль прозвищного начала в личных именах. В специальной литературе процесс создания СИ относится к акту более или менее свободного выбора самонаименования. С этим определенно связано стремление человека, называть себя именами, по возможности, нейтральными или же вызывающими положительные эмоции, иногда возвышающими себя над другими.

Семантика антропооснов, отражая особенности общественно-экономической жизни народа, свидетельствует о предпочтении

древними азербайджанцами имен, отражающих их различные доблести, различные добродетели. Азербайджанцы предпочитали употреблять для именованя людей названия деревьев, цветов, различных растений, мифологическую лексику (Севортян 1966; Ширалиев 1983).

Итак, анализ морфологических свойств опорных имен и их составляющих подтверждает положение о том, что СИ могут образовываться от любой части речи. Однако онимизация частей речи не одинакова. В исследуемом материале этому процессу подвергались преимущественно существительные и прилагательные и весьма редко глаголы.

В результате анализа установлено многократное использование одних и тех же основ в составе композитов, что особенно характерно для десубстантивных и деадъективных ИЕ.

Антропонимия азербайджанцев такая же неисследованная область ономастики, как и теонимия, патронимия, космонимия, зоонимия и др. Современная азербайджанская антропонимия свидетельствует о большом русском и европейском влиянии. Азербайджанские имена можно подразделить на две группы: домусульманские имена и мусульманские имена. Обе группы довольно широко представлены, потому что подавляющая часть азербайджанской ономастики образуется при помощи имен.

Антропонимы второй группы за редким исключением широко употребляются в настоящее время. Это объясняется глубоким влиянием мусульманской религиозной традиции. Напротив, антропонимы первой группы употребляются очень редко, они все больше и больше забываются и в виде реликтов сохраняются только в топонимах и других собственных именах. Смысл многих таких антропонимов сейчас утрачен, его можно установить лишь комбинаторным методом.

Литература

Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. –М., 1966.

Ширалиев А.М. Диалекты и говоры азербайджанского языка. – Баку, 1983.

СТРУКТУРА ЗВУКОПОДРАЖАНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ

Звукоподражательные слова и их дериваты часто выступают как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи (Влахов 1986; Газов-Гинзбург 1965). В рамках экспрессивной функции можно выделить 3 субфункции:

1) эмоциональную (выражение какой-либо эмоции или чувства); 2) оценочную (выражение одобрения или неодобрения); 3) собственно экспрессивную (усиление того, что называется в этом слове или в других синтаксически связанных с ним словах). Собственно экспрессивная субфункция присутствует практически во всех случаях употребления онома톱ов (за исключением наиболее генерализованных гиперонимов), так как экспрессивность слова достигается благодаря выразительной звуковой форме. Эмоциональная и оценочная субфункции представлены не всегда (Арнольд 1959; Воронин 1990).

Если звукоподражательное значение ономатопа реализуется в тексте хотя бы в средней или в незначительной степени, то наиболее адекватным будет такой его перевод, который соответствует оригиналу по трем основным параметрам;

1. звукоподражательный характер слова, обеспечивающий его экспрессивность;
2. его принадлежность к определенному стилистическому регистру;
3. определенная оценка и эмоциональная окраска слова:

"That's all right. We can smoke till they start screaming at us", said.

(CR, 74) Ничего! Можно покурить, пока на нас не заорут, - говорю. (НПР, 50) Однако обычно степень реализации звукоподражательного значения онома톱ов, употребленных в

экспрессивной функции, варьируется от нулевой до минимальной, так как на первый план выдвигается уже не изображение того или иного звучания, а выражение эмоции, оценки и экспрессии(Гак 1977; Горохова 1996;2000).

В современном азербайджанском языке изобразительная лексика также занимает значительное место. Так, например, от подражательного корневого компонента шырыл- образуется глагол шырылдамаг «журчать». Глаголообразовательный аффикс -дамаг с его мягкорядным вариантом -дэмэк способствует появлению ряда моделей с изобразительными корнями типа: джинкил-дэмэк «звенеть». Выделяемость изобразительной основы подтверждается наличием ее в составе существительного джинкилти «звон» и прилагательного джинкилтиги «звонкий». Изобразительные глаголы азербайджанского языка образуются и аналитически, ср. зэнк чалмаг «звонить» и т.д. Поэтому при выборе лексического соответствия необходимо учитывать прежде всего стилистическую и эмоциональную окраску слова.

В следующем примере глагол лаять выполняет в тексте все три субфункции: эмоциональную (выражает возмущение говорящего словами собеседника), оценочную (выражает неодобрение) и собственно экспрессивную (как ономотоп и как стилистически сниженный элемент).

При переводе произошла неоправданная, на наш взгляд, стилистическая нейтрализация, так как глагол сагр, обладая эмотивно-оценочным компонентом значения, не обладает экспрессивностью, поскольку не является звукоподражанием и принадлежит к стилистически нейтральной

лексике:

"You understand, you bum, and yet you carp at the Soviet government. You're a

fool, a real fool! (RL, 303). Понимаешь, бездельник, лаешь на советскую власть. Дурак,настоящий дурак! (ПП, 98)

Таким образом, способ перевода ономотопа в художественном тексте находится в непосредственной зависимости от выполняемой им функции. В тех случаях, когда степень реализации его звукоподражательного значения находится в пределах от максимальной до средней, перевод осуществляется посредством

звукоподражательного эквивалента или аналога (звукоизобразительная, дескриптивная, идентифицирующая, характеризующая, интенсификации эмоционального воздействия, симплифицирующая, эстетическая функции). При этом необходимо также принимать во внимание все прочие компоненты значения ономотопа в тексте, связанные с выполнением им той или иной функции. Если степень реализации звукоподражательного значения является нулевой или минимальной, звукоподражательным характером слова в большинстве случаев можно пренебречь, сохраняя в переводе стилистическую окрашенность и экспрессивность языковой единицы (экспрессивная, иногда эстетическая функции).

В персидском языке звукоподражательные слова, как и в азербайджанском языке, в отличие от междометий не выражают эмоций и побуждений, а воспроизводят разного рода звуки, шумы, крики животных и т.п., напр. хисир хисир звукоподражание чириканию, щебетанию, бе-е звукоподражание блеянию овцы, козы, динь-динь звон колокольчика.

Большинство персидских звукоподражательных слов одновременно может употребляться как имена существительные, например, хилп-хилп имеет значения «хлоп-хлоп» и «хлопанье», миу-миу - «мяу-мяу» и «мяуканье», они выступают в качестве именной части сложных глаголов: бе-е кардан «блеять», миу-миу кардан «мяукать». Ряд звукоподражательных слов персидского языка служит базой для образования имен существительных и прилагательных (Перс.-рус. сл. 1970, 837).

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. - 351 с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе. - М.: Высшая Школа, 1986. -416с.
3. Воронин СВ. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. -Л.: ЛГУ, 1990.-200 с.
4. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? - М.: Наука, 1965.- 183с.

5. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. - М: Международные отношения, 1977.-264 с.

6. Горохова Л.А. О критериях выделения поля звукоподражания//Проблемы гуманитарного образования: содержание и методы, Вып. 3. -Пятигорск: ПГЛУ, 1996. - С. 35-38.

7. Горохова Л.А. О некоторых закономерностях перевода ономатопов в зависимости от функции, выполняемой ими в тексте // Лингвистика. Перевод, межкультурная коммуникация, Вып. 2. - Пятигорск: ПГЛУ, 2000.-С. 110-120.

8. Персидско-русский словарь. М.,1970.Т.2.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИЧАСТИЯ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРЕВНЕИРАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Историческое развитие причастий в иранских языках во многих своих аспектах имеет много точек соприкосновения с развитием причастий в тюркских языках, в том числе и в кумыкском. Сопоставительное изучение причастия в указанных языках выявляет общие тенденции в развитии их морфологических структур.

В древнеиранских языках, например, медиальное причастие презенса засвидетельствовано в одной форме *xšumna* /*xšayamnah*/ 'царствующий'. Сюда же относят форму винительного падежа *jūmnam* /*jūamnam*/ 'конец' от корня /*jua-*/ 'исчерпываться', ср. ав. *ajūamna-* /*a-jūamna-*/ 'неисчерпаемый'.

Встречаются регулярные формы от слабой степени корня: /*basta-*/ < /*bnd-ta-*/ 'связанный'; /*para-i-ta-* от /*pa-ra-ai-*/ 'двигаться вперед'; /*para-brta-*/ н.-перс. *burd*) от /*para-bar-*/ 'уносить, отбирать'; /*druxta-*/ от /*drug-*/ (/druj-) 'лгать'. Выписано *d^ur°*, это /и/ могло и выговариваться, ср. н.-перс. /*di-ruy*/; /*mrta-*/ от /*mar-*/ 'умирать' (не /*marta-*/ н.-перс. *murd*); /*ava-jata* (/jⁿ-*ta*) от /*ava-an-*/ 'убивать'; /*dita-*/ от *jdl-j* 'отбирать', през. /*di-na-*/; /*ni-pis-ta-*/ от *ni-paift-* 'писать', през. /*pisa-*/ в имперфекте /*a-pisan*/ 'украсили'.

Встречаются и формы с сильной огласовкой корня: /*da-ta-*/ 'закон' от /*da-*/ < *dha-*, ср. др.-инд. *hita-* < **dho-*; /*fra-ma-ta-*/ от /*fra-ma-*/ 'приказывать', ср. др.-инд. *mita*; /*karta-*/ от /*kar-*/ 'делать', *krtm* можно бы читать и **/krtam/*, но новоперсидский дает *kard* [Основы 264].

Значение — пассивное для корней с основным значением переходности, активное — при непереходности: *xšacam taṃa ḥaca aṃaxam taṃaya parabrtam* /*para-brta-m*/ *aḥa* 'царство, которое было

отобрано у нашего рода' ; xsn-ta /xsnutah/ amiŋ 'я удовлетворен'; pa-raita /para-i-ta/ 'отправившиеся'.

При исчезновении древнего перфекта можно уже в древнеперсидском увидеть тенденцию к созданию системы описательного перфекта при помощи причастия на /-ta/ и связки (часто опускаемой).

По своим генетическим и семантическим особенностям этот формант близок к иранскому причастиям на -та // -нг . В древнеперсидском языке представлено активное причастие превенса на /-nt / засвидетельствовано от пассивными для переходных глаголов с родительным падежом агенса (для местоимений — в полной или энклитической форме), и активными для непереходных [Основы 265].

Аналогичное развитие характерно и для кумыкского причастия, совмещающего в себе признаки глагола и имени прилагательного. Подобно прилагательному причастие обозначает признаки предмета. В кумыкском языке аффиксы причастий следующие:

1) -гъан , -ген , например: ачылгъан чечек — распутившийся цветок; эзилген емиш —мятые фрукты; болгъан иш—происшедший случай; сюрюлген ер — вспаханное поле;

2)-агъан, -еген, например: учагъан къуш —летающая птица, гетеген адам—уходящий человек, охуйгъан къыз - читающая девушка;

3)-ажакъ, -ежек , например: сувланажакъ ер — участок, который будет орошен, бёлонежек топуракъ земля, которая будет распределена, айтажакъ сёзюм —слово, которое я скажу;

4) -ар , -ер , например, янар от «огонь,который возгорится», агъар сув «текучая вода», гелер адам «человек, который придет».

Все причастия, кроме образованных с архаичным аффиксом -малы// -мели, имеют отрицательную форму, например: чакъырылмагъан къонакъ —незванный гость, билинмеген сыр —неузнанная тайна, учмайгъан къуш

«птица, которая не летает», учмагъан «птица , которая не полетела» и

т.д. Причастия могут выражать также категорию залога, например: юхлайгъан гёзел — спящая красавица (основной залог),

язылгъан кагъыз —написанное письмо (страдательный залог), алынагъан китап — покумаемая книга (возвратный залог), ябушагъан адамлар —борющиеся люди (взаимно-совместный (залог), яздырылгъан кагъыз —заказанное письмо (понудительный (залог)).

Большинство причастий имеют временное значение. В основном имеется три времени: прошедшее, настоящее, будущее. Значение прошедшего времени выражается, следующими аффиксами:

а) -гъан -ген, например: язылгъан хабар - написанный рассказ; жыйылгъан халкъ собравшийся народ; чёпленген емишлер — собранные фрукты; къабул этилген къарар - принятое решение, охугъан адам—ученый человек;

б) - агъан, - еген . Причастия с этими аффиксами обозначают признак действия, совершаемого главным образом в настоящее время, например: ойнайгъан уланяш — играющий мальчик; оьтеген къатынгиши —проходящая женщина; агъагъан сув — текущая, вода; тигилеген уьй—строящийся дом;

в) -ажакъ, - ежек. Причастия, образованные этими аффиксами, выражают признак категорического действия в будущем, например: гележек адам —человек, который обязательно придет, айгылажакъ сёз —слово, которое нужно обязательно сказать и т.д.

Причастия, как и глагол, управляют падежом стоящего перед ним существительного, например: уьйге барагъан яш -мальчик, идущий домой.

Подобно глаголам, причастия могут употребляться с наречиями, например: артыкъ сёйлейген инсан —много говорящий человек; яхшы язылгъан шиъру — хорошо написанное стихотворение.

Причастия не спрягаются в отличие от личных форм глагола. Нопричастие с аффиксами -гъан, -ген употребляется с личными местоимениями в функции субъекта: мен ачгъан къапу — дверь, которую я открыл, сен ачгъан къапу —дверь, которую ты открыл , о ачгъан къапу —дверь, которую он открыл , биз ачгъан къапу —дверь, которую мы открыли , сиз ачгъан къапу —дверь, которую вы открыли, олар ачгъан къапу - дверь, которую они открыли. Категорическое будущее время образуется путем

присоединения аффикса -ар/-эр к основе глагола, например: алар, гелер, охур, ишлер. К основе времени присоединяются аффиксы лица: язарман —я буду писать, язарбыз будем писать, язарсан — ты будешь писать, язарсыз—вы будете писать, язар —он будет писать язарлар—они будут писать.

Для более живого описания события в стилистических целях иногда вместо прошедшего времени употребляется некатегорическое будущее время.

Представляет интерес наличие в кумыкском языке в составе ряда субстантивированных основ аффикса причастия прошедшего времени на -дыкъ, -дукъ, -дик и т.д. Так, например, в составе основы суюдюм таякъ «палочка любви» представлена форма -дюм, восходящая к праформе -дюгом : суюдюгом таякъ [Кадыраджиев 2006] и образовавшаяся как результат стяжения : суюдюгом - суюдюм . Этот аффикс широко представлен в огузских языках, ср. азерб. билдийим мэсэлэ «вопрос, который я знаю», охудугум китаб «книга, которую я читал», яздыгым мэктуб «письмо, которое я написал» и т.д.

История развития иранских причастий на -та// -нт и тюркского причастия на - дык позволяет говорить об общности их типологического развития как в фонетическом, морфологическом, так и семантическом аспектах.

Литература

Кадыраджиев К.С. Тюркско-иранский морфологический параллелизм // Морфолого-синтаксическая структура тюркских и нахско-дагестанских языков . Махачкала, ДГПУ.-2006 .

Основы иранского языкознания .Древнеиранские языки. М., 1979.

АДВЕРБИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ С ИРАНскими И ТЮРКскими ТИПОЛОГИЯМИ

Адвербиальные фразеологические единицы характеризуются устойчивостью компонентного состава и функционально соотносимы с наречием. Адвербиальные фразеологические единицы характеризуются полной неизменяемостью, ср. перс. эттэфаган 1) «случайно, вдруг, неожиданно; 2) между прочим, кстати, как раз; 3) вместе, сообща; 4) единодушно, единогласно».

Адвербиальных фразеологических единиц в современном английском языке значительно больше, чем адъективных, и они представлены разнообразными структурными типами с целостным или разделительно целостным значением [Кунин 1972:142].

Исследуемые фразеологические единицы выполняют в предложении функцию обстоятельства. В состав фразеологических единиц могут входить любые части речи. Наиболее распространены фразеологизмы с глагольным и субстантивным стержнем. Следует отметить, что отнесенность всего фразеологизма к этой или иной части речи не всегда совпадает с отнесенностью ее структурного стержня. Так, фразеологическая единица «in the twinkling of an eye» имеет субстантивный стержень, но по общему значению целого и синтаксическим возможностям должна быть отнесена к адвербиальным, ср. би атам исчерпывающе полно, самым совершенным способом» (Перс.-Рсл. 1970, 234).

В зависимости от того, какой части речи эквивалентно все словосочетание в целом, фразеологизмы подразделяются на: субстантивные, глагольные, адъективные, адвербиальные фразеологические единицы.

Исследуются семантические параметры присущие адвербиальным фразеологическим единицам, в частности, их тематика и субъективно-оценочная коннотация.

У адвербиальных фразеологических единиц существуют два типа синтаксической связи: подчинительная и сочинительная (с преобладанием подчинительной). Многие из них начинаются с предлогов *at, by, on, under, with* и др.: *at (или in) the (very) nick of time* - в самый последний момент; *by word of mouth* - устно; *on one's own hook* (разг.) - самостоятельно, на свою ответственность, на свой страх и риск; *with all one's heart (and soul)* - от всей души, от всего сердца, всей душой, всем сердцем, ср. перс. эджмаан «все вместе, сообща».

В целом для русского языка характерны те же типологические черты, но с некоторыми отличиями. В русском языке при образовании наречий принимают активное участие предлоги типа *от, на, в* и т.д.

В типологическом аспекте к английскому и русскому языкам близка наречная система персидского языка, где, например, предлог *бэ* также образует ряд наречий, ср. *бэморур* «постепенно», *бэмоваджеһэ* «лицом к лицу», *бэмоугэ* «вовремя» и т.д. Интересны наречия турецкого языка, они образуются уже при помощи послелогов и падежных аффиксов, ср. *орада* «там», *бурада* «здесь», *эл иле* «рукой» и т.д.

В большинстве своем многие фразеологические единицы начинающих с предлога *from*, имеют препозитивные или постпозитивные определения, а начальный предлог утрачивает свое грамматическое назначение - осуществлять подчинительную связь между существительными, местоимениями или числительными. Соединительная функция начального предлога, который по существу является полупредлогом, восстанавливается в составе предложения, в котором употребляется фразеологическая единица, первым компонентом которой он является [Кунин 1986; 245].

Некоторые адвербиальные фразеологические единицы с начальным предлогом выделились из состава глагольных фразеологизмов, например, *with flying colours* - с победой, победоносно. В XVII в. употреблялся глагольный фразеологизм *bring off* и был заменен глаголом *come off*. Фразеологическая единица *come off with flying colours* - одержать полную победу, добиться большого успеха - зарегистрирована в ряде словарей. В XX в. адвербиальная фразеологическая единица *with flying colours*

выделилась в самостоятельный оборот [Кунин 1986; 246], ср. перс. эхтиятамиз «осторожно, осмотрительно, предусмотрительно», азбар «наизусть»,

На основе анализа языкового материала выявляются однокомпонентные, двухкомпонентные, двухкомпонентные фразеологизмы, образованные при помощи альтернантов, и трехкомпонентные структурные модели адвербиальных фразеологических единиц с подчинительной связью.

Необходимо отметить, что количество компонентов в фразеологических единицах выделяется соответственно количеству слов, относящихся к знаменательным частям речи, содержащихся в них. Как известно, знаменательные части речи либо называют предметы, качества или свойства, количество, действие или состояние, либо указывают на них. Они имеют самостоятельные лексическое и грамматическое значения, в предложении выступают в роли главных или второстепенных членов предложения, ср. эджмали «кратко, бегло», эрсан «по наследству», ориб «наискось, вкривь, вкось», азаданэ «свободно, вольно»; «непринужденно».

В отличие от знаменательных единиц, служебные слова (или частицы речи) лишены номинативной (назывной) функции. Они являются своеобразным грамматическим средством для выражения отношений и связи между словами и предложениями, а также для передачи определенных смысловых и эмоциональных оттенков значений, выраженных самостоятельными частицами речи (частицы). К служебным словам относятся предлоги, союзы, частицы и т.д. А к знаменательным относятся следующие разряды слов: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие (Труевцова 1986), ср. эхтэсаран «вкратце, сокращенно», эхтэсан «вкратце», ахэроламр «в конце концов», ахэрдас «напоследок, в конце».

Однокомпонентные адвербиальные фразеологические единицы с подчинительной структурой представлены в английском языке следующими моделями:

Prep + N + Prep

in compliance with - «согласно», «в соответствии с»;

from the ground up - «до основания», «основательно», «полностью», во всех отношениях»;

under colour of- «под видом». Prep+Adv

for once «один раз», «в виде исключения», «очень редко», «изредка», «в кои-то веки» .

Двухкомпонентные фразеологические единицы образуются при помощи альтернантов (Смирницкий 1967).

Альтернантами являются местоимения *one*, *one's*, *oneself*, *somebody* (*somebody's*) и *something*. В соответствии с требованиями речевой ситуации местоимение *one* обычно заменяется одним из личных местоимений в объективном падеже, местоимение *one's* - одним из притяжательных местоимений; местоимение *oneself* - одним из возвратных местоимений; местоимение *somebody* - одним из личных местоимений в объектном падеже, существительным в родительном падеже или переменным словосочетанием с существительным в родительном падеже, *something* - существительным, переменным словосочетанием или предложением. Неопределенно-личное местоимение *one's* употребляется в том случае, когда действие, совершаемое определенным лицом, направлено на него самого, например, *one's tail between one's legs*. Местоимение *one's* может употребляться и в фразеологизмах, обозначающих состояние определенного лица или предмета, например: *be on one's last legs* [Кунин 1972; 315].

Prep + Alt + N to one's cost - «на свое горе», «на свою беду», на свою голову», «по горькому опыту»;

beneath one's dignity - «ниже своего достоинства»;

under one's hat - «тайно, по секрету»;

Следующую модель содержит два английских предлога :

Prep + N +Prep + N

at the nick of time - «в самый последний момент»;

by word of mouth - «устно», «на словах»;

in the face of day - «открыто», «не скрываясь», «среди бела дня»

и др.

Как было отмечено выше, наряду с однокомпонентными и двухком-понентными зафиксированы модели трехкомпонентных адвербиальных фразеологических единиц с подчинительной структурой.

Литература

Кунин А.В. Фразеология современного английского языка.- М.,1972

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка.М.,1986.

Смирницкий А.И. Лексикология английского языка.- М.,1956 .

Смит Л.П. Фразеология английского языка.- М.,1959

Труевцева О.Н. Английский язык. Особенности номинации.- Л., 1986.

Персидско-русский словарь.М., 1970.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПЕРСИДСКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Атрибутивные словосочетания занимают значительное место в синтаксисе иранских языков, в том числе и персидского.

Персидский язык обладает богатыми лексико-фразеологическими средствами, образующих многочисленные словосочетательные конструкции атрибутивного типа (Основы 1979; Оранский 1975):

Модель: Словосочетания с многозначным компонентом:
пэришан : Пэришан оураг «разбросанные листы», пэришан золф «рассыпавшиеся кудри», пэришан фекр «рассеянные мысли», пэришан бахт «злая судьба», пэришан сохан «бесвязные слова»;

Модель: Атрибутив пэнхан + существительные: Пэнхан раз «сокровенная тайна; тайное желание»;

Модель: Атрибутив пахн + существительные: Пахн тахте «широкая доска», пахн бини «приплюснутый нос»;

Модель: пир + существительные:

Пир адам «старый человек», пир-е доулат «уважаемое государственное лицо», пир-е кавам «духовный вождь», пир-е дейр «духовный наставник»,

Модель: тазэ + существительные:

Тазэ тохм «свежее яйцо», тазэ лебас «новое платье», тазэ хабар «новые вести»,

Модель: талх + существительные:

Талх бадам «горький миндаль», талх хагигат «горькая правда», талх руй «недовольное лицо».

Модель: Тонд + существительные:

Тонд бад «резкий ветер», тонд кадам «быстрый шаг», тонд буй «едкий запах», тонд чай «крепкий чай», тонд хорак «острая пища»,

тонд шамшир «острый меч», тонд ахлак «суровый характер», тонд джаваб «грубый ответ»,

Модель: тиз + существительные:

Тиз чаку «острый нож», тиз забан «острый язык», тиз буй «резкий запах», тиз седа «пронзительный голос», тиз джараян «быстрое течение»;

Модель: джари - + существительные:

Джари аб «проточная вода», джари та'мир «текущий ремонт», джари сал «текущий год»,

Модель: хали + существительные:

Хали отаг «пустая комната», хали нан «только хлеб», хали тофанг «незаряженное ружье»,

Модель: хам + существительные:

Хам хорма «неспелая хурма», хам хешт «сырцовый кирпич», хам зар «самородок золота», хам кар «неподготовленное дело», хам кафтар «необдуманные слова», хам арзу «несбыточные мечты», хам джаван «неопытный юнец», хам пушт «невыведенная кожа» и т.д.

Некоторые атрибутивные словосочетания в персидском языке подверглись процессу терминологизации и лексикализации: тиз аб «едкая вода» - тизаб «азотная кислота», тиз бал «быстрое крыло» - тизбал «быстрокрылый», тиз бин «зоркое зрение» - тизбин «зоркий, проникающий», тиз бини «острое зрение» - тизбини «зоркость, прозорливость, наблюдательность, проникаемость», тиз па «быстрая нога» - тизпа «быстроногий», тиз чешм «острый глаз» - тизчешм «остроглазый, зоркий», тиз чангал «острые когти» - тизчангал «с острыми когтями», тиз даст «быстрая рука» - тиздаст «проворный, ловкий», тиз дандан «острый зуб» - тиздандан «острозубый», тиз забан «острый язык» - тиззабан «красноречивый»

(ПРС. 1970).

Типология аналогичного развития характерна и для азербайджанского языка, длительное время контактировавшего с персидским.

Именные словосочетания наиболее распространенного типа выражают в азербайджанском языке определенные отношения и образуются с помощью примыкания (Гаджиева 1975; ГАЯ 1971): дэмир гапы - железная дверь, гызыл саат - золотые часы, аг дафтар -

белая тетрадь, сары рэнк - желтый цвет, яхшы адам - хороший человек, коьзэл бина - красивое здание, беш Адам - пять человек, уьчуьнчуь синиф - третий класс, бу оглан - этот мальчик, бу мэсэлэ - этот вопрос, мазалы hadusa - комичный случай.

Первый компонент словосочетания называется определением (подчиненный член), второй - определяемым (подчиняющий член). Грамматические показатели присоединяются только ко второму компоненту.

Часть именных словосочетаний первого типа превратились в сложные слова например: алаковз - сероглазый, гаракоез - черноглазый, яшылбаш - зеленоголовый, галаг зуьруз - кличка лисицы, тэпэковз - глаза на макушке, гырмабадам - раздробленный миндаль.

В именных словосочетаниях первого типа второй компонент выражается существительным, а первый - различными частями речи.

Перед вторым компонентом именных словосочетаний первого типа не бывает других слов, кроме бир, первый компонент может иметь собственные определения, например: тахта гашыг - деревянная ложка, рэнкли тахта гашыг - раскрашенная деревянная ложка.

Именные словосочетания, компоненты которых выражены существительными

1) В таких словосочетаниях оба компонента ступают в основном падеже. Между компонентами существуют атрибутивное (определятельное) отношение. Первый компонент определяет второй. В большинстве случаев в функции член компонентов выступают существительные в конкретном значении, например: дэмир коьрпуь - железный мост, даш эв - каменный дом, тахта һасар - деревянная ограда. Словосочетания данного разряда имеют следующие семантические отношения, частей:

а) в первом компоненте называется материал, из которого изготовлен предмет, обозначаемый вторым компонентом, например: даг эви - каменный дом, дат һасар - каменная ограда, цаш swiah - каменное орудие, даш балта - каменный топор, тахта гашыг - деревянная ложка, тпхтя коьрпуь - деревянный мост;

б) первый компонент обозначает род занятий лица, названного во втором компоненте, например: муэллим Сулейман - учитель Сулейман, паным Логман - госпожа Лок-мак, агроном Зе}нал - агроном Зейнал, бајтар Кулага - ветеринар Гюльага, дэмирчи Мусса - кузнец Муса;

в) первый член обозначает должность, звание, научную степень и т.п. лица, названного вторым членом, например: кенерал Азии - генерал Ази, полковник Мустафа, - полковник Мустафа, Мајор Салим - майор Салим, сержант Нэсэнага - сержант Гасанага, солдат Матросов - солдат Матросов; векш Мансур - адвокат Мансур, профессор Казымбэ/ - профессор Казымбек, досент Исмайыл - доцент Исмаил, капитан Ризван - капитан Ризван, депутат Хэлил - депутат Халил, назир Эликбэр - министр Алекбер, директор Микаил - директор Микаил;

г) первый член определяет лицо, названное вторым членом, по признаку родства, например: папы оглу Маммад - сын дяди Мамед, баджыоглу Надир сестры Надир, халаоглу Мепман - сын тети Мехман, эмиоглу Халил - сын дяди Халил.

Семантические отношения в словосочетаниях: 1) первый компонент обозначает цвет предмета, названного вторым компонентом, например: гырмызы алма

красное яблоко, гарарэнк - черный цвет, аг узум - белый виноград, яшыл дон - зеленое платье, боз ат - серая лошадь, яшыл чемен - зеленый луг;

2) первый компонент обозначает характер лица, названного во втором члене, например: гыллы ушаг - умный ребенок, гыстанч адам - ревнивый человек, пахыл адам - завистливый человек, хэсис Адам - скупой человек;

3) первый компонент определяет предмет, названный во втором по пространственным признакам, например: узун пол

далекий путь, узаг гоншу - дальний сосед, яхын гоншу - близкий сосед, кен дарваза - широкие ворота, экэ анбарлар - большие склады, узунсое стол - длинный стол;

4) первый компонент определяет второй по признаку принадлежности, отнесенности, например:

еЪерли ат - оседланная лошадь,

ейванлы ев - дом с балконом;

5) первый компонент определяет второй по отнесенности например: шэхси тэнгид - самокритика, уму ми тэ'-тил - всеобщая забастовка, хариджи хэбэрлэр - зарубежные вести, дахили хэбэрлэр - внутренние сообщения, тарихи кадисэ - историческое событие;

6) первый компонент определяет второй по признаку времени, например: индики техника – современная техника, буюькункуь кайисэ – сегодняшнее событие, дуьнэнки мубакисэ – вчерашний спор, билдирки мэсэлэ - прошлогодний вопрос;

7) первый компонент определяет второй по признаку места, например: коь/дэки улдузлар – небесные звезды, ездэки адам - человек, который находится в доме, куьчэ-дэки эквалат - происшествие на улице.

Таким образом, можно заключить, что в азербайджанском и персидском языках развитие атрибутивных словосочетаний шло по общим типологически единым моделям.

Литература

ПРС - Персидско-русский словарь. М., 1970.Т.1.

Основы - Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

Оранский И.М.Иранские языки. М., 1963.

Гаджиева Н.З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики. - ВЯ, 1975, № 1.

ГАЯ- Грамматика азербайджанского языка. Баки, 1971.

ИРАНСКИЙ КОМПОНЕНТ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

В создании онимов азербайджанского языка участвуют иранские компоненты, которые оформляются азербайджанскими формантами, в онимах активное участие принимают тюркские словообразующие аффиксы –лы (-ли, -лу, -лц) –лар (-ляр), -чы (-чи, -чу, -чи), в онимах иранского происхождения более активны аффиксы -ан (-ян, ун). В азербайджанской ойконимии довольно большое число топонимов образованы посредством аффикса –лы (-ли, -лу, -лц). Эти топонимы можно сгруппировать следующим образом: 1) Ойконимы, образованные из названий племен-этнонимов. Иранского происхождения Джанли от иранского джан «душа, живое существо», обозначающие название рода, родового объединения, патроним, образованный путем присоединения аффикса к личным именам: Пирли, где первый компонент пир имеет иранское происхождение.

2) Образованные путем присоединения аффикса к имени и обозначающие подчиненность жителей данного села этому хозяину: Бехештли от иранского бэхэшт «рай» и пр. 4). Возникшие путем присоединения аффикса к названию области, местности, города, села и указывающие на то, что жители данного населенного пункта являются выходцами из той местности: Тарашлы от иранского тараш «тесание, обтёсывание, скобление, ссадина»,

3) образованные путем присоединения аффикса к фитонимам, что обозначает распространенность данного вида растений в этой местности: Алчалы, Ардышлы, Армудлу, Бадамлы, Гозлу, Фыстыглы и пр. Все эти фитонимы имеют несомненное иранское происхождение.

4) Образованные путем присоединения аффикса к титулам и обозначающие принадлежность данной местности носителю этого

титула: Бейли (в Габалинском районе; был назван так в силу принадлежности беку), Деребейли, Келентерли и пр.

Основы этих онимов – бэй, дере, келентер имеют иранское происхождение.

5) Выражающие множественность и образованные присоединением аффикса к словам, обозначающим ландшафт: Чешмели. Компонент Чешме восходит к иранскому чешме «источник».

6) Обозначающие наличие определенного топонима на территории населенного пункта; Ренгли и пр. Основа ренг восходит к иранскому ренг «цвет, оттенок», имеющему многочисленные параллели в других индо-иранских языках.

Аффикс -лыг (-лик, -луг, -лцк) также принимает участие в создании топонимов: 1) Указывающих на насыщенность местности определенным фитонимом: Армудлуг, Гюллюк и т.д. Основы армуд «груша», гюл «цветок» иранского происхождения.

2) Обозначающих принадлежность населенного пункта или местности носителю определенного титула: Бейлик и т.д. Тюркское бей «князь» восходит к древнеиранскому бага «господин, бог».

Вообще, аффикс -лыг (-лик,-луг,-лцк) обладает обширными функциями не только в азербайджанском языке, но и в тюркских языках в целом. А.В.Севортян пишет, что этот аффикс очень продуктивен и играет важную роль в образовании новых слов. Однако, в отличие от словотворчества, в создании топонимов он обладает двумя функциями: а) выражает принадлежность; б) выражает множественность, насыщенность. Надо учитывать, что функция аффикса -лыг,-лик,-луг,-лцк при образовании топонимов состоит в семантическом изменении корневого компонента топонима, к которому он присоединяется. (Гордлевский 1968).

Этот словообразующий аффикс является носителем той же самой функции и в ойконимах Машлыг и Венлик на территории Джалилабадского района. В топониме Машлыг указание на местность, где выращивается "маш" (бобовое растения чина), а топоним Венлик свидетельствует об изобилии в этой местности дерева "вен" (ясень). В исследуемом нами районе существует еще и ряд микротопонимов, образованных идентичным путем. Например,

Бостанлыг, Чореклик, Шорлуг и т.д. Все основы указанных онимов имею иранское происхождение.

Иранизмы представлены и в микропонимах Памбыглыг, Айвалыг, Палыдлыг (село Джанган), Гюллюк, Нарыдж, Милман), Залман, Шахлыг и др. аффикс отражает именно изобилие. В микропонимах же Бейлик (село Астанлы) аффикс –лыг (-лик, -луг, люк) обозначает, соответственно, принадлежность и наличие. Подводя итог сказанному об аффиксе –лыг (-лик, -луг, лцк) можно сказать, что образовывая топонимы, этот аффикс может выражать принадлежность, наличие, изобилие. А в микропонимах этот аффикс выражает, в основном, изобилие и более употребляем именно в этом плане. (Гафуров, 1987) Возникшие посредством присоединения аффикса –лар (-ляр) топонимы могут быть разделены на две группы: 1) Образующие патронимические ойконимы посредством добавления к личным именам, т.е. к названиям родов, родовых объединений. Примером топонимов первой группы может служить топоним Бостанлар.

Вторую группу образованных посредством аффикса -лар (-ляр) топонимов составляют патронимические ойконимы. Примером тому, село Бадамлар. В этом топониме, состоящем из иранского фитонима Бадам «миндаль», аффикс обозначает "множественность». Необходимо отметить, что хотя основной функцией аффикса -лар (- лер) в азербайджанском языке является обозначение множественности, в топонимии он указывает на местность, заселенную определенным родом. Значить, присоединяясь к личным именам, этот аффикс указывает на группу родственников, род, потомков одного предка, а становясь названием населенного пункта, населенного данным родом, превращается в ойконим. аффикс". К этой же модели относятся и следующие родовые названия - Лериклилер, Ярдымлылар, Талышлылар и др.

Литература

Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987

Гордлевский В.А. Избранные сочинения. -М., 1968.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИРАНскими

Древняя кумыкская падежная система значительно отличалась от той падежной системы, которую видим в большинстве современных тюркских языков. Характерной ее особенностью было довольно значительное отличие в фонетическом и семантическом отношениях (Дмитриев 1940: 145)

Именительный падеж

Именительный падеж в кумыкском языке, как и в других тюркских языках, по мнению тюркологов, никогда не имел особого окончания и был представлен или чистой основой слова, или основой, осложненной одним из словообразовательных аффиксов.

По мнению К.С.Кадыраджиева, в тюркском языке именительный падеж имел специальный показатель, который распределял имена существительные, оформляемые им, на определенные и неопределенные имена (Кадыраджиев 1999: 56) .

По нашему мнению, отсутствие показателя именительного падежа имеет определенную типологию в иранских языках.

Развитие падежной системы иранских языков отражает собой типологический путь, который прошли тюркские языки. В этом отношении наиболее характерен древний авестийский язык.

Именительный падеж в авестийском языке употребляется

в значении субъекта: *asom /artam/* (им. п. ед. ч. ср. р.) *vohu va-hiStom asti* 'Арта есть лучшее добро';

1) предикативного члена: */vahu/ vohu* — им. п. ед. ч. ср. р. 'добро' в том же предложении. Некоторые прилагательные и причастия в именительном падеже могут иметь адвербиальное значение:

Звательный падеж

Звательный падеж имеет форму, отличную от именительного лишь в единственном числе и то не при всех типах основ. Однако и здесь он иногда выпесняется формой именительного падежа.

Винительный падеж

1) Обычное значение прямого объекта: karasapo... janat snavis kam /snavidkam/ (вин. п.) 'Красп убил Сनावиду'.

2) Винительный цели и направления: ka,m za,m /kam zam/ (вин. п. ж. р.) ayeñl 'в какую землю мне идти'.

Винительный протяжения (в пространстве и времени): dim aSat vyeiti... hasro, roasarjham aswanam/haframasa ham advanam/ (вин. п.) 'отгоняет его оттуда на расстояние величиной в /hasra-/ (мера расстояния, предположительно равная миле, /masah-/ 'величина').

Родительный падеж

1) Родительный притяжательный. Значения:

а) атрибутивное: pudra ahurahe /ahurahya/ 'о сын Ахуры'; turn zarausta nmanahya /nmanahya/ pourusaspahe /parueaspahya/ 'ты, Заратуштра, (из) дома Парушаспы' (первый родительный к /zarausta-/; второй к /nmanahya-/); vispana,m dahyunam /vispana-m dahyanam/ narqm /naram/ asanonam fravasayo yazamaide 'мы почитаем Фраварти правоверных людей всех стран'; б) предикативное: yeqhe /yahya/ hazanram vairyañm 'у которого тысяча притоков';

3) Родительный отложительный (Genitivus ablativus): iristani uzbaroit арб /arab/ 'пусть он вынесет мертвого из воды'.

Отложительный падеж (аблатив)

Примеры чистого аблатива: us gaus stuye tayaatca hazanhatca /tayat-ca hazahat-ca/ 'отказываюсь от воровства и грабежа скота'; gaurvaya he paSave /padabya/ (отл. п. дв. ч.) zavara 'отними у его ног силу'.

Дательный падеж

1) Обычные значения косвенного объекта: mraot ahuro mazda spitamai zaratuštra /spitamai zaratuštra/ 'сказал Ахура Мазда Спнтаме Заратуштре'.

2) Значение commodi: k a h m a i /kahmai/ ma ftwarozduin 'для кого вы меня создали'.

3) Параллельно родительному объективному: staotaca ahurai /ahurai/ (дат. п.) yesnyaca vanhaus manarjho /vahaus manahab/ (под. п.) восхваления Ахуре и молитвы Доброму духу'.

Инструментальный падеж

1) Первое значение — орудийность (собственно Instrumentalis): *ma za,m vaenoit asıbya /asıbya/* 'пусть он не увидит землю глазами' ;

2) Совместность (Gomitativus): *a r m a i t i s m a i n y t l /ma-hya/ p e r a s a i t i* 'Армати беседует с духом' (Основы ..., 196).

Родительный падеж <*гу

По мнению Б.А.Серебrenикова (1986: 75) родительный падеж на ранних стадиях существования тюркского праязыка полностью отсутствовал. Его заменяла так называемая изафетная конструкция. Два имени существительных, из которых одно было определением, а другое определяемым, соединялись способом простого примыкания. Второе имя существительное получало притяжательный аффикс, указывающий на связь определяемого с определением. По правилу образования этой конструкции русское словосочетание дом отца могло бы быть выражено как отец дом его. Из современных тюркских языков только один якутский сохраняет это древнейшее состояние, поскольку в нем отсутствует оформившийся родительный падеж, ср. кум. атны башы 'голова лошади' (букв. 'лошадь голова ее') и кум. ат баш «голова лошади». Следует также заметить, что и в других тюркских языках удельный вес изафетной конструкции довольно велик и сфера употребления родительного падежа в тюркских языках значительно уже сферы употребления родительного падежа в индоевропейских языках.

Выражение отношения принадлежности путем простого соположения двух имен существительных, по-видимому, отражает особенности мышления древнего человека, когда нечто, принадлежащее кому-либо или чему-либо, понималось как находящееся рядом или поблизости. Понятие принадлежности скорее всего возникло путем переосмысления я пространственных отношений.

В тюркской компаративистике существует, однако, и противоположное мнение. Так, К.С. Кадыраджиев полагает, что родительный падеж существовал в тюркском праязыке. Это мнение он обосновывает тем, что современный показатель родительного падежа в тюркских языках — ин имеет генетические параллели как по финно-угорским, так и по дравидийским языкам. Более того,

автор полагает, что родительный падеж на –ин в тюркских языках имеет определенные связи с соответствующими показателям во всех алтайских языках, ср. монг. –нь, тунгусо-маньчж. –н (Кадыраджиев 1999: 45).

В иранских языках аналогичный показатель представлен в ряде диалектов среднеазиатского региона.

Серия направительных падежей в тюркском праязыке раннего периода была особенно многочисленной. Вполне вероятно, что это многообразие отражает диалектное дробление тюркского праязыка и различные направительные падежи принадлежали отдельным диалектам и не были достоянием какой-то общей падежной системы. Их реликты обнаруживаются во всех тюркских языках. Трудно допустить, что все эти направительные падежи имели абсолютно одинаковое значение, однако точно определить значение каждого из них в настоящее время не представляется возможным (Серебренников, 1986).

На различие значений указывает одна интересная особенность. Многие показатели направительных падежей неизменно содержат элемент в, как бы соединяемый какими-то конкретизаторами основного значения, ср. падежные аффиксы -а, -ра, -ча. Возможно, что основным направительным падежом был падеж с аффиксом -а, а элементы й, р и ч выражали какие-то нюансы значений.

Литература

Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.-Л., 1940.

Кадыраджиев К.С. Сравнительно-историческая грамматика японского и тюркских языков. – Махачкала, 1999.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. - Баку, 1986.

Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

МЕСТО КАВКАЗА В ПОЛИТИКЕ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ В XVIII-XIX ВВ.

Кавказская проблема имеет непреходящий, актуальный международный характер, меняющийся в зависимости от того, как менялась интенсивность восточной политики мировых держав на различных этапах истории. Эта проблема, ставшая ныне частью глобалистской политики великих держав, уходит корнями в глубь веков. Географическое положение Кавказа между Европой и Азией, Черным морем и Каспием, на сухопутных и водных коммуникациях, ведущих в Закавказье, на Ближний и Средний Восток, обусловило особую роль этого региона в интеграционных процессах и международных отношениях многих стран и народов на протяжении истории. Стратегическое положение Кавказа таково, что тот, кто контролирует его, фактически, полностью контролирует одну из важнейших транспортных коммуникаций, связывающую Европу и Азию, а также обеспечивает себе твердое присутствие в Черном и Каспийском морях, на Ближнем Востоке.

Определяя особую роль Кавказа для России как великой евразийской державы Р.А.Фадеев отмечал: «положение в Каспийско-Черноморском районе составляет жизненный вопрос для всей южной половины России, от Оки до Крыма», так как «эта половина государства создана, можно сказать, Черным морем ... Охранять свои южные бассейны Россия может только с Кавказского перешейка... Через Кавказский перешеек и его домашний бассейн - Каспийское море - Россия соприкасается непосредственно со всей массой мусульманской Азией... Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою

заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское»¹.

Кавказ на протяжении длительного времени являл собой один из наиболее уязвимых для безопасности России регион. Становление и развитие самого Российского государства объективно предполагало обеспечение военной безопасности и соответственно активизацию военно-политических усилий на кавказском направлении, являвшимся одним из наиболее опасных и незащищенных. Данное обстоятельство сыграло главную и решающую роль в развитии внешнеполитической экспансии России на Кавказ, начавшейся фактически с момента образования централизованного Российского государства, т.е. с конца XV - начала XVI вв. Этот период экспансии характеризуется в основном процессом поиска военно-политических контактов России с государственными образованиями региона.

Основной акцент во внешнеполитической деятельности России на кавказском направлении делался на противодействие военно-политической экспансии Турции, посредством установления и развития торгово-экономических и военно-политических отношений с народами и государственными образованиями региона, а также установления военно-политического «союза» с Персией, для которой господство в регионе Османской империи было столь же опасно, что и для России. Цели Турции, например, заключались в установлении своего протектората над всем Закавказьем и Дагестаном; находящихся в вассальной зависимости Персии, а также перехода под ее контроль транзита шелка и других товаров из Персии и Индии в Европу. К России выдвигались требования восстановить Астраханское ханство и не вмешиваться в кавказские дела.

Но положение на Кавказе определялось не только противоборством России со своими восточными геополитическими соперниками, но и политикой западных держав (Англия, Австрия, Франция, Пруссия, Швеция и др.), каждая из которых преследовала собственные цели.

¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001. С. 10.

Именно в этот период, на рубеже XVIII-XIX вв. военно-политическая обстановка на Кавказе характеризуется усилением активности в регионе ведущих европейских держав, интересы которых были сконцентрированы на сопредельных Кавказу Ближнем Востоке и Центральной Азии (являвшихся центром пересечения всех азиатско-европейских торговых магистралей). Значение Кавказа в рассматриваемый период объективно и закономерно возросло, поскольку он являл собой еще и территорию, свободную от господства какой-либо иной крупной державы, и непосредственно находился на стыке владений трех региональных держав - России (только начинавшей завоевывать позиции в регионе), а также Персии и Турции (все больше их здесь утрачивавших). С другой стороны, значение Кавказа для европейских держав определялось тем, что именно здесь, по побережью Каспийского моря проходил «Малый шелковый путь». В частности, например, для Великобритании с ее индийскими колониями и достаточно сильными позициями Ост-Индийской компании в Персии (монополизировавшей здесь всю торговлю шелком) необходим был контроль над этой важнейшей торговой магистралью. Для Франции, не обладавшей в регионе ни колониями, ни сколько-нибудь значимыми экономическими и политическими позициями принципиально важным было подорвать этот экономический потенциал Британии. Кроме того, геополитические замыслы руководства Франции определялись также ее стремлением к колониальным приобретениям, поскольку их наличие являлось необходимым условием становления ее в качестве мировой державы.

В XVIII-XIX века наиболее действенно проявилось значение кавказской проблемы в восточной политике Англии и Франции, предпочитавших действовать против России, противопоставляя ей ее восточных геополитических соперников. Этот период, вместе с тем, оказался густо насыщенным военно-политическими событиями, составившими основу и суть кавказской проблемы. Главными из них, оказавшими кардинальное влияние на кавказскую политику указанных держав в русле их восточной политики, явились Каспийский поход Петра I, дипломатическая борьба вокруг подписания русско-иранских, русско-турецких и

ирано-турецких договоров, вхождение в состав России и отпадение от нее Прикаспийских областей, двукратное нашествие крымских феодалов на Северный Кавказ и Дагестан и сопутствующие «шемахинские экспедиции» Надир-шаха, переросшие в систематические завоевательные походы, завершившиеся его полным поражением.

Кавказскую войну, вызвало не только сопротивление горцев продвижению России, но и столкновение интересов Российской империи, Великобритании и Османской империи, которые развернули активное противоборство в этом регионе. Борьба между Россией и Англией особенно обостряется после поражения Наполеона в 1812 г., когда эти страны становятся главными геополитическими противниками. Англия традиционно рассматривала русское присутствие на Кавказе как потенциальную угрозу своему господству в Индии.

Не случайно Англия, на протяжении всей Кавказской войны, очень активно снабжала горцев новейшим оружием, боеприпасами, подключив к этому Турцию и Персию. Но Турция и Персия, помимо Англии, имели свои собственные геополитические интересы на Кавказе и в Закавказье. Противостояние Российской империи этим странам было открытым и вылилось в две русско-турецкие и две русско-иранские войны. Во время военных конфликтов, различные районы Кавказа были наводнены агентами Турции¹.

Кавказ принадлежит к таким геополитическим точкам, которые определяют соотношение сил во всем южноевропейском-малоазиатском регионе. Выход России к Черному морю превратил кавказские проблемы в предмет весьма заинтересованного участия и интриг всей Европы. На пороге Нового времени постоянным подстрекателем Крыма и горцев против России были поляки, которые до всяких «разделов» в течение четырех веков (XIII-XVII) с Болеслава Смелого до Сигизмунда неустанно давили на Русь. Польша видела в султанах и Крымском ханстве потенциальных союзников в борьбе за Малороссию. Франция, особенно при Наполеоне, мечтавшем контролировать оба побережья

¹ <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Ermolov/part5.html>

Средиземного моря, рассматривала Россию как соперницу на Востоке, была заинтересована в доминировании Порты на Черном море и была весьма активна против России на южном направлении.

На протяжении нескольких веков Россия и Запад вели открытую и тайную борьбу за влияние на Кавказе, в Центральной Азии, на Среднем и Ближнем Востоке.

До 70-х годов XVIII доминирующим процессом в рамках этой комбинации было ирано-турецкое соперничество, сопровождавшееся войнами и периодическими переделами сфер влияния. Долгое время игра на этих противоречиях оставалась главным оружием России, пока она оставалась слабой в военном и экономическом отношении. Таким путем она поддерживала равновесие сил на Кавказе и готовила почву для собственного вмешательства в дела региона.

Пока у России не появилась возможность широко использовать военные методы, она стремилась укреплять свое влияние на Кавказе через местные влиятельные силы.

В конце 60-х годов XVIII века Россия рискнула вступить в открытое столкновение с Турцией. В результате побед в русско-турецких войнах (1768 - 1774 гг., 1787 - 1791 гг.) Россия получила ряд территорий на Северном Кавказе и упрочила позиции в Закавказье. Это повлекло резкое обострение отношений с Ираном. Военное столкновение становилось неизбежным. Детонатором послужило освобождение Грузии от вассальной зависимости от шаха и переход под власть русского царя. Не желая осложнений с державами и понимая, какой язвой был Кавказ, Павел I еще в начале XIX века не хотел окончательно оформлять присоединение Кавказа и Закавказья, предпочитая «устойчивую «горскую федерацию», - буфер, который бы успешно выстоял против «покушающихся врагов». После присоединения Крыма и вхождения Грузии стало ясно, что удержаться в качестве черноморской державы, не имея в тылу Кавказ, невозможно. Но с момента утверждения на Черном море подрыв южных рубежей России стал константой стратегии владычицы морей – Британии.

В первой трети XIX века Россия выиграла две войны у Ирана (1804 - 1813 гг., 1826 - 1829 гг.) и две у Турции (1806 - 1812 гг., 1828 - 1829 гг.) Эти победы закрепили за Россией практически всю

территорию Кавказа. В Закавказье, где существовали довольно развитые государственные образования, она применяла оружие в основном тогда, когда имела дело с вражескими (иранской и турецкой) армиями. По отношению к местным правителям обычно использовалась дипломатия соблазнов и подкупов. В целом население Закавказья восприняло приход России без враждебности.

Политика России на Северном Кавказе была менее гибкой и успешной. Причина в том, что, в отличие от Закавказья, здесь она столкнулась с огромным количеством никому не подчинявшихся, разрозненных и враждовавших между собой патриархально-родовых обществ. Принадлежали они к разным языковым и этническим группам, исповедовавшим разные религии, находившимся на разных уровнях социальной организации. В силу этих причин они плохо поддавались управлению. Из-за отсутствия государственных институтов на Северном Кавказе стратегия утверждения власти с помощью местных элит оказалась не столь эффективной, как в Закавказье. Русское правительство попыталось военными методами разрубить гордые узлы горской политики и закрепиться на всем Кавказе. В результате получило многолетнюю Кавказскую войну (1817 - 1864 гг.).

С конца XVIII века структура международных отношений по поводу Кавказа усложняется новым компонентом - вмешательством Англии и Франции, которые выступили со своими притязаниями на Кавказ. Но поскольку в начале XIX века значительная часть Кавказа уже стала сферой интересов и влияния России, интенсивность политики Лондона и Парижа в кавказском вопросе целиком зависела от состояния русско-английских и русско-французских отношений. А они, как известно, характеризовались резкими перепадами.

До сих пор закрыты внешнеполитические архивы в Англии, в которых, по единодушному суждению историков, кроется британский след за убийством в Персии Александра Грибоедова, заключившего в 1829 г. важный Туркманчайский договор с Ираном, после чего русское влияние в Персии было принципиально утверждено.

К началу 30-х годов XIX века общая геополитическая ситуация на Кавказе кардинально изменилась. В 1833 году был

заключен Ункиар-Искелесийский договор России с Турцией о совместном контроле проливов. Это так и осталось кульминацией дипломатических успехов России на Ближнем Востоке в XIX веке. Этот договор между двумя единственными тогда черноморскими державами, достигнутый дипломатическими, а не военными средствами, фиксирующий статус-кво и не нацеливающий на чужие территории, тем не менее, вызвал «негодование» Франции и Англии, которые в ноте к Турции отказались с ним считаться и начали создавать коалицию, втягивая в нее Австрию. Это достижение столь очевидно показало западным державам перспективу закрепления России в геополитически важном регионе, что движение к Крымской войне представляется естественным. Благоприятные условия для вмешательства Англии создала Кавказская война, сковывавшая силы России. Именно тогда Англия начинает открытую помощь горцам Кавказа против России.

Между Российской империей, с одной стороны, и Турцией и Ираном - с другой, не осталось ни буферной зоны в виде Закавказья, ни естественных преград в виде Кавказского хребта. Получив новую линию южной границы (с небольшими изменениями она сохранялась до 1991 года), Россия приобрела ключевой геостратегический плацдарм для создания непосредственной угрозы Анатолии и Западному Ирану, то есть подступам к Персидскому заливу и Индии. Владение Кавказом отдало в ее распоряжение восточную акваторию Черного моря и практически весь Каспий, обеспечив прекрасные условия для продвижения в Среднюю Азию. Чем русское правительство вскоре и воспользуется. Признав права России, выбыл из борьбы Иран. Турция, не оставив мысли о реванше, вплоть до Крымской войны, не имела ни сил, ни союзников для ее материализации.

Сложившаяся ситуация крайне тревожила Англию, опасавшуюся развития русской экспансии на юг и юго-восток, в направлении Индии. Англия переходит к политике сдерживания России на Кавказе. В ходе Крымской войны (1853 -1856 гг.) Англия, опираясь на мощную коалицию (Англия, Франция, Турция, и фактически Австрия) попыталась восстановить Кавказ в качестве буфера между Россией и мусульманскими державами. Россия войну проиграла. Но и разногласия между участниками антирусской

коалиции не позволили им достичь поставленной цели. Парижский конгресс 1856 года зафиксировал принадлежность Кавказа России как международно-правовую реальность. Парижский трактат создал внешнеполитические, а завершение Кавказской войны (1864 г.) - внутриполитические предпосылки для превращения Кавказа в неотъемлемую часть Российской империи и установления там относительной стабильности.

نقشبندیان در عرصه سیاست ورزی

منحني تحول و تطور تصوف را در تاريخ ايران اسلامي مي توان به سه دوره متفاوت از هم تقسيم كرد. دوره نخست كه از قرن اول تا سوم هجري را شامل مي شود، عهد تكوين و شكل گيري تصوف است. دوره دوم كه مشتمل بر قرون سوم تا هفتم هجري است، دوره فعاليت گسترده صوفيان و عرفا در حوزه مسائل نظري است. تاليف آثار گران مايه در كنار تربيت شاگردان مختلف، از اموري است كه در برنامه هاي صوفيه از الويت خاصي برخوردار است. ظهور بزرگاني مانند نجم الدين دايه (وفات در 654هـ). صاحب "مرصادالعباد من المبدأ الي المعاد"، شيخ شهاب الدين سهروردي (وفات در 632هـ). نويسنده آثاري مانند "عوارف المعارف"، "رشف النصاب"، "اعلام الهدى" و... يا ابن عربي (وفات در 638هـ). صاحب "فصوص الحكم"، "فتوحات المكيه" و... دوره مذکور را از حيث تحولات نظري تصوف بسيار حائز اهميت کرده كه مهم ترين آن آميختگي تصوف و عرفان با فلسفه است. اتفاقي كه ابن عربي در آن نقش برجسته اي ايفا نمود. بنابر اين مي توان از اين مقطع به عنوان دوره نظري تصوف در تاريخ ايران نام برد. دوره سوم از قرن هفتم تا دهم هجري را شامل مي شود. دوره ورود گسترده و همه جانبه طرايق صوفيه در عرصه فعاليت هاي سياسي و اجتماعي. شكل گيري نهضت هاي صوفيانه، برقراري مناسبات نزديك با صاحبان قدرت و در نهايت تشكيل حاكميت هاي گونه گون، از جمله اين فعاليت هاست. تقريب تشيع و تصوف كه به دنبال آن مجموعه اي از نهضت هاي شيعي - صوفي به راه افتاد، اعتقاد به مشاركت سياسي و اجتماعي و اهتمام ويژه در اين امر از سوي غالب طرايق صوفي شيعي و سني از مشخصه هاي اصلي اين دوره به شمار مي آيد. ظهور نهضت هاي شيعي- صوفي مرعشيان، حروفيه، نوربخشيه و سربداران، در كنار حضور فعال طرايقي مانند نقشبنديه و نعمت اللهيه در عرصه فعاليت هاي سياسي و اجتماعي در دوره مورد نظر (قرن 7 تا 10 هجري) ميتواند مويد ادعاي فوق باشد. بنابر اين مي توان از اين دوره با عنوان دوره عملي تصوف ياد كرد.

در اين دوره يكي از فرق صوفيانه كه اهتمام جدي در امر مشاركت سياسي و اجتماعي دارد و به همين سبب اعتقاد به خلوت معنوي را تنها در انجمن مردمی توصیه مي كند، طريقت نقشبنديه است. در نوشتار حاضر برآنيم با ارائه توصيفي از نقش سياسي و اجتماعي نقشبندیان در قرن نهم هجري در ماورالنهر، نقبي در علل و دلايل حضور فعال طرايق صوفيه بويژه نقشبنديه، در عرصه هاي سياسي و اجتماعي داشته باشيم.

الف، مشاركت سياسي و اجتماعي نقشبندیان

در قرن هشتم و نهم هجري، قدرت و نفوذ فرقه نقشبنديه به اوج خود مي رسد. در اين دوره فعاليت بعضي از مشايخ نقشبنديه، كه تعداد محدودی را شامل مي شود، منحصر در

تربیت مرید و ترویج مسایل اخلاقی و تبلیغ مبانی و اصول فرقه در میان مردم بود. از این گروه می توان به بزرگانی مانند خواجه علاء الدین عطار (م: 802 هـ.ق) (1)، مولانا یعقوب چرخي (م: 851 هـ.ق) (2) و سعدالدین کاشغري (م: 860 هـ.ق) (3) اشاره نمود. درمقابل، طیف گسترده‌ای از مشایخ نقشبندی، مهم ترین وظیفه خود را مشارکت گسترده در عرصه سیاست و اجتماع می دانستند. از آن جمله است:

خواجه محمد پارسا (749-822 هـ.ق)

نام ایشان محمد بن محمود الحافظ البخاري است. (4) وی در حدود سال 749 هـ.ق در بخارا متولد شد.* خواجه پارسا در طریقه نقشبندی مقامی شامخ دارد. دومین خلیفه بهاء الدین نقشبند است و از سابقین و مقربین اصحاب اوست. خواجه بهاء الدین بدو عنایت بسیار داشته است و از گفته‌های او در حق خواجه پارسا این مساله به خوبی آشکار می‌گردد.

بنا به گفته صاحب رشحات، خواجه محمد پارسا با شاهرخ تیموری روابط حسنه‌ای داشت و مکاتباتی هم بین آن دو رد و بدل می‌شد. «حضرت خواجه گاه گاه به جهت کفایت مهمات مسلمانان رقعہ به میرزا شاهرخ می‌نوشتند.» (5) به جهت اینکه روابط شاهرخ و میرزا خلیل در این زمان چندان دوستانه نبوده است، این ارتباطات که بین خواجه پارسا و شاهرخ انجام می‌شد چندان خوشایند میرزا خلیل واقع نشد. «آخر به سعایت اهل حسد» به خواجه دستور داد که «شما را به جانب رشت می‌باید رفت، شاید که جمعی آنجا به برکت قدوم شما شرف اسلام یابند.» (6) شیخ این پیشنهاد را پذیرفت، لیکن اجازه خواست که قبل از رفتن به محل مأموریت، به زیارت قبور عزیزانش که در بخارا واقع شده بود بدان شهر برود. در این موقع شاهرخ به خلیل سلطان اعلان جنگ داد و از او خواست که محل میدان نبرد را تعیین نماید. شیخ محمد پارسا دستور داد که این نامه را پیش‌تر در مسجد جامع بخارا قرائت کردند و بعد به سمرقند پیش میرزا خلیل ارسال داشتند، «و میرزا شاهرخ از عقب آن نشان در رسید و میرزا خلیل را به قتل رسانید.» (7)

این موضوع نشانه‌ی علاقه شدید شیوخ بخارا نسبت به شاهرخ بود و اینکه چرا در اویش بخارا از خلیل سلطان حمایت نکردند، مربوط می‌شود به نحوه حکومتداری این شاهزاده. به قول آن نویسنده: «... شاد ملک آغا- سوگلی دربار خلیل سلطان- با دست خود زنان مشهور تیمور را که مشاهیر آن سرای ملک خانم و توکل خانم بودند مسموم کرده بود. به این دلیل مردم از دستگاه خلیل سلطان که مقدرات مردم به دست زنان دربار و اشخاص متملق پست و اگذار شده بود ناراضی شده بودند و ... شاهرخ هم ... که مترصد فرصت بود و با شیوخ و متعصبین بخارا مناسباتی برقرار کرده بود از دور آتش فتنه را دامن می‌زد.» (8)

در میان امرای تیموری، نقشبندیان چندان میانه‌ی خوشی با الغ بیگ نداشتند. همین خواجه پارسا که در بر انداختن خلیل سلطان و روی کار آمدن الغ بیگ به طور مستقیم دخالت کرده بود، بعدها چندان مورد توجه و نظر الغ بیگ قرار نگرفت.

* - تاریخ دقیق تولد او را کسی ضبط نکرده است ولی چون به هنگام فوت (سال 822 به نوشته صاحب رشحات (ص 101): «سن مبارک ایشان 73 بوده است کما بیش باید حدود 749 بوده باشد. (رک: محمد پارسا، همان اثر، مقدمه مصحح، ص 66)

همین مشکلات و گرفتاریها برای خواجه نظام الدین خاموش هم (م: 860 هـ. ق) که از درویش مشهور فرقه نقشبندیه در ماوراء النهر بود، در زمان الغ بیگ به وجود آمد. نظام الدین به مناسبت زشتکاری فرزندش از طرف دربار و شیخ الاسلام، مورد تعقیب قرار گرفت. فرزند شیخ خاموش متهم بود که با بعضی از زنان حرمسرا روابط نامشروع برقرار ساخته و پس از کشف ماجرا متواری گردیده است. شیخ مزبور را به اتهام عدم توجه نسبت به طرز رفتار فرزند تبه‌کارش به حضور الغ بیگ برده و مورد موآخذه قرار دادند. از جمله عواملی که می‌تواند باعث این تیرگی روابط بین الغ بیگ و درویش نقشبندی باشد، اهمیتی بود که الغ بیگ به مالیات «تمغا» (مالیات بر تجارت صنعت) می‌داد. این موضوع، از نظر روحانیون متعصب از علائم کافر بودن الغ بیگ و در عالم اسلام دریافت اینگونه مالیاتها، مخالف شرایع اسلامی محسوب می‌شد. به ویژه که ماوراء النهر بر سایر ممالک اسلامی نوعی امتیاز پیدا کرده بود. بارها برای جلب رضایت روحانیون، دستور مسکوت و بلا اجرا گذاشتن این قانون صادر گردید. لیکن پس از مدتی دوباره به جریان افتاد. در زمان حکمرانی الغ بیگ تمغا کاملاً اجرا می‌شد و امهالی در کار نبوده است. (9) از مطالب کتاب «ملفوظات» چنین بر می‌آید که خواجه پارسا، بر سر لغو این مالیات و اخراجات، درگیریهایی با حکام وقت داشته است. (10)

بار تولد می‌گوید: «الغ بیگ در ضیافتها و مراسم دربار سمرقند از استعمال مشروبات الکلی جلوگیری نمی‌کرد...». بسیار جای تعجب است که حسام‌الدین، شیخ الاسلام سمرقند، در این مورد ابداً ابراز مخالفت نمی‌کرد و از شیوه الغ بیگ جداً طرفداری می‌نمود، درویش ماوراء النهر در حالی که شدیداً با اعمال خلاف شرع الغ بیگ مخالفت می‌کردند، به رئیس قانونی مسلمین آن سرزمین (شیخ الاسلام) که دست کمی از حکمران سمرقند نداشت، اعتراضاتی وارد می‌کردند. (11)

این نوع برخورد الغ بیگ با مسائل دینی، از عوامل اصلی درگیری او با درویش نقشبندی بود. البته الغ بیگ بعدها پس از آنکه به اهمیت روحانیون بخارا در استقرار نظم و آرامش ترکستان و ثبات و قوام پایه‌های سلطنت خود پی برد، به جلب رضایت آنان پرداخت. بنای مدرسه عالی بخارا در میان ابنیه‌های تاریخی او، اولین مقام را داراست. خود الغ بیگ در سال 822 هـ موقعی که به بخارا رفت، در آن مدرسه اقامت نمود و در بین طلاب و اشخاص مستحق هدایای زیادی پخش کرد. در سمرقند نیز ساختمان مساجد و مدارس دینی در میان ابنیه یادگاری الغ بیگ بهترین موقعیت را داشتند. (12)

خواجه محمد پارسا فرزندی داشت به نام خواجه ابونصر پارسا که او نیز از مشایخ نقشبندی است، «و از علمای نامی ماوراء النهر و مجلس درس داشته و حدیث می‌گفته و محدثان را اجازت روایت حدیث می‌داده است.» (13) ابونصر پارسا نسبت به حال رعایا اهتمام خاصی داشت. کمک به همنوعان را بیشتر از هر چیز دیگری مهم می‌شمرد. صاحب روضات الجنان می‌نویسد: «همیشه حضرت خواجه {ابونصر پارسا} امداد و اعانت ملهوفین و مکروبین به جای می‌آوردند. مگر یکی از اصحاب ایشان فرموده باشند که شما را چه لازم

* - نظام الدین خاموش از اصحاب علاء الدین عطار است. (رک: نایب الصدر شیرازی، همان اثر، ج 3، ص 62).

است که برای مردم چندین آبرو بریزید؟ ایشان را از نصیحت خنک آن شخص دل، سرد نشده، ترک آن طریق نکرده‌اند و فرموده‌اند که ما به این آبرو آسیابی نخواهیم گرداند. امداد مسلمانان واجب است.» (14)

بابر میرزا در منازعاتی که با سلطان ابوسعید داشت، وقتی در سال 857 هـ به عزم تسخیر سمرقند حرکت می‌کند، (15) در گذار از بلخ با ابونصر پارسا ملاقات می‌کند. خواجه نقشبندی تلاش زیادی می‌کند که ایشان را از جنگ منصرف ساخته و صلح را بر پا کند. ولی سخنان وی در بابر میرزا تأثیری نمی‌کند. (16) وفات ابونصر پارسا در سال 865 هـ اتفاق افتاده و مزارش در بلخ است. (17)

خواجه حسن عطار (م: 826 هـ. ق.)

خواجه حسن بن علاء الدین محمد عطار بخاری، شاگرد خواجه بهاء الدین نقشبند و از مشایخ معروف نقشبندیه است. در سال 826 هـ در اثنای سفر حجاز در شیراز وفات یافت. با اندک اطلاعاتی که از منابع به دست آمده است چنین بر می‌آید که خواجه عطار نفوذ زیادی در میان هیأت حاکمه وقت و در بین عامه مردم داشته است. (18) فصیحی خوافی در حوادث سال 821 هـ آورده است که الغ بیگ به خاطر درگیری‌هایی که بین مامورین حکومتی و عامه مردم در ایالت بدخشان به وجود آمده بود «پنج هزار مرد را به مدد امر» به جانب آن ایالت فرستاد که با وساطت خواجه حسن عطار نیروها قبل از اینکه وارد بدخشان بشوند برگشتند. (19)

عبید الله احرار که از با نفوذترین مشایخ نقشبندی در دستگاه حکومتی تیموریان در قرن نهم هجری بود، با راهنمایی و وساطت همین خواجه حسن عطار، وارد دربار نوادگان تیموری شد. (20)

خواجه عطار در پیش شاهرخ تیموری هم از ارج و قرب خاصی برخوردار بود، تا به آن حد که دست در رکاب می‌کرد تا خواجه سوار اسب شود و به دنبال خواجه، پیاده پشت سر اسب می‌دوید. (21)

مؤلف حبیب السیر در بیان حوادث بعد از مرگ سلطان محمود در سال 900 هـ دچار اغلاط فاحشی شده است. وی آورده است که بعد از مرگ سلطان محمود، پسر بزرگتر او سلطان مسعود که قائم مقام پدر شده بود، با مشکلات عیدهای روبرو شد. از آن جمله خسرو شاه در ایالت قندوز اعلان خود مختاری کرد. (22) برای اینکه بین این دو جنگ به طول می‌کشید، خواجه حسن عطار به درخواست طرفین میانجیگری کرده، صلح برقرار می‌کند. (23)

با توجه به فوت خواجه عطار در سال 826 هـ و وقوع این حوادث در سالهای اولیه قرن دهم هـ صحت آنها از جهت دخالت خواجه عطار در برقراری صلح، با اشکال مواجه است.

عبیدالله احرار (806 – 895 هـ. ق.)

خواجه ناصر الدین عبیدالله «از تمامی مشایخ ترکستان و ماوراء النهر به مزید جاه و جلال و اتباع و اموال ممتاز و مستثنی بوده است.» (24) در رمضان 806 هـ. ق. در نزدیکی تاشکند بدنیا آمد. (25) تمایل وی به تصوف هنگامی آشکار شد که در بیست و چهار سالگی به هرات رفت و به مصاحبت مشایخ صوفی پرداخت. سرانجام از مریدان یعقوب چرخي (م):

851 هـ. ق) شد که یکی از جانشینان اصلی بهاء الدین نقشبند بود. (26) احرار در حدود سال 835 هـ به تاشکند بازگشت و به زودی در مقام شیخ صوفی این شهر، به ارشاد پرداخت. (27)

خواجه عبیدالله زندگی را با فقر و تهیدستی شروع کرد. خود وی گوید: «... در زمان میرزا شاهرخ در هرات بودم و بر فلسفی قدرت نبود، و دستاری داشتم که ماهیچه‌ها از وی آویخته بود. هر بار که یک ماهیچه را بند می‌کردیم، یکدوی دیگر فرو می‌آویخت (28) احرار به زودی ثروت و مکنّت زیادی به دست آورد که از آن در ترویج طریقت نقشبندیّه و کمک به ضعیفا و فقرا استفاده می‌کرد.

صاحب رشحات می‌گوید: «پوشیده نماند که مال و منال و ضیاع و عقار و رمه و گله و مواشی و اسباب و املاک حضرت ایشان از حد و اندازه افزون بود و از حیثه حساب دایره شمار بیرون.» (29) خواجه احرار در روز جمعه 29 ربیع‌الاول 895 هـ در ده کمانگران در دامنه کوه جنوبی سمرقند، درگذشت. (30)

یکی از اقدامات اساسی احرار در جهت کمک به وضع مادی و معیشتی مردم ماوراءالنهر، لغو انواع مالیات‌هایی بود که از طرف سلاطین و امرای وقت بر مردم تحمیل می‌شد. همانند: لغو «تغمای بخارا و ماوراءالنهر» در سال 865 هـ و لغو مالیات «ده یازده» در سال 880 هـ. ق. (31). البته احرار غیر از اینکه با پرداخت این نوع مالیات‌ها به جهت فشاری که بر مردم وارد می‌شد مخالف بود، از نظر شرعی هم آن را با شریعت محمدی (ص) در تضاد می‌دانست. (32)

از خصوصیات بارز احرار، توجه و اهمیت زیاد ایشان به رعایت شریعت و سنت محمدی (ص) است. شدیداً پای بند به مقیدات و احکام دینی و مسائل شرعی بودند و در مواعظ‌ها و نصایح خود، مدام مریدان را به رعایت احکام دینی و سنت پیامبر (ص) سفارش می‌کردند. (33)

البته این تقدیر به احکام دینی و سنت پیامبر، یکی از خصوصیات مشترک تمام مشایخ نقشبندی بوده است. خود بهاء الدین نقشبند و حتی قبل از او خواجه عبدالخالق غجدوانی، همواره این مسأله را مورد تأکید قرار می‌دادند. اساساً با بدعت‌گذاری مخالف بودند و سرسختانه در قابل آن می‌ایستادند. (34)

خواجه احرار تعریف می‌کند که: «شهاب الدین سیرامی (علیه الرحمه) که استاد شیخ زین الدین خوافی و مولانا یعقوب چرخي (قدس سرهما) بود به سمرقند آمده و خواست که در مسجد و عظم گوید. مولانا محمد عطار سمرقندی که از کبار طبقه خواجه‌گاند و به کمال علم و تقوی و زهد و اصلاح و ورع آراسته بودند و سنت قوی و لطافت تمام داشته‌اند، در آن مجلس حاضر بوده‌اند و مولانا شهاب‌الدین، در وقت بر آمدن بر منبر پایه منبر را بوسه داده‌اند و به منبر بالا رفته، مولانا محمد چون آن صورت مشاهده کرده‌اند، فی الحال از آن مجلس برخاسته‌اند و بیرون آمده، مولانا شهاب‌الدین سخن ناگفته از منبر فرود آمده‌اند و در عقب ایشان رفته و استفسار نموده که از من چه بی ادبی در وجود آمده که شما بیرون آمدید و در مجلس ننشسته‌اند؟ ایشان فرمودند که ما علی‌الدوام خاطر مشغول می‌داریم و سعی و اهتمام می‌نماییم که هیچ نوع بدعتی در میان مردم نماند. شما این بدعت را از کجا آورده‌اید که حین بر آمدن به منبر، پایه منبر بوسه کنید؟ این در کدام کتاب و سنت است و کدام از ائمه سلف این

کرده‌اند که از امثال شما مردم دانشمند این امر واقع شود؟ بودن ما در آن مجلس مصلحت نیست.» (35)

عبدالله احرار علت همه گرفتاریها و بدبختی‌های اجتماعی مردم و غلبه مغول و تیمور را بر مسلمانان، همین عدم رعایت قوانین اسلامی و سنت پیامبر و شریعت او می‌دانند (36) بدون تردید، خواجه احرار در منازعات خانوادگی تیموریان و همچنین در آشوبها و مصالحه‌ها، نقش اساسی داشت. اکثر جنگهایی که بین تیمور زادگان در قرن نهم هجری اتفاق افتاده به توسط همین خواجه نقشبندی به صلح انجامیده است. می‌توان گفت که عبدالله احرار، نهایت استفاده را از قدرت و نفوذ خود در میان سلاطین تیموری کرده است. وی با بیشتر امرا و سلاطین، مراوده و مکاتبه داشت. کاتب او «روزی بودی که از قبل حضرت ایشان بیست رقعہ به پادشاهان زمان و امرار و ارباب دیوان نوشتی.» (37)

پیداست با این گونه مشاغل اجتماعی بسیار و آن ثروت بی شمار، خواجه عبدالله احرار دیگر فرصتی نمی‌یافت که به طالبان و مریدان خود بپردازد و به تربیت سالکان توجیهی کند. حتی مریدش، فخرالدین علی کاشفی نیز بدین مساله اشاره کرده است: «در این اوقات که حضرت ایشان را به سلاطین و حکام اختلاط و مشاغل ظاهری ایشان بسیار شده است، ایشان را مجال آنکه طالبان را به نفی و اثبات و توجهات و مراقبات فرمایند، نمانده است.» (38) سلطان ابوسعید بیشتر از سلاطین دیگر به احرار ارادت داشت. در تمامی جنگها از مشورت خواجه استفاده می‌کرد و «از غایت نیاز مندی گاهی پیاده برابر اسبش رفته، لوازم کمال ارادت به جای می‌آورد.» (39)

قبل از فرمانروایی ابوسعید، خواجه احرار تسلط او را بر تاشکند و سمرقند و خراسان مژده داده بود. ابوسعید شکل و شمایل شیخ مزبور را در نظر داشته و پس از وصول به تاشکند به جستجوی وی می‌پردازد. لیکن شیخ در آن ملاقات به وی بشارت می‌دهد تا موقعی که سلطان به خاطر حفظ شرایع اسلامی و منافع مسلمین می‌جنگد، همیشه پیروز و مظفر خواهد بود. (40)

میرزا ابوالقاسم بابر در سال 858 هـ عزم تسخیر سمرقند را می‌کند. سلطان ابوسعید برای دفاع از شهر با خواجه احرار مشورت می‌کند. چهل روز سپاهیان ابوسعید و مردم سمرقند در مقابل لشکریان بابر مقاومت می‌کنند. در نهایت این جنگ با تلاشهای احرار به صلح انجامید و سمرقند در دست ابوسعید ماند. (41)

در حادثه قیام میرزا محمد جوکی فرزند عبداللطیف و نوه الغ بیگ که در شاهرخیه * اتفاق افتاد، احرار نقش اساسی را در برقراری صلح ایفا کرد. در سال 866 هـ نیروهای ابوسعید شاهرخیه را برای بار دوم محاصره کردند و پس از یکسال مقاومت و پایداری در پاییز سال 867 هـ شهر به تصرف درآمد. (42) در عرض این مدت، بنا به تقاضای محصورین، دوباره خواجه احرار برای مذاکره صلح به شاهرخیه آمد و به آنها قول داد که هر گاه شهر را به سلطان سعید تحویل دهند جان و مال آنان در امان خواهد بود. با این وعده‌ای که احرار به محصورین داد قضیه با صلح خاتمه پیدا کرد (43)

* - در جانب راست سیحون جایی که راه خراسان از سمرقند به چاچ از رود سیحون می‌گذشت شهری واقع بود به نام بناکت که بعدها شاهرخیه نامیده شد. رک: لسترنج، سرزمینهای خلافت شرقی، ص 513، انتشارات علمی و فرهنگی.

در سال 872 هـ که سلطان ابوسعید در مرو بود و قصد یورش به عراق و آذربایجان کرد، برای مشاوری با خواجه عبیدالله، قاضی در پی او به سمرقند فرستاد و خواجه به مرو آمد و پس از گفت و شنید بسیار، حمله به عراق را تصویب کرد و خود به سمرقند بازگشت و امیر با سپاهی گران عازم عراق و آذربایجان (44) شد که در نهایت نتیجه‌ای جز مرگ او در پی نداشت.

جای بسی تعجب است، این لشکرکشی بدشگون و نامیوم که با صلاح‌دید و موافقت خواجه احرار صورت گرفته بود، از نفوذ او نکاست و چندان تأثیری در قدرت و نفوذ معنوی احرار در بین دستگاه حکومتی و مردم به وجود نیاورد. با اینکه پس از مرگ ابوسعید علیه خواجه تحریکاتی شد ولی در اثر ثبات و پایدار ماندن مراتب اخلاص و ارادتمندی سلطان احمد، فرزند سلطان ابوسعید، نسبت به خواجه احرار، جریان امر خود به خود منتفی شد. (45) به قول خواند میر: «فرزندان ابوسعید، به پیروی سخت پدر خود از جاده متابعت حضرت خواجه (احرار) تجاوز جایز نمی‌دانستند و پیوسته هم‌عالیه بر عظم‌شان و سمو مکانش می‌گماشتند.» (46)

در زمان امارت سلطان احمد میرزا (872-899) قدرت نقشبندیان بیش از پیش شد. در حقیقت عبیدالله احرار بود که به سمرقند حکم می‌راند، زیرا سلطان احمد مردی آرام و صوفی مشرب و ضعیف النفس بود. (47) چندان که یک بار که سلطان محمود میرزا و برادرش به سمرقند حمله کردند. از بیم او، به عبیدالله پناه برد. «عبیدالله بدان وقت در مدرسه‌ای بود، امیر را در حجره‌ای پنهان کرد و خود در کنارش نشست و او را دلدار می‌داد و خواجه عبیدالله خود دستور داد که حصار را استوار کنند و با خصم بجنگند.» (48)

یکبار نیز در 890 هـ که میرزا عمر شیخ، برادر دیگر سلطان احمد، به همراه سلطان محمود خان* به جانب سمرقند لشکر کشید، سلطان احمد و خواجه احرار را برای مصالحه با سپاه خود همراه برد و از سمرقند خارج شد و در شاه‌رخیه، خواجه هر سه را آشتی داد. (49)

پس از زوال دولت سلطان ابوسعید، گروهی از خواص دربار او به هرات رفتند و مورد انعام و تربیت سلطان حسین بایقرا گشتند. «اما معدودی چند از مشاهیر سپاه سمرقند کوچ و بنه خود را در هرات گذاشته بدون اجازه بایقرا به سمرقند بازگشتند و به احرار

* - خواند میر (همان اثر، ج 4، ص 109) این سلطان محمود خان را با میرزا سلطان محمود تیموری (پسر سلطان ابوسعید و برادر سلطان احمد و عمر شیخ اشتباه گرفته است و این واقعه را بدو نسبت داده است. ولی توضیح صاحب رشحات در باب سلطان محمود خان که می‌گوید: «سلطان محمود خان که خانی بود از خانان دشت...» (واعظ کاشفی، همان اثر، ص 532) معلوم می‌دارد که او کسی غیر از میرزا سلطان محمود بوده است. علاوه بر اینکه میرزا سلطان محمود با خواجه احرار روابط خوشی نداشت و چنان نبود که شفاعت و وساطت او را بپذیرد. ظاهراً قول صاحب رشحات که منقول است از «سلسله العارفین» مولانا محمد قاضی دقیق‌تر و صحیح‌تر است. چه، محمد قاضی خود در آن واقعه در اردوی میرزا سلطان احمد حضور داشته و شاهد عینی ماجرا بوده است. اما این سلطان محمود خان که از خانان دشت بوده، ظاهراً سلطان محمود خان شیبانی (تول 775 هـ) برادر محمد خان شیبانی و پدر عبیدالله خان شیبانی است که در یورشهای محمد خان همراه برادر و چندی حاکم بخارا بود و سرانجام در قندز در گذشت و نعش او را به سمرقند بردند و در مدرسه خانیه به خاک سپردند (ر.ک: حبیب السیر، ج 4، ص 277) و (محمد پارسا، همان اثر، مقدمه مصحح)

متوسل شدند که در اجازت نقل بازماندگان آنان به سلطان سفارش کند. احرار سفارشنامه‌ای به جامی نوشت چون سلطان را کمال ارادت به جامی بوده، همه را رخصت بازگشت به سمرقند داد.» (50)

در میان امیر زادگان تیموری، سلطان محمود میانه خوشی با خواجه احرار نداشت. دلیل این امر هم به زمانی بر می‌گردد که سلطان محمود قصد محاصره سمرقند را داشت و خواجه با فرستادن نامه‌ای او را از این کار منع نمود. وی در این نامه آورده بود که: «... در سمرقند مردم عزیز بسیارند، فقرا و مساکین بسیارند. ایشان را پیش از این به تنگ آوردن مناسب نیست، مبدا دلی درد کند تا دل دردمند چه کند؟ صلحا و مومنان که تنگدل شوند، نباید ترسید...» (51) علی‌رغم آن، سلطان محمود به عزم تسخیر سمرقند بدان سو لشکر کشید ولی با درایت خواجه احرار ناکام برگشت. (52)

پس از آنکه محمود بعد از مرگ سلطان احمد و فوت خواجه احرار در سال 899 هـ سمرقند را تصرف نمود، با نقشبندیان به درشتی برخورد کرد و در حق فرزندان و متعلقان عیبدالله احرار، ستیز و ستم بسیار روا داشت. (53)

قضاوت بار تولد در مورد احرار که می‌گوید: «... شیخ آسمانی (احرار) مدنیت سمرقند را به پایین‌ترین درجه انحطاط برد، دانشمندان و سرشناسان ماوراءالنهر را ترک گفته به هرات رفتند... تصوف آسیای مرکزی یعنی دشمن عالم مدنیت.» (54) چندان منصفانه نیست، زیرا عیبدالله... اقدامات مثبت زیادی نیز داشته است.

عبدالرحمن جامی (817-889 هـ ق)

نورالدین عبدالرحمن جامی یکی دیگر از شخصیت‌های برجسته فرقه نقشبندیه در قرن نهم هجری است که بیشتر به عنوان شاعری برجسته و خاتم الشعراء کلاسیک ایران شناخته شده است. (55) این شاعر بزرگ ایرانی در شهر کوچک جام در خراسان در 23 شعبان 817 هـ ق متولد شد (56) و در هرات روز پنجشنبه هجدهم محرم الحرام سال 898 هـ بدرود جهان گفت (57) و تشییع جنازه با شکوهی از او به عمل آمد که در آن جمعی از بزرگان هرات، از جمله خود سلطان حسین میرزا شرکت داشتند. (58)

جامی در طریقت نقشبندیه از مقام و موقعیت خاصی برخوردار بوده است. روابط حسنه‌ای که بین جامی و پیروان خواجه احرار وجود داشت از آثار جامی و «رشحات» معلوم می‌گردد. خواجه احرار جامی را حلقه اتصال بین خود و حکومت هرات می‌دانست. پس از زوال دولت سلطان ابوسعید، گروهی از خواص دربار او به هرات رفتند و مورد انعام و لطف سلطان حسین بایقرا گشتند.

می‌توان گفت که جامی از نادرترین شعرا و دانشمندان ایرانی است که با همه‌ی سلاطین معاصر خود روابط حسنه‌ای داشت. در تاریخ زندگی او هیچ برخورد و تنش بین او و سلاطین وقت نمی‌بینیم، با اینکه در آثار وی کمتر مدح صاحبان قدرت مشاهده می‌شود. اما بعد از مرگ جامی، زمانی که سلاطین صفوی روی کار آمدند، به جهت اینکه وی را یک سنی مذهب می‌دانستند، سعی در از بین بردن آثار او داشتند. شاه اسماعیل صفوی در هنگام فتح هرات دستور داد هر جا نام «جامی» نوشته شده، نقطه آن را برداشته «خامی» نمایند. (59) جدا از مورد مذکور در زمان حیات جامی، روابط او با سلاطین ایرانی و غیر ایرانی (همانند سلاطین عثمانی) کاملاً حسنه بود. (60) حرمت بسیاری که دربار عثمانی نسبت به

جامی می‌داشت، از دو نامه فارسی مشهود می‌شود که سلطان بایزید خان دوم (1512-1481 م) به او نگاشته و در منشیات فریدون بیگ (61) مندرج است. نامه نخستین که به لحنی مودب و با حرمت تحریر شده، به طوری که از جواب جامی به آن بر می‌آید، بدون تقاضای خاص و از روی لطف و عنایت صادر گشته و به مزید انعام و لطف شاهانه مزین است. در نامه دوم، سلطان بایزید امتنان خویش را از جوابی که جامی بدو نگاشته ابراز می‌دارد و برای او هزار فلورن (سکه طلا) جایزه می‌فرستد. (62) متأسفانه هیچ یک از دو نامه تاریخ ندارد.

ب، علل و دلایل مشارکت سیاسی و اجتماعی نقش‌بن‌دیان
آنچه در قرون هفتم تا دهم هجری در قلمرو تصوف ایران اسلامی رخ نمود، ظهور گفت‌وگویی جدید بود که از آن میتوان به "تغلب گفت‌وگومان سیاسی در اندیشه تصوف" یاد کرد. گفت‌وگومان مذکور در مقابل "گفت‌وگومان غیاب فعل سیاسی" که در قرون سوم تا دهم هجری مسلط بود، امر به ضرورت حضور متصوفه در عرصه سیاست و اجتماع می‌داد. این‌که چگونه گفت‌وگومان جدید توانست در عالم تصوف ایرانی مسلط شود؟ نیاز به تاملات و تعمقات گسترده دارد. با این حال نگارنده بر این عقیده است که آنچه اتفاق افتاده است، محصول جریان تقریب تشیع و تصوف است که با خواجه نصیرالدین طوسی آغاز شد و به وسیله شاگردانش همانند خاندان حلی، سید بن طاووس و... بسط یافت. در این راستا میثم بحرانی برای نخستین بار شرحی عرفانی بر نهج البلاغه می‌نویسد و در آن به وضوح آمیختگی تصوف، تشیع و حکمت را به نمایش می‌گذارد. سید حیدر آملی در "جامع الاسرار" می‌کوشد وحدت تصوف و تشیع را اثبات کند و با صراحت اعلام می‌کند که شیعی و صوفی دو اسمند برای یک معنی. همین‌طور ابن ابی‌جمهور احسایی در "المجلی" به پیوند میان حکمت اشراق سهروردی و عرفان ابن عربی و سنت شیعی قایل می‌شود. همچنین صدرالدین محمد ترکه اصفهانی در قواعد التوحید، حافظ برسی در "مشارق الانوار" و فیض کاشانی در "محجۃ البیضا" که تحریری شیعی از احیاء العلوم غزالی است، همین گفت‌وگومان تقریب و همبستگی معنایی میان تصوف و تشیع را دنبال می‌کنند. این جریان در مکتب فلسفی اصفهان با نمایندگان بزرگی مانند میرداماد و ملاصدرا به نقطه اوج می‌رسد. آثار بزرگان این مکتب ترکیبی از قضایای منطقی-فلسفی، شهود عرفانی، احادیث نبوی و آیات قرآنی است. بطور مشخص ملاصدرا به ترکیب فلسفه و دین در پرتو معرفت عرفانی و نظرگاه اسلامی توفیق یافته بود.

آنچه در حوزه نظر در قالب تقریب تشیع و تصوف رخ داده بود، در حوزه عمل در قالب نهضت‌های شیعی-صوفی مجال ظهور و بروز یافت. اندیشه جدید قدرتی از جنس خود را تولید کرده بود. ظهور نهضت‌های شیعی-صوفی حروفیه، نوربخشیه، سربداران، مشعشعیان و... محصول مستقیم تسلط گفت‌وگومان تقریب تشیع و تصوف بودند. به زعم نگارنده گفت‌وگومان مذکور علاوه بر طرایق صوفیانه شیعی، فرق صوفیانه سنی مذهب را نیز تحت تأثیر خود قرار داده بود. می‌دانیم که طرایق صوفیانه (از ادیان و مذاهب مختلف) دارای اشتراکات معنوی زیادی با هم هستند. شاید به همین دلیل باشد که برخی از صاحب‌نظران در تعریف تصوف و عرفان گفته‌اند که "جریان روحانی عظیمی است که از میان همه ادیان می‌گذرد." (آن ماری شیمل، ابعاد عرفانی اسلام، ترجمه عبدالرحیم گواهی،

ص 36). بنابراین فرق صوفیه تأثیر پذیری زیادی از یکدیگر در طول تاریخ داشته اند. بدون تردید وجود اندیشه‌های تساهل و مدارا و سلطه‌باورهای فرامذهبی در گفتمان صوفیانه در نگرش مثبت آنان به باورهای بیرونی بسیار تأثیرگذار بوده است.

پس دور از واقعیت نخواهد بود اگر ورود فرق صوفیانه سنی را به حوزه فعل سیاسی متأثر از تسلط گفتمان تقریب بدانیم و اینکه در قرون هفتم تا دهم هجری تشیع با تزریق مقوله انقلاب و تغییر بر کالبد تصوف آن را (از هر نوع و شکل اش) به صحنه فعالیت‌های سیاسی و اجتماعی می‌کشاند تا به جای کنار آمدن با وضعیت موجود به دنبال تغییر در مسیر رسیدن به وضعیت مطلوب قدم بردارد. ادعای نوشتار حاضر این است که گفتمان تغییرگرا در قرون هفتم تا دهم هجری همه فرق صوفیانه را، اعم از شیعه و سنی، تحت تأثیر قرار می‌دهد. به همین سبب در این دوره به همان اندازه که حروفيان و سربداران به دنبال تغییر وضع موجود هستند، نقشبندیان نیز در مسیر نیل به وضع مطلوب گام برمی‌دارند. زیرا همه این طریقات ذیل گفتمان تصوف تغییرگرا که با تقریب تصوف و تشیع حاصل شده بود، پیرامون خود را مورد ارزیابی قرار می‌دادند.

یادداشت‌ها:

- ¹ - جامی، عبدالرحمن، نفحات الانس من حضرات القدس، مصحح محمد توحیدی پور، انتشارات کتابفروشی محمودی، تهران، 1336، چاپ اول، ص 389.
- ² - معصومعلیشاه نایب الصدر شیرازی: طرایق الحقایق، به تصحیح محمد جعفر محجوب، کتابفروشی بارانی، تهران، 1345، ج 3، ص 62.
- ³ - محمد پارسا: قدسیه، تصحیح احمد طاهری عراقی، انتشارات طه‌وری، تهران، 1354، ص 66.
- ⁴ - واعظ کاشفی، فخرالدین علی صفی: رشحات عین الحیات، به تصحیح علی اصغر معینیان انتشارات بنیاد نیکوکاری نوریانی تهران 1356، ج 1، ص 108.
- ⁵ - همان جا.
- ⁶ - همان منبع، ص 109.
- ⁷ - بار تولد، و: الغ بیگ و زمان وی، ترجمه حسین احمدی پور، انتشارات کتابفروشی چهر، بی‌تا، ص 120.
- ⁸ - همان منبع، ص 212.
- ⁹ - میر عبدالاول نیشابوری: ملفوظات عبیدالله احرار نقشبندی، تصحیح: عارف نوشاهی، تهران، دانشگاه تهران، کتابخانه ادبیات، پایان نامه دکتری، ص 290.
- ¹⁰ - بار تولد، همان اثر، ص 188.
- ¹¹ - همان منبع، ص 197.
- ¹² - جامی، همان اثر، ص 396 و واعظ کاشفی، همان اثر، ج 1، ص 112.
- ¹³ - ابن الکربلائی، روضات الجنان و جنات الجنان، تهران بنگاه ترجمه و نشر کتاب 1344، جزء اول، ص 101.
- ¹⁴ - اسفزاری، معین الدین محمد زمجی: روضات الجنات فی اوصاف مدینه هرات، مصحح: سید محمد کاظم امام، انتشارات دانشگاه تهران 1328، بخش دوم، ص 176.
- ¹⁵ - همان جا.
- ¹⁶ - نایب الصدر شیرازی، همان اثر، ج 3، ص 62 و خواندمیر، همان اثر، ج 4، ص 4.

- 17 - جامي، همان اثر، ص 397، و واعظ کاشفي، همان اثر، ج 1، ص 159.
- 18 - فصیحی خوافي: مجمل فصیحی، مشهد کتابفروشي باستان 1339، جلد سوم، ص 232
- 19 - همان جا.
- 20 - واعظ کاشفي، همان اثر، ج 2، ص 394.
- 21 - همان منبع، ج 1، ص 159.
- 22 - خواندمير، غياث الدين: تاريخ حبيب السیر، تهران انتشارات خيام 1333. ج 4، ص 200
- 23 - همان منبع، ص 203.
- 24 - همان منبع، ص 109، و جامي، همان اثر، ص 406
- 25 - واعظ کاشفي، همان اثر، ج 2، ص 390.
- 26 - همان منبع، ص 406.
- 27 - همان جا.
- 28 - همان منبع، ص 399.
- 29 - واعظ کاشفي، همان اثر، همان جلد، ص 404.
- 30 - مير عبدالاول نيشابوري، همان اثر، ص 307؛ و بغدادی اسماعيل پاشا: هديه العارفين، دارالاحياء التراث العربی، بيروت، ج 1، ص 650.
- 31 - اسفزاری، همان اثر، ج 2، ص 250، و واعظ کاشفي، همان اثر، طبع کانپور، ص 300
- 32 - مير عبدالاول نيشابوري، همان اثر، ص 165.
- 33 - همان منبع: صص 131 و 282 و واعظ کاشفي، همان اثر، چاپ تهران، ج 2، صص 493 و 421 و 490.
- 34 - همان جا.
- 35 - همان جا.
- 36 - مير عبدالاول نيشابوري، همان اثر، ص 162.
- 37 - واعظ کاشفي، همان اثر، چاپ کانپور، ص 348.
- 38 - همان منبع، ص 331.
- 39 - خواندمير، همان اثر، ج 4، ص 109.
- 40 - بار تولد، همان اثر، ص 279.
- 41 - اسفزاری، همان اثر، بخش دوم، ص 176.
- 42 - خواندمير، همان اثر، ج 4، ص 82، و بار تولد، همان اثر، ص 288.
- 43 - خواندمير، همان جا و اسفزاری، همان اثر، ج 2، ص 250.
- 44 - خواندمير، همان اثر، همان جلد، ص 87.
- 45 - بار تولد، همان اثر، ص 293.
- 46 - خواندمير، همان اثر، همان جلد، ص 109.
- 47 - همان منبع، ص 95.
- 48 - واعظ کاشفي، همان اثر، همان جلد، صص 293-295.
- 49 - همان منبع، ص 532، و خواندمير، همان جا.
- 50 - عبدالواسع باخرزي: مقامات جامي، مقدمه و تصحيح: نجيب مايل هروي، نشر ني، تهران، 1371، چاپ اول، ص 151.
- 51 - واعظ کاشفي، همان اثر، ج 2، ص 526.
- 52 - همان منبع، صص 527-528.
- 53 - خواندمير، همان اثر، همان جلد، صص 97-98.
- 54 - بار تولد، همان اثر، صص 296-297.

- ⁵⁵ - براون، ادوارد: از سعدي تا جامي، ترجمه علي اصغر حكمت، چاپخانه بانك ملي ايران، تهران، 1327 ش، ص 493.
- ⁵⁶ - خواندمير، همان اثر، همان جلد، ص 493.
- ⁵⁷ - اصيل الدين عبدالله واعظ: مرصد الاقبال، ص 101.
- ⁵⁸ - بار تولد: زندگي سياسي مير عليشير نوابي، ترجمه پوهاند مير حسين شاه، نشر گروه تاريخ تولند (انجمن تاريخ) دلو، 1346، كابل، ص 34.
- ⁵⁹ - سام ميرزا صفوي: تحفه سامي، به كوشش ركن الدين همايونفرخ، انتشارات علمي، تهران، بي تا، صص 86، 85.
- ⁶⁰ - باخري، همان اثر، صص 183، 163 و لاري، همان اثر، ص 37.
- ⁶¹ - ج 1، ص 61، به نقل از: براون، از سعدي تا جامي، ص 470.
- ⁶² - نوائي: عبدالحسين: اسناد و مكاتبات تاريخي ايران از تيمور تا شاه اسماعيل، بنگاه ترجمه و نشر كتاب تهران، 1356، ص 406؛ و براون، همان اثر، ص 470.